

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КАЗАНСКИЙ ФИЛИАЛ

254/п
25/п - 582

ИЗВЕСТИЯ КАЗАНСКОГО ФИЛИАЛА

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

1

ТАТКНИГОИЗДАТ
КАЗАНЬ 1955

П-147

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КАЗАНСКИЙ ФИЛИАЛ

ИЗВЕСТИЯ КАЗАНСКОГО ФИЛИАЛА

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ВЫПУСК 1

ТАТКНИГОИЗДАТ
РЕДАКЦИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
КАЗАНЬ 1955

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Казанского филиала Академии наук СССР

Редакционная коллегия:

Доктор исторических наук, профессор Н. И. Воробьев, кандидат филологических наук Л. З. Заляй, кандидат филологических наук Х. Ф. Хайруллин (отв. редактор), кандидат исторических наук Х. Г. Гимади и кандидат филологических наук М. Х. Гайнуллин

Х. Г. ГИМАДИ

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ТАТАРИИ
К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ¹.

В октябре 1552 года территория Татарии была присоединена к Русскому государству. Это событие составляет особо важную страницу в истории татарского и других народов Среднего Поволжья. С этого времени татарский народ, многие годы страдавший от тяжелого гнета чуждых ему деспотических золотоордынских и казанских ханов, вошел в состав развивавшегося в прогрессивном направлении Русского государства и связал свою судьбу непосредственно с великим русским народом. Вся дальнейшая история татарского народа протекала уже в условиях многонационального централизованного Русского государства.

Присоединение Татарии к Русскому государству произошло в очень сложной обстановке — как международной, так и внутренней. Это было время, когда, с одной стороны, раздираемое внутренними и внешними противоречиями Казанское ханство быстро шло к упадку, с другой — в борьбе с монгольским игом и феодальной раздробленностью складывалось единое многонациональное централизованное Русское государство.

Все прогрессивные силы Руси поддерживали политику объединения земель, которую осуществляли московские великие князья. Иван III в 1480 году навсегда покончил с игом золотоордынских ханов. „Изумленная Европа, — писал Маркс, — в начале царствования Ивана III едва ли даже подозревая о существовании Московии, затиснутой между Литвой и татарами, была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на ее восточных границах, и сам султан Баязет, перед которым она трепетала, услышал впервые от московитов надменные речи“².

Глашатаем объединения земель выступила Москва. И. В. Сталин, приветствуя Москву в день ее восьмисотлетия, писал: „Историческая заслуга Москвы состоит в том, что она была и остается основой и инициатором создания централизованного государства на Руси“³.

В тот исторический период серьезную опасность на пути создания централизованного Русского государства представляла султанская Турция, социальный и экономический строй которой находился „на самой низкой, варварской стадии феодализма“⁴. Турецкие агрес-

¹ Доклад прочитан на научной сессии Казанского филиала АН СССР.

² К. Маркс, Секретная дипломатия XVIII в.

³ „Правда“ от 7 сентября 1947 года.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. IX, стр. 374.

сёры в середине XVI века захватили Балканы, южную Украину, Крым, Кубань и большую часть Закавказья. Они претендовали на установление своего господства в Казани и Астрахани, называя их „наши юрты“.

Над народами, подпавшими под турецкое иго, был установлен режим кровавого террора и насилия. Захватчики беспощадно грабили и уничтожали производительные силы и культурные ценности народов. Турецкие ассимиляторы насильственными методами пытались отуречить покоренные народы, старались искалечить и уничтожить их языки.

Для осуществления своих захватнических планов турецкие колонизаторы использовали знамя ислама. Мюридизм — наиболее реакционное и воинствующее течение ислама — занимал одно из основных мест в арсенале турецких захватчиков. Под разбойничьим лозунгом газавата („священная война“) турецкие султаны и их крымские вассалы организовывали многочисленные грабительские набеги на русские земли, разоряли мирное население и угоняли его в неволю.

Опасность для Русского государства еще больше усилилась, когда под турецким влиянием оказались Нижнее и Среднее Поволжье, т. е. Астраханское и Казанское ханства. В 1521 году, опираясь на свою агентуру среди казанских феодалов, крымские ханы Гирей — верные холопы султана, захватывают власть в Казани. Казанским ханом становится Сахиб-Гирей — злейший враг Русского государства. Над трудящимися массами татарского народа, а также подвластными ханам другими народами края (мари, чувашами, удмуртами и т. д.), было установлено иго турецко-крымских захватчиков. Сохранившийся до наших дней ярлык хана Сахиб-Гирея свидетельствует о жестокой военно-феодальной эксплуатации трудового населения ханства.

Подстрекаемые турецким султаном, объединенные силы казанских и крымских ханов стали совершать еще более разорительные набеги на русские земли. Особенно опустошительными были для русского народа походы турецкого вассала хана Сафа-Гирея, который неоднократно нападал на Нижний Новгород, Муром, Кострому, Устюг. Именно поэтому буржуазно-националистическая историография и поднимала на щит подобных организаторов разбойничьих набегов на Русь.

Захватническая политика казанских ханов была чужда татарскому населению, равно как и поработленным ханами народам Среднего Поволжья. Эти народы уже давно тяготели к Русскому государству, в котором надеялись найти защиту от нашествий с Востока.

Деспотический режим, установленный в Казанском ханстве, длился многие десятилетия и серьезно задержал социально-экономическое и культурное развитие татарского народа. Феодалная раздробленность и междоусобицы, разорительные захватнические войны, паразитический общественный строй, господство реакционной идеологии мусульманского мракобесия — все это тяжело придавило трудовое население Казанского ханства. Не раз поднимались народные массы против деспотизма и насилия ханов. В исторических документах упоминаются, например, восстания 1531, 1545—46 и 1549 годов. В 1546 году казанцы поднялись против Сафа-Гирея, который „неправды многие учинил“. „Восста в Казани в вельможах и во всем народе смятение велико, воздвигоша бо крамолу, соединившиеся большие с меньшими на царя своего Сапкирея (Сафа-Гирея) и свергоша его с царства своего, выгнаша его из Казани“ — читаем мы в летописи. В 1549 году в Казани вновь поднялись низы. Летописец

писал: „... не хотят бо казанцы меньшие больших слушати и покоряться им...“¹.

Протурецкая политика Гиреев вызвала недовольство даже части казанских феодалов, которые стали искать союза с Русским государством. К установлению дружеских отношений с русскими стремился и посадский люд, заинтересованный в более тесных экономических связях с Русью.

Поднимали голос возмущения и поработенные народы ханства, находившиеся под двойным гнетом. Свои взоры они обращали к Москве. Еще в сентябре 1547 года люди из „горной черемисы“ (чуваша и мари) обратились к царю Ивану IV, „чтобы государь пожаловал, послал рать на Казань, а они с воеводами государю служить хотят“². Многолетняя борьба марийского и чувашского народов против казанских ханов завершается тем, что так называемая „Горная сторона“ (правобережье Волги) добровольно присоединяется в 1551 году к Русскому государству. Следует отметить, что в числе присоединившихся оказалось и собственно татарское население „Горной стороны“, которое приняло затем участие в борьбе с последним казанским ханом Эдигером. В 1551 году, опираясь на „горных людей“, Иван IV построил в устье реки Свияги город Свияжск, ставший опорным пунктом для дальнейшего наступления на Казань.

Основание под самой Казанью Свияжска свидетельствовало о том, что Казанское ханство находилось накануне падения. Однако от агрессивной политики ханы не отказывались.

В начале 1552 года Иван IV попытался мирным путем урегулировать взаимоотношения между двумя государствами и вел переговоры о переходе Казанского ханства под протекторат Русского государства, но безрезультатно. Казанские феодалы протурецкой ориентации, совершив переворот, посадили на престол астраханского царевича Эдигера и вступили на путь войны с Русским государством, рассчитывая на помощь Турции. По этому поводу летописец отмечал: „А казанцы изменя государю да и в Нагаи, послали царя просити, а на Горную сторону стали войною приходить и отводить их от государя“³.

Это обстоятельство заставило правительство Ивана IV предпринять против Казани более активные действия. На Казань была двинута 150.000 русская армия, которая по сравнению с казанским войском имела более высокую военную технику и организацию. После длительной осады войска Ивана IV штурмом взяли 2 октября 1552 года Казань и пленили хана Эдигера. Среднее Поволжье вскоре было присоединено к Русскому государству. С гнездом турецкой агентуры в Казани было, таким образом, покончено.

Татары, как и другие народы Среднего Поволжья, вошли в состав Русского государства, создание которого было ускорено потребностями обороны от нашествия турок и монголов. Ведущую роль в создании этого государства сыграл великий русский народ. И. В. Сталин писал: „В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию“⁴.

В той обстановке присоединение к Русскому государству было для татарского народа единственно правильным историческим путем.

¹ ПСРЛ, т. XIX, стр. 56.

² ПСРЛ, т. 13, Первая половина, СПб., 1904 г., стр. 149.

³ ПСРЛ, т. 13, Первая половина, СПб., 1904 г., стр. 177.

⁴ И. Сталин, Соч., т. 2, стр. 304.

Татары и другие народы Среднего Поволжья избежали опасности порабощения варварским турецким феодализмом, который мог задержать на столетия развитие их производительных сил и культуры. Напротив, присоединение Татарии к Русскому государству, стоявшему на более высоком уровне общественного и экономического развития, означало, что наступает конец феодальной раздробленности, бесконечным варварским нашествиям, хищническим истреблениям производительных сил, от которых в первую очередь страдали подлинные творцы истории — народные массы.

Присоединение Татарии к Русскому государству способствовало приобщению татарского и других народов к более передовой экономике и культуре русского народа. Теперь открывалась широкая перспектива более тесного сближения русского, татарского и других народов в составе единого централизованного государства.

Присоединение Татарии к Русскому государству способствовало развитию производительных сил народов Среднего Поволжья. Русские хлебопашцы принесли в край более прогрессивные формы земледелия. От русских крестьян были переняты новые формы ведения хозяйства, в частности зачатки садоводства и огородничества. Освоение богатых закамских земель также нужно объяснить русской колонизацией XVI—XVII вв., когда были построены укрепленные линии (черты). Казанский край становится поставщиком товарного хлеба и другой продукции сельского хозяйства. От русских, как показывают данные советских исследователей, татары восприняли значительное число предметов своего хозяйства. К ним необходимо отнести улучшенный бревенчатый сруб, многие сельскохозяйственные орудия и части сруба: соха, цеп, хомут, дуга и т. п., сохранивших даже русские названия (сука, чап-агач, камыт, дуга)¹.

Казанский край сыграл важную роль в создании и единого все-русского рынка. Кроме Казани и Свияжска, здесь появились новые города (Ланшев, Тетюши, Чебоксары, Козмодемьянск, Кокшайск и др.), явившиеся не только военными крепостями, но и торгово-ремесленными центрами. Из всех городов края в первую очередь выделялась Казань. Английский путешественник XVI века Дженкинсон писал: „Казань — прекрасный город, построенный по русскому и татарскому образцу, с крепким замком, стоящим на высоком холме. Замок был обнесен валом с деревянными укреплениями, но русский царь приказал теперь снести старые стены и выстроить новые из белого камня“². В городе проживали не только служилые и военные сословия, но и значительное количество посадских людей. Писцовые книги Казани отмечают, что посадских в 1565 году было 765, а в 1646 году — 2597³. В казанском торгу можно было встретить купцов из Москвы, Твери, Н.Новгорода, Астрахани, Устюга и др. городов. В свою очередь в Москве проживали казанские ремесленники. Источники говорят о сапожниках из Казани и Свияжска⁴. Оживляется внутренняя торговля, в которой участвуют и русские, и местное население. Татары Казанского уезда, по свидетельству Г. Котошихина, продавали в Москве многие тысячи голов лошадей⁵.

¹ Проф. Н. И. Воробьев, Происхождение казанских татар по данным этнографии. Сб. „Происхождение казанских татар“, Казань, 1948 г., стр. 76—77.

² Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Перевод Ю. В. Готье, М., 1937 г., стр. 168.

³ История Татарии в материалах и документах, т. I, М., 1937, стр. 189—190.

⁴ История Москвы, т. I, М., 1953 г., стр. 384.

⁵ Г. Котошихин, О России в царствование Алексея Михайловича, стр. 92.

Казань очень рано стала играть большую роль и в международной торговле, главным образом, с Ираном и Средней Азией. Через Казань из Москвы и других городов Русского государства товары направлялись татарами Казанского уезда в Оренбург для меновой торговли с казахами, бухарцами и хивинцами¹.

Присоединение территории Татарии к Русскому государству способствовало также освоению природных богатств края и появлению мануфактур. В XVII веке в крае были открыты медные руды и появились первые медеплавильные заводы. В начале XVII века основывается Кукморский или Таишевский завод, первыми мастеровыми людьми которого были русские. В XVIII веке на территории Татарии появилось множество других мануфактур, среди которых выделялась казанская суконная мануфактура. Правы авторы „Истории Москвы“, подчеркивая, что район Казани изобилует не только сырьем, но и людьми, привыкшими к его обработке. „Поэтому десятки новых мануфактур возникали именно там, где существовали благоприятные для этого условия“².

Дружба между народами нашей страны возникла и окрепла на почве трудовой деятельности и совместной борьбы с чужеземными захватчиками и помещичье-капиталистическим гнетом. Все это говорит о том, что присоединение края к Русскому государству являлось глубоко положительным явлением. В своем письме Карлу Марксу 23 мая 1851 года Фридрих Энгельс писал: „Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар“³.

Прогрессивную историческую роль России прекрасно сознавали лучшие люди татарского и других народов Поволжья. „Зачем идти с поклоном в другие страны! Мы — люди России“⁴, — провозглашал выдающийся татарский просветитель Каюм Насыров. Известный просветитель чувашского народа И. Я. Яковлев писал: „Россия и русский народ — огромное мировое тело, движущееся по своей исторической орбите, увлекающая за собой ряд исторически с ним связанных более мелких этнических групп. Чуваша должны преданно помогать русскому народу в разрешении возникающих перед ним исторических заданий, с верой в то, что многострадальный мудрый русский народ поймет в свое время; признает и оценит их подвиги и жертвы“⁵. Горячим патриотом России был великий татарский поэт Габдулла Тукай, который писал:

„Нам издавна другом был русский народ.
И разве конец этой дружбе придет?
Да, мы родились и растем в вышину,
Нанизаны словно на нитку одну“⁶.

Передовые деятели татарского народа, ратуя за вечную дружбу с русским народом, в то же время беспощадно разоблачали тех, кто низкопоклонствовал перед буржуазным Западом и феодальным Востоком. Страной ярма и вечных стонов назвал султанскую Турцию

¹ История Москвы, т. II, М., 1953 г., стр. 289.

² История Москвы, т. II, М., 1953 г., стр. 244.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. XXI, стр. 211.

⁴ Сб. „Каюм Насыри“, Казань, 1948 г., стр. 38.

⁵ Сб. „И. Я. Яковлев“, Чувгосиздат, 1948 г., стр. 119.

⁶ Г. Тукай, Стихи, поэмы и сказки, Казань, 1951 г., стр. 21.

Тукай. Он с гневом разоблачал татарских националистов, призывавших татар к переселению в Турцию.

«Ответ наш ясный и простой запомнить просим
навсегда,
Вам лучше в Турции? Туда, пожалуй сами, господа!»¹

В лице русского народа нерусские народности нашли искреннего друга и защитника в борьбе против всякого рода гнета, против эксплуататорских классов и царского самодержавия, осуществлявших политику социального и национального гнета. «Царская Россия была тюрьмой народов. Многочисленные нерусские народности царской России были совершенно бесправны, беспрестанно подвергались всяческому унижению и оскорблению... Царизм выступал в качестве палача и мучителя нерусских народов»². В национальных районах угнетать народы России царским палачам помогали татарские баи, мурзы, муллы и капиталисты.

Царское самодержавие в одинаковой степени являлось врагом и самого русского народа. Русскому народу, его передовым представителям всегда было чуждо угнетение нерусских народов. Лучшие представители русского общества горячо отстаивали права угнетенных царизмом народов. Великий русский революционный демократ Н. А. Добролюбов писал: «Настоящий патриотизм, как частное проявление любви к человечеству, не уживается с неприязнью к отдельным народностям»³. Известный русский писатель В. Г. Короленко выступил с защитой ложно обвиненных царскими властями мултанских удмуртов и заклеил позором организаторов судилища. Герцен, разоблачая гнусные колонизаторские методы царизма, подчеркивал: «Все те, которые не умеют отделить русского правительства от русского народа, ничего не понимают».

Таким образом, «кроме России реакционной существовала еще Россия революционная, Россия Радищевых и Чернышевских, Желябовых и Ульяновых, Халтуриных и Алексеевых»⁴.

В лице этой прогрессивной и революционной России татарский народ, как и другие народы нашей страны, всегда находил себе искреннего друга и опору.

Именно под благотворным влиянием этой России и происходил процесс развития прогрессивных сил татарского народа, рост его демократической культуры. Основанный в 1804 году, Казанский университет стал крупнейшим научным центром страны и оказал большое влияние на формирование передовых идей и культуры татарского народа. Уже в первой половине XIX века в стенах университета работают татарские ученые И. Хальфин, Х. Фаезханов и др., а позднее рука об руку с русскими учеными трудились на ниве просвещения своего народа Каюм Насыров и другие просветители татарского народа.

Своим зарождением и развитием татарская демократическая литература, печать, театр, музыка и другие отрасли культуры обязаны русской культуре. Именно она была для передовой татарской культуры маяком, освещающим путь. Своими учителями Тукай называл Пушкина и Лермонтова. С глубокой любовью преклонялся перед великим Горьким зачинатель татарской пролетарской литературы Г. Кулахметов, указав на обложке своей книги «Яшь гомер»

¹ Г. Тукай, Стихи, поэмы и сказки, Казань, 1951 г., стр. 78.

² История ВКП(б). Краткий курс, стр. 6.

³ «Родина», Сборник высказываний русских писателей о Родине, М., 1943 г., стр. 109.

⁴ И. Сталин, Соч., т. 13, стр. 24—25.

(«Молодая жизнь»): «Эта пьеса написана в подражание знаменитому русскому писателю Максиму Горькому».

Исторические связи русского и татарского народов крепили и в их совместной борьбе против чужеземных захватчиков.

В середине XVI века жизненным вопросом для Русского государства становится борьба за выход к морю. Дальнейшее развитие экономики в значительной степени зависело от решения этой проблемы. После присоединения Казани Иван IV начал войну с Ливонским орденом, которого поддерживали Польша, Литва и Дания. Для участия в этой войне царь привлек также народы Среднего Поволжья (татар, чуваш, мари, мордву). Войска местных народов, как свидетельствуют исторические документы, оказали весьма существенную помощь русской армии. Татарские полки во время войны действовали рука об руку с русскими и прославились при взятии Юрьева и Нарвы. По свидетельству летописца, в передовом полку под начальством Д. Ф. Адашева шли «казанские люди из Казани и из Свияги (Свияжска) и из Чебоксар и Черемиса, и новокрещены»¹. Героическая оборона русских городов Полоцка, Великих Лук и других также неразрывно связана с участием народов Среднего Поволжья². Так, например, в обороне г. Великих Лук (1565 г.) принимали участие свияжские, касимовские и казанские татары. С ужасом описывали рыцари события, связанные с взятием русскими Нарвы, куда с вихрем ворвались татарские всадники «на белых конях с длинными пиками, сверкающими на солнце».

Попутно следует отметить, что в это время часть татарских феодалов, подстрекаемая Турцией, в целях отторжения Поволжья от Русского государства поднимала реакционные мятежи. При этом, не надеясь на поддержку местных народностей, она пыталась опереться на крымских ставленников Турции. Однако народные массы были против авантюристских планов феодалов и решительно выступили против них и крымских захватчиков. Так случилось в 1558 году, когда «горные люди» разгромили отряд крымцев, пришедших войной. Летописец пишет по этому поводу, что крымцев «побили на голову и полон весь ополонили»³. Против крымских захватчиков народы Поволжья, в том числе и татары, в составе русской армии не раз выступали и в XVII веке. В одном древнем акте сказано, что против крымцев были двинуты «татаровья казанские и свияжские»⁴.

Историческое единение русского, татарского и других народов выдержало испытание и в борьбе с польскими захватчиками в начале XVII века. В период, когда судьба страны висела на волоске, все народы объединились вокруг великого русского народа и вместе отстаивали честь и целостность России. В 1605 году население многонационального Поволжья во главе с русским народом отказалось признать власть польского ставленника Лжедмитрия и выразило свою верность Московскому правительству. Татары были в числе тех, кто выступил против попыток Лжедмитрия посадить в Н.Новгороде своих ставленников («воров»). Из Казани против них был направлен большой отряд, состоявший из русских, татар и башкир. В схватках с врагом казанское ополчение нанесло врагу ряд поражений. В 1609 году Лжедмитрий II двинул свои войска на Казань. Передовые его отряды уже стояли недалеко от Казани. Против врага вместе с русскими выступили «с вогненным боем и нарядом... и татары, и чувашы, и черемисы (мари), и вотяки (удмурты)».

¹ ПСРЛ, т. XIII, ч. II, стр. 287.

² Там же, стр. 348.

³ ПСРЛ, т. XIII, стр. 305.

⁴ ААЭ, т. III, стр. 271.

воров (т. е. поляков — Х. Г.), — писал очевидец, — в Горной стороне, в деревне Бурундукове, побили всех наголову, и многих поймали, и набаты, и знамена их взяли¹.

Об участии татар и других народов Поволжья в борьбе против польских захватчиков оставили сведения и иностранцы, проживавшие в начале XVII века в России. Англичанин Джером Горсей писал: „Эти инородцы (татары, мари, мордва и др. — Х. Г.) долго находились под властью русских царей... Они поднялись в огромном числе, вооружились, напали на поляков, подвергли их неминуемой опасности... Поляки вынуждены были обратиться поспешно в бегство, вместе с захваченными ими сокровищами и добычей. Таким образом, страна была освобождена“².

Много татар откликнулось на призыв великого патриота земли русской Козьмы Минина, призвавшего в 1611 году все народы на борьбу с лютым врагом. Казанские татары³, как пишут современники, направили деньги и другие пожертвования в фонд народного ополчения. Татарские женщины и девушки отдавали в пользу народного ополчения свои нагрудные украшения и дорогие венцы, сделанные из серебра и золота. Казанское ополчение под командованием татарского головы участвовало в походах и сражениях с войсками польских захватчиков.

В октябре 1612 года татарские конники в составе русской армии участвовали в освобождении от поляков Москвы.

Совместно выступили против захватчиков народы нашей страны и во время Отечественной войны 1812 года, когда Наполеон с своей армией вторгся в пределы России. Наполеон хотел установить свое господство над миром. Однако он натолкнулся на грозную силу великого русского народа, вместе с которым поднялись и другие народы России. Все они считали священным долгом внести свою долю в общее справедливое дело. Декабрист Якушкин писал об этом: „Война 1812 года пробудила народ русский к жизни и составляет важнейший период в его политическом существовании... Мне теперь еще помнятся слова шедшего около меня солдата: „Ну, слава богу, вся Россия в поход пошла!“⁴

Отечественная война пробудила к борьбе и татарский народ, разожгла в нем патриотический порыв, еще теснее сплотила его вокруг великого русского народа. Со всех концов России, где проживало татарское население, народ выражал свое желание биться с ненавистным врагом.

„Не токмо стародавние сыны России, но и народы, отличные языком, нравами, верою и образом жизни, народы кочующие и те, наравне с природными россиянами, готовы были умереть за землю русскую. Мордва, тептяри, мещеряки, черемиса ревностно и охотно шли на службу“, — писал участник Отечественной войны 1812 года С. Глинка.

Манифест, извещавший о нападении на Родину врага, был переведен на татарский язык. По свидетельству современников, он оказал сильное впечатление на татар и „открыл усерднейшее соревнование в пользу отечества“. В тревожные дни начала войны в Казани собрались представители всех сословий и национальностей нашего края. На собрании выступали и татары, вспоминая своих предков, „ходив-

ших в ополчении Минина“ и говорили, что они теперь на своих лихих конях „будут громить врага рода человеческого“¹. И в других городах России среди татарского населения чувствовался необычайный подъем. Так, например, прослушав манифест о войне, астраханские татары тотчас же собрали денежные пожертвования². На нужды армии было собрано 23.000 рублей. Свыше 10.000 рублей поступило пожертвований от казанских татар. Женщины-татарки, как и во времена Минина и Пожарского, жертвовали свои украшения и драгоценности. Такую же картину можно было наблюдать везде: в Оренбурге, в Чистополе, в Уфе и в других городах нашей страны.

По примеру русских патриотов лучшие сыны татарского народа шли в народное ополчение. Много добровольцев-татар выразило желание записаться в Казанское ополчение. Мать двоих сыновей Нигматуллина проводила одного сына в регулярную армию, а младшего сына она просила Казанскую татарскую ратушу зачислить добровольцем в ополчение.

Значительна была роль татарских воинов в регулярной действующей армии. Учитывая боевые подвиги татар в предыдущих войнах, правительство и военные власти в августе 1812 года распорядились о создании специальных частей „из башкирских и мещеряцких народов“. На территории Башкирии были снаряжены татаро-башкирские полки, одним из командиров которых стал Абдрахман Акджигитов. Судя по народным преданиям и песням, эти полки „сражались“ с начала до конца войны, а затем в составе русской армии участвовали в походе на Париж“³.

В начале ноября 1812 года в сражениях с неприятелем под Минском татарский уланский полк, действуя с русскими казачьими полками, участвовал в разгроме крупного соединения вражеских войск.

О видной роли татар и башкир в Отечественной войне свидетельствуют и воспоминания одного французского генерала, который писал: „Во время нашего пребывания на высотах у Пильниц неприятель, в особенности русские, получили многочисленные подкрепления: эти подкрепления были переведены из-за Москвы и заключали в себе очень большое количество татар и башкир, вооруженных пиками и стрелами... Они носились вокруг наших войск точно рой ос, прокрадывались всюду, настигнуть их было очень трудно“⁴.

Много татар в составе казанского ополчения отличились и в боях за освобождение от французов в 1813 г. гор. Дрездена. По этому поводу командир казанского ополчения Чичагов писал: „Казанцы были выдвинуты на передовые позиции и сумели в непрерывных боях проявить огромную стойкость и мужество“⁵.

За героические подвиги многие сыны татарского народа были награждены медалями. В числе награжденных был простой крестьянин Агеев. О своих боевых делах татары-воины, участники Отечественной войны 1812 года, сложили ряд песен:

„Три-четыре раза вступал я в битву,
(Где) кровь текла до пояса.
Когда битва наша окончилась,
Повесили нам медали“.

¹ Акты Арх. экспед., II, № 114, цит. по Вельяминову-Зернову „О Касимовских царях и царевичах“, стр. 217.

² Записки о Московии, СПб, 1909 г., стр. 106.

³ С. Ф. Платнов, Очерки по истории смуты в Московском государстве в XVI—XVII вв., Союзгиз, 1937 г., стр. 412.

⁴ „Записки“, изд. VII, 1926 г., стр. 119.

¹ Сб. „Казань в Отечественной войне 1812 г.“, Казань, 1942 г., стр. 13.

² Михайловский-Данилевский, Описание Отечественной войны 1812 г., ч. II, стр. 51.

³ „Шуро“, № 7 за 1912 год.

⁴ Цит. по т. Раимову, Башкиры в Отечественной войне 1812 года, Уфа, 1942 г., стр. 7—8.

⁵ „Казанские известия“, № 17 за 1813 год.

Дружба татарского и русского народов, как и всех народов нашей страны, крепла и расширялась, прежде всего, в борьбе против царского строя и помещичье-капиталистического гнета.

Царизм и его чиновники были злейшим врагом народных масс. Особенно тяжело жилось в царской России нерусским народностям. В лице местных алпаутов, мурз и баев царизм находил себе опору. Например, такие представители татарского феодального класса, как Тевкелевы, Утяшевы и др. за „усердную службу“ против своего народа получали ордена и награждались земельными угодьями и крепостными крестьянами. Против режима насилия и угнетения неоднократно поднимались народы России и, не жалея сил и крови, пытались завоевать себе свободу. „Когда было крепостное право, — писал В. И. Ленин, — вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство“¹. Русский народ, не раз показавший образцы героической борьбы за свободу, и здесь шел впереди, ведя за собой другие народы России. Он выдвинул таких талантливых руководителей крестьянских войн, как Болотников, Разин и Пугачев. Имена этих бесстрашных героев украшают историю всех народов России, в том числе и татарского народа. В этих освободительных войнах татары приняли самое активное участие. Много славных батыров рука об руку с русскими, чувашами, марийцами, башкирами сражались против царских воевод и генералов. Одним из самых близких помощников Разина был татарин Хасан Айбулатов. 20 сентября 1670 года между царскими войсками и объединенными русско-татарско-чувашскими отрядами у дер. Куланга (на Свияге) произошел великий бой, который длился „с утра до сумерек“, — доносил царю кн. Урусов. В этом бою татары „с великим рвением“ сражались за свои права и свободу.

Ярким эпизодом в истории татарского народа является его участие вместе с другими народами Поволжья в народной войне (1773—1775 гг.) под руководством Емельяна Пугачева. Более 20 татар было в руководящем ядре пугачевской армии. Многие татары за отвагу в боях с царскими войсками были удостоены званий полковников. Бахтияр Канакаев, Идер Бахмутов, Муса Алиев, Садык Сентов и другие были самыми близкими советниками и соратниками Пугачева. Полковник пугачевской армии Бахтияр Канакаев проявил незаурядные способности военачальника и организатора народных масс.

Восстания крепостных крестьян окончились неудачей, ибо носили стихийный характер. Тогда еще не было рабочего класса, который бы организовал и возглавил борьбу крестьянских масс.

Под руководством пролетариата и его боевого авангарда — Коммунистической партии, трудящиеся Татарии, как и все народы нашей страны, принимали активное участие в борьбе с царским самодержавием и помещичье-капиталистическим строем.

Великая Октябрьская социалистическая революция, разрушила основы капиталистического строя и навсегда освободила от ига эксплуататоров все народы России. В результате Октябрьской революции, татары обрели в братской семье народов России подлинную свободу.

Национальная политика Коммунистической партии — политика равноправия и дружбы народов, обеспечила татарскому народу советскую государственность в лице Татарской Автономной Советской

Социалистической республики. Советская власть создала неограниченные возможности для расцвета татарской социалистической нации. Советская Татария — составная часть могучего Советского Союза — при братской помощи великого русского народа под руководством Коммунистической партии за годы Советской власти превратилась в передовую индустриально-колхозную социалистическую республику. Под светлыми лучами Советской конституции расцвела культура татарского народа, национальная по форме, социалистическая по содержанию. Татария — республика сплошной грамотности. В 12 вузах готовятся многочисленные кадры специалистов. В республике десятки научно-исследовательских институтов во главе с филиалом Академии наук СССР. Трудящиеся Татарии, проявившие замечательные образцы патриотизма в годы Великой Отечественной войны, ныне героически трудятся по претворению в жизнь великих планов коммунистического строительства. Они и впредь будут бороться за дальнейшее укрепление могущества нашей великой Родины, укреплять и оберегать, как зеницу ока, дружбу народов и еще теснее сплотятся вокруг великого русского народа и Коммунистической партии Советского Союза.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 384.

Х. Х. ХАСАНОВ,

КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ТАТАРИИ в 1921—1925 гг.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции открыла широкие возможности для развития культуры народов нашей страны. С первых же дней Советской власти Коммунистическая партия и Советское правительство стали уделять огромное внимание вопросам культурного строительства, ибо культурная революция является одной из важнейших предпосылок построения коммунистического общества.

Создание новой, социалистической культуры было неразрывно связано с задачей овладения культурным наследием прошлого. „Марксизм, — писал В. И. Ленин, — завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеологии революционного пролетариата тем, что марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры. Только дальнейшая работа на этой основе и в этом же направлении, одухотворяемая практическим опытом диктатуры пролетариата, как последней борьбы его против всякой эксплуатации, может быть признана развитием действительно пролетарской культуры“¹.

Ленин рассматривал развитие социалистической культуры не как стихийный процесс, а как планомерно организованный и направляемый Советским государством. Советское государство сосредоточивает в своих руках все основные рычаги руководства строительством социалистической культуры.

В. И. Ленин выдвинул и обосновал принцип партийности новой, социалистической культуры. В проекте резолюции для съезда Пролеткульта он писал: „В советской рабоче-крестьянской республике вся постановка дела просвещения, как в политико-просветительной области вообще, так и специально в области искусства, должна быть проникнута духом классовой борьбы пролетариата за успешное осуществление целей его диктатуры, т. е. за свержение буржуазии, за уничтожение классов, за устранение всякой эксплуатации человека человеком“².

Разрабатывая учение о культурной революции, Ленин с первых дней образования Советского государства заботился о культурном

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 292.

² В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 291.

развитии ранее угнетенных народов, о создании для этого всех необходимых условий. При определении задач Советского государства по культурному строительству в национальных республиках и областях он исходил из того, что расцвет культуры всех народов и наций, населяющих нашу страну, возможен только при полном равноправии в развитии языка, в развитии национальных культур, при дружественной помощи и поддержке в ликвидации фактической отсталости, унаследованной от старого строя.

Таким образом, национальная политика Советского государства представляла все условия для подъема культуры ранее угнетенных народов.

Каждый значительный шаг советского народа по развитию социалистической культуры был неразрывно связан с разрешением практических задач социалистического строительства. Восстановление народного хозяйства и создание фундамента социалистической экономики было немыслимо без повышения культуры и грамотности народных масс. В статье „Странички из дневника“ В. И. Ленин писал, что активное участие каждого трудящегося в укреплении рабоче-крестьянского государства возможно только при повышении культуры народных масс. В. И. Ленин доказал, что в условиях Советского строя имеются все предпосылки для выхода из состояния безкультурности и требовал круто повернуть внимание партии к вопросам культуры, коммунистического воспитания рабочих и крестьян.

Борясь за практическое осуществление указаний Ленина, трудящиеся нашей страны под руководством Коммунистической партии достигли к концу восстановительного периода больших успехов на фронте культурного строительства.

Значительных результатов в развитии своей культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию, добилась к этому времени и Татария.

Большие успехи были достигнуты прежде всего в области народного просвещения. Благодаря осуществлению ленинско-сталинской национальной политики к концу восстановительного периода значительно возросло в республике количество школ.

В 1925 году в Татарии уже действовало 2 118 начальных и средних школ.

Особенно быстро росла сеть татарских школ. Как известно, до революции в Казанской губернии существовало для татар всего лишь 35 начальных школ, содержащихся за счет правительственных и земских средств, а средних школ и вовсе не было. С первых же дней Советской власти в Татарии стали открываться новые школы для татар. В 1925 году число татарских начальных и средних школ достигло 1043.

Несмотря на крайне тяжелые хозяйственные условия, вызванные иностранной военной интервенцией и голодом 1921—1922 года, в Татарии из года в год увеличивалось число учащихся. В начальных и средних школах обучалось в 1925 году 162 200 человек, в том числе 76 200 татар.

Большое значение для улучшения школьного дела в Татарии имел „Устав единой трудовой школы“, утвержденный Совнаркомом РСФСР 18 декабря 1923 года. В основу этого устава были положены указания партии о коммунистическом воспитании и обучении молодого поколения.

Выполнение сложных задач восстановительного периода и дальнейшего развития социалистического строительства в стране требовали подготовки кадров для различных отраслей народного хозяйства.

Исходя из этого, X Всероссийский съезд Советов в своем решении по докладу Наркомпроса записал: „Съезд вменяет в обязанность губисполкомам всячески поддерживать массовую профессионально-техническую школу, памятуя, что это даст Советской республике столь необходимых ей квалифицированных работников“¹.

Претворяя в жизнь решения X Всероссийского съезда Советов, трудящиеся Татарии достигли значительных успехов в развитии профессионального образования.

В конце 1924 года в республике уже насчитывалось 58 профессиональных учебных заведений — высших, средних и низших, которые готовили кадры для самых различных отраслей хозяйства. В них обучалось 4 764 человека, в том числе 1537 татар, главным образом, дети рабочих и крестьян.

Серьезное внимание обращалось в этот период на развитие в республике сельскохозяйственных учебных заведений. В Казани, а также в кантонах, открывались средние и низшие сельскохозяйственные учебные заведения. С 1920 по 1924 год было открыто более 10 сельскохозяйственных техникумов и школ. Для подготовки кадров агрономов в 1921 году в Казани был создан Татарский сельскохозяйственный техникум с количеством учащихся 92 человека, из которых 32 человека было татар. Также в Казани был открыт Татарский плодовоовощной техникум, большинство учащихся которого состояло из татар.

Важную роль в коммунистическом воспитании трудящихся, в вооружении их знаниями сыграли культурно-просветительные учреждения: клубы, избы-читальни, библиотеки.

Как известно, в дореволюционной России, особенно в национальных областях, эта отрасль просвещения была развита крайне слабо. На всю Казанскую губернию в 1913 году была одна массовая библиотека. После революции в Татарии была создана широкая сеть культурно-просветительных учреждений. В 1925 году в республике насчитывалось уже более 150 библиотек, 211 клубов, 305 изб-читален, 70 красных уголков, причем более половины их было открыто в татарских селениях.

Культурно-просветительные учреждения разъясняли массам политику партии и Советского правительства, содействовали распространению культуры. Наряду с этим они являлись местом разумного отдыха и развлечений советских людей.

Совпартшколы, открытые в 1920 году в Казани, Чистополе и Мензелинске, готовили пропагандистов, партийных и советских работников и служили базой подготовки квалифицированных кадров для политико-просветительных учреждений.

Советская власть получила в наследство от царизма страну, где основная масса населения была неграмотной. К моменту образования ТАССР 71,8 процента ее населения не знали никакой грамоты, а среди татарского населения грамотных людей было всего лишь 21,1 процента. Неграмотность оставляла миллионы трудящихся вне политики, лишала их возможности участвовать в управлении государством, строить социалистическое общество. Партия и правительство объявили поход за ликвидацию неграмотности. При органах народного образования ТАССР, как и всюду, создавались общества „Долой неграмотность“ (сокращенно „ОДН“). Во всех городах и селах начинают работать пункты по ликвидации неграмотности (ликпункты). В 1921 году по всей Татарии было создано 4 773 ликпункта. В лик-

¹ „Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании“, вып. I, 1947, стр. 32.

видации неграмотности активное участие принимали учителя, комсомольцы и служащие советских учреждений. В результате этих мер общая грамотность населения Татарии значительно повысилась и за 6 лет (1920—1926) достигла 44,1 процента. Грамотность татарского населения к 1925 году достигла 38 процентов, что по сравнению с дореволюционным периодом представляло большой прогресс.

В восстановительный период были достигнуты значительные успехи и в развитии науки.

Октябрьская революция в корне изменила роль науки в обществе, ибо поставила ее целиком на службу народу. Указывая на важность развития науки в новом обществе, Ленин говорил: „...чтобы строить коммунизм, надо взять и технику, и науку и пустить ее в ход для более широких кругов“¹.

Советское государство с первых своих шагов стремилось сделать высшее образование массовым, доступным для трудящихся всех национальностей. В результате этой политики высшее образование стало успешно развиваться и в Татарии. В 1921 году в Казани был открыт Институт сельского хозяйства и лесоводства, а в следующем году — Восточный педагогический институт, сыгравший весьма важную роль в подготовке кадров учителей. В эти же годы на базе Промышленного училища был создан Политехнический институт. В 1922 году был открыт Татарский коммунистический университет.

Таким образом, к концу восстановительного периода в республике стало 5 высших учебных заведений, вместо двух ранее существовавших (университет и ветеринарный институт) и один комвуз. Растет количество студентов высших учебных заведений. В 1925 году в казанских вузах обучалось 4777 человек. Широко открылись двери высших учебных заведений и для татарской молодежи: если до революции в них обучалось лишь несколько студентов-татар, то в 1925 году в вузах Казани татар было 531 человек, или 11,1 процента.

Благодаря политике пролетаризации вузов за эти годы значительно возросла рабоче-крестьянская прослойка студенчества: в 1924 году в казанских вузах выходцы из рабочих и крестьян составляли 72 процента (2704 человека).

В подготовке рабоче-крестьянской молодежи для поступления в высшие учебные заведения важную роль сыграли рабфаки. Осенью 1919 года был создан рабфак при Казанском университете, а затем открыт Татрабфак, в котором получала среднее образование, главным образом, татарская рабоче-крестьянская молодежь. К 1925 году количество студентов в рабфаках Казани достигло 1000 человек, вместо 696 в 1920 году.

Мероприятия партии и правительства по пролетаризации вузов вызвали яростное сопротивление классовых врагов, стремившихся и при Советской власти сохранить привилегии буржуазии на высшее образование. Однако их противодействие было сломлено и трудящиеся продолжали успешно овладевать наукой. Казанские вузы стали ежегодно выпускать сотни высококвалифицированных специалистов для работы в различных отраслях народного хозяйства. Только в 1924—1925 учебном году вузы Казани окончили около 600 человек. В 1925 году состоялся первый выпуск в Татарском коммунистическом университете, давшем республике 50 человек марксистски подготовленных партийных работников, в числе которых было 38 татар.

В эти же годы был основан ряд научно-исследовательских учреждений. В 1921 году в Казани был открыт клинический институт имени В. И. Ленина — высшее медицинское лечебное учреждение для усо-

вершенствования врачей. В 1922 году был организован Трахоматозный институт. Одновременно развернули свою работу вновь образованный Институт научной организации труда и Дом санитарной культуры.

Ученые, работающие в научно-исследовательских учреждениях и в высших учебных заведениях Татарии, достигли благодаря помощи Советского государства значительных успехов в развитии различных отраслей советской науки.

Продолжая бутлеровскую школу, серьезных результатов добился в области органической химии профессор Казанского университета А. Е. Арбузов (ныне академик). В этот период он плодотворно работает над изучением состава живицы и скипидаров различных видов сосен. В результате этих исследований А. Е. Арбузов впервые обнаружил наличие большого давления в системе смоляных ходов, достигающего нескольких атмосфер, и установил ряд закономерностей выделения смол. После многочисленных опытов в лесу около Казани А. Е. Арбузов доказал возможность и рентабельность развития подсосного промысла в нашей стране и дал методы подсочки и нормы выработки. Эти изыскания, наряду с данными по подсочке в других районах СССР, легли в основу возникновения подсосного промысла в нашей стране и сыграли весьма важную роль в развитии советской лесохимической промышленности. Перед Отечественной войной Советский Союз вышел на второе место в мире по добыче канифоли и скипидара.

В эти же годы в лаборатории органической химии Казанского университета велись работы в области органических производных фосфора.

В 1921—1925 гг. успешно развивает научно-исследовательскую деятельность профессор Казанского университета Н. А. Миславский (1854—1929), известный уже до революции своими трудами в области физиологии. Благодаря его деятельности, лаборатория физиологии медицинского факультета Казанского университета превратилась, по выражению И. П. Павлова, в Казанскую физиологическую школу, которая подготовила ряд крупных научных работников в области физиологии и клиницистов. К ним относятся К. М. Быков, Чебоксаров, А. В. Вишневский, Р. А. Лурье, И. В. Домрачев, Н. К. Горяев, А. Г. Терегулов и др., впоследствии ставшие крупными учеными нашей страны.

Внес много ценного в отечественную физиологию профессор Казанского университета А. Ф. Самойлов (1867—1930), положивший начало клинической электрокардиографии. В 1925 году он выступил в казанском медицинском журнале со статьей „Организм человека, как объект физиологического исследования“, в которой решительно высказался за внедрение достижений физиологии в клинические институты страны. Деятельность своей лаборатории профессор А. Ф. Самойлов связал с работой двух лечебных учреждений — Казанского института для усовершенствования врачей имени Ленина и Московской клинической больницы имени Боткина, которые впоследствии стали настоящими школами клинической электрокардиографии.

Более планомерный характер приняла после окончания гражданской войны научно-исследовательская деятельность казанских математиков, возглавляемых профессором Н. Н. Парфентьевым (1877—1943). Возобновило свою работу Казанское физико-математическое общество, вновь начавшее издавать „Известия“, в которых был опубликован ряд статей Н. Н. Парфентьева, Д. Н. Зейлигера и др. выдающихся казанских математиков.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 428.

В указанный период успешно вел научные исследования в области геологии профессор М. Э. Ноинский, в области филологической науки — профессор В. А. Богородицкий и др.

Окончание гражданской войны и переход к восстановлению народного хозяйства были началом нового периода в развитии литературы и искусства нашего народа.

Партия на всех этапах развития советской культуры заботливо направляла ее рост, помогала исправлять ошибки молодой советской литературы и искусства. XI съезд партии обязал советских писателей создавать такие произведения, которые воспитывали бы народ в духе преданности советскому социалистическому строю и противостояли бы буржуазной идеологии. Подобные указания были даны также XII и XIII съездами партии.

В эти годы в Татарии успешно развивается литература, национальная по форме, социалистическая по содержанию. Благодаря ленинско-сталинской национальной политике растут кадры советских писателей и появляется ряд значительных произведений.

Рост молодой татарской литературы происходил в условиях жестокой борьбы против враждебных течений и групп, пытавшихся увести художников от задач служения народу, против формализма, безидейности, против групповщины. Особенно большую опасность для татарской советской литературы представлял буржуазный национализм, который под лживым лозунгом „бесклассовой“, „беспартийной“ литературы старался распространить среди писателей свою враждебную идеологию.

Однако буржуазным националистам не удалось свернуть с правильного пути татарскую советскую литературу. Борясь против буржуазно-националистических проявлений в литературе, писатели Татарии создали ряд произведений, в которых получили художественное отображение победы пролетарской революции и процесс социалистического строительства в нашей стране.

Из писателей старшего поколения с большим творческим вдохновением включились в создание татарской советской литературы Г. Камал, Ш. Камал, М. Гафури и М. Файзи, воспринявшие пролетарскую революцию как начало свободного развития угнетенных народов России.

Драматург Г. Камал (1879—1933) еще в годы гражданской войны, когда молодая Советская республика находилась в окружении войск иностранных интервентов и внутренней контрреволюции, выступал с боевыми стихотворениями, призывая трудящихся Татарии отстоять завоевания революции, навсегда покончить со старым миром. Г. Камал в своих сатирических рассказах и стихах гневно разоблачал тех, кто шел против советского народа, рассчитывая восстановить власть разгромленных Октябрьской революцией помещиков и капиталистов.

Еще шире развернулось в годы восстановления народного хозяйства творчество М. Гафури (1880—1934). В 1920 году он написал известное стихотворение „Татарскому джигиту“, в котором призывал татарский народ к решительной борьбе с врагами социалистической республики, к укреплению Советской власти на местах — национальных окраинах. В 1921 году М. Гафури создал поэму „Эшче“ („Рабочий“), с большой убедительностью отображающую тяжелую жизнь татарского рабочего при царизме и его борьбу совместно с русскими рабочими против капиталистов.

В восстановительный период в татарскую советскую литературу пришла талантливая молодежь, вышедшая из недр народа.

Первым выдающимся поэтом молодого поколения татарской

советской литературы был Хади Такташ (1901—1931). Вдохновленный героическим трудом рабочих и крестьян нашей страны по восстановлению народного хозяйства, он пишет в 1923—1925 гг. ряд замечательных стихотворений, изображающих начавшийся в стране процесс социалистического строительства и изменения на этой основе быта советских людей. Особенно значительным является его поэтическое произведение „Века и минугы“, посвященное смерти великого вождя пролетарской революции В. И. Ленина. В этом выдающемся произведении, созданном на основе метода социалистического реализма, Х. Такташ с исключительной поэтической силой и глубиной изображает образ великого вождя, начертавшего план строительства коммунистического общества, и отображает беспредельную любовь к нему трудящихся всего мира. Это произведение было написано под сильным влиянием В. Маяковского.

В 1921—1925 годах формируется творчество Кави Наджми (р. 1901 г.). Темой его первых стихов и рассказов является, главным образом, борьба советских людей против интервентов и внутренней контрреволюции. По своему идейному содержанию большой интерес представляет его рассказ „Жребий“, в котором автор изображает героизм красноармейцев-татар в освобождении нашей отчизны от войск империалистических государств и показывает, как в борьбе против общих классовых врагов крепла дружба русского, украинского и татарского народов.

В восстановительный период успешно создавали новые произведения М. Джалиль, Г. Кутуй — в области поэзии, М. Максуд, А. Шамов — в области прозы.

Творчество всех этих писателей развивалось под плодотворным влиянием русской пролетарской литературы.

Определяющую роль в дальнейшем росте татарской советской литературы сыграло постановление ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 года „О политике партии в области художественной литературы“, предусматривавшее меры по укреплению и расширению советской литературы, реалистически изображающей большие проблемы жизни. На призыв Центрального Комитета партии писатели Татарии ответили созданием ряда выдающихся произведений. В 1926 году был издан роман Ш. Камала „Тан атканда“ („На заре“), который является первым романом на татарском языке, созданным после Октябрьской социалистической революции. Одновременно появляются в печати такие крупные произведения М. Гафури, как „Красная звезда“, „Черноликне“.

Большое значение для развития татарской советской литературы имела речь И. В. Сталина 18 мая 1925 года „О политических задачах университета народов Востока“. И. В. Сталин говорил: „Мы строим пролетарскую культуру. Это совершенно верно. Но верно также и то, что пролетарская культура, социалистическая по своему содержанию, принимает различные формы и способы выражения у различных народов, втянутых в социалистическое строительство, в зависимости от различия языка, быта и т. д. Пролетарская по своему содержанию, национальная по форме, — такова та общечеловеческая культура, к которой идет социализм. Пролетарская культура не отменяет национальной культуры, а дает ей содержание. И наоборот, национальная культура не отменяет пролетарской культуры, а дает ей форму“¹.

Основной темой татарской литературы восстановительного периода являлась тема революции и гражданской войны. Вместе с тем

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 7, стр. 138.

начали появляться произведения, отображающие самоотверженный труд народов нашей страны в борьбе за создание фундамента социалистической экономики. Героями художественных произведений в эти годы выступают организаторы и участники восстановления разрушенного войной народного хозяйства.

По мере восстановления народного хозяйства создавались возможности и для развития искусства Татарии.

До Октябрьской революции татарский театр существовал в виде отдельных передвижных трупп, подвергавшихся постоянным преследованиям со стороны мулл и самодержавно-полицейской власти. Лишь после революции впервые в истории театральное искусство становится государственным делом. В результате татарский народ в 1920 году создал свой государственный театр. В 1922 году татарскому театру было предоставлено реконструированное здание на улице Вознесенской (ныне Островского), и он стал называться Татарским Государственным театром имени Красного Октября.

Султангалиевцы, пробравшиеся вначале к руководству Татарским театром, всячески стремились использовать его для пропаганды буржуазно-националистических идей. Иногда им удавалось протащить в репертуар театра пьесы буржуазных писателей, пропитанные духом национальной вражды, возмечивающие жизнь золотоордынских и казанских ханов, а также пьесы, отражающие идеологию новой, империалистической буржуазии. В ожесточенной борьбе Татарский театр преодолевал влияние враждебной идеологии и становился на путь служения народу.

В этот период репертуар Татарского Государственного театра состоял, главным образом, из пьес классической татарской драматургии, вскрывающих темные стороны феодально-буржуазного общества. В репертуар театра прочно вошли такие произведения, как „Тайны нашего города“, „Из-за подарка“ Г. Камала, „Галия-бану“ М. Файзи.

Русская классическая драматургия оказывает огромное благотворное влияние на развитие молодого татарского театра, в котором за период с 1921 по 1925 год с большим мастерством были поставлены „На дне“ и „Мещане“ М. Горького; „Ревизор“ Гоголя; „Доходное место“ А. Островского.

В указанный период театр осуществляет постановку пьес Шекспира „Отелло“, „Гамлет“, „Король Лир“ и пьесы Шиллера „Коварство и любовь“.

Характерной особенностью в творчестве татарского театра этого периода является постановка, наряду с драматическими пьесами, музыкально-драматических произведений.

Среди актеров Татарского государственного театра талантливейшей игрой выделялись З. Султанов, Ш. Шамильский, Г. Болгарская, Ф. Ильская, Н. Таждарова, М. Абсалямов, Н. Сакаев, Х. Уразиков и др.

В подготовке кадров для вновь созданного театра важную роль сыграл Татарский театральный техникум, открывшийся в 1922 году.

Серьезных творческих успехов добился в эти годы Казанский Большой русский драматический театр, среди постановок которого особенно выделялись „Горе от ума“ Грибоедова, „Ревизор“ Гоголя, „Таланты и поклонники“ и „Лес“ Островского. Эти спектакли знакомили зрителя с художественными сокровищами русской классической драматургии и преподносили историю своей страны в живых образах, в тех бесконечных человеческих драмах и трагедиях, которые вызывались общественными условиями царской России. В расцвете своих творческих сил находились в этот период актеры Большого театра — замечательные мастера сцены Слонов, Жилина и др.

В годы восстановления народного хозяйства было положено начало развитию татарской советской музыкальной культуры.

С 1920 года развывает свою творческую деятельность композитор Салих Сайдашев (1900 — 1954). В этот период он работает над музыкальным оформлением спектаклей Татарского государственного театра, вводя в татарскую музыку совершенно новые формы: арии, дуэты, хор и др. Сайдашев также является основоположником татарской оркестровой музыки. В 1920 — 1925 годах он пишет несколько произведений, в том числе „Балетную сюиту“ для оркестрового исполнения. В 1923 году Сайдашев организует при Татарском театре небольшой струнный оркестр и руководит им. Для создания своих первых произведений композитор широко использовал народные мелодии, а также образцы русской классической музыки.

Развитию татарской музыкальной культуры большую помощь оказал композитор В. И. Виноградов (1874 — 1946), начавший работать в Казани одновременно с Сайдашевым. В 1921 — 1924 гг. он создает несколько крупных симфонических произведений, написанных на темы татарских и башкирских песен: „Татарская сюита“, „Шихай“. В эти же годы Виноградов работает совместно с другими композиторами Татарии над созданием первой татарской оперы.

Первые крупные успехи татарской музыкальной культуры проявились в том, что к 5-й годовщине ТАССР была создана и показана зрителю первая татарская опера „Сания“ (В. И. Виноградов и С. Х. Габаши), основными исполнителями которой явились С. Айдаров, Г. Кайбицкая и М. Рахманкулова.

В развитии музыкального искусства Татарии большую роль сыграл Казанский восточный музыкальный техникум, созданный на базе существовавших в Казани двух музыкальных учебных заведений. Во главе техникума стал ученик Римского-Корсакова, талантливый музыкант и педагог А. А. Литвинов (1861 — 1933). Восточный музыкальный техникум, сосредоточив в своих стенах лучшие музыкально-педагогические силы Казани, к 1925 году становится одним из наиболее значительных средних музыкальных учебных заведений РСФСР. Техникум уделял большое внимание подготовке национальных музыкальных кадров. В 1925 году в числе его учащихся 36 человек было татар. В этом техникуме в последующие годы получили музыкальное образование такие видные деятели искусства Татарии, как Н. Жиганов, М. Музафаров, А. Ключарев, М. Рахманкулова и З. Хабибуллин.

Рост театрального и музыкального искусства Татарии явился прямым следствием проведения в жизнь ленинско-сталинской национальной политики.

Творческие достижения и опыт выдающихся театров Москвы и Ленинграда оказывали плодотворное воздействие на развитие Татарского театра и служили основой сценического воспитания его артистов и режиссеров.

После свержения капитализма пролетариат создал новую, коммунистическую, подлинно массовую печать, выражающую интересы трудящихся.

Освобожденные Октябрьской революцией из-под власти капитала, трудящиеся Татарии стали издавать свои газеты, журналы и книги на родном языке. Особенно сильно развивалась татарская печать после того, как была образована ТАССР. В 1920 году начали издаваться областные газеты „Известия Таттика“ и „Татарстан“, переименованные в 1924 году первая — в „Красную Татарию“, вторая — в „Кзыл Татарстан“. В октябре 1922 года вышел первый номер газеты „Кзыл байрак“. В том же году был создан литературный журнал

„Безнең юл“, а в следующем, 1923 году, начал издаваться сатирический журнал „Чаян“. В эти годы стали выходить журналы „Пути революции“, „Труд и хозяйство“, „Магариф“, „Кзыл шарык яшьляре“, „Игенче“, „Авыл хужалыгы“ и др. В 1925 году в республике всего издавалось уже 6 областных газет и 7 журналов на русском и татарском языках. Кроме того, издавали свои научные труды общества татароведения, естествоиспытателей, археологии, истории и этнографии и др.

Из года в год расширялось книжное издательство. В 1923—1924 году Татиздатом было выпущено книг 107 названий, в том числе на татарском языке — 88; в 1924—1925 году — 150 названий, из них на татарском языке — 143.

Таким образом, в период, когда советская страна под руководством Коммунистической партии восстанавливала разрушенное войной и интервенцией народное хозяйство, татарский народ делает крупный шаг вперед по созданию и развитию своей культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию. В результате значительного укрепления экономики республики, а также благодаря огромной материальной помощи Советского государства, в эти годы были одержаны первые крупные успехи по развитию народного просвещения, высшей школы, науки, а также литературы и искусства Татарии. В начавшемся культурном развитии республики решающую роль сыграла ленинско-сталинская национальная политика Коммунистической партии, направленная на преодоление культурно-экономической отсталости и фактического неравенства всех народов СССР.

М. К. МУХАРЯМОВ

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ СУББОТНИКИ В ТАТАРИИ В 1919—1920 ГОДАХ

Коммунистические субботники возникли в момент крайне напряженной борьбы советского народа против первого похода Антанты, в мае 1919 года. Войска Колчака, составлявшие основную ударную силу 1 похода Антанты, двались к Волге. Ожесточенные бои против колчаковских банд шли и на территории современной Татарской АССР. Одновременно развернули наступательные операции войска белогвардейского генерала Деникина на юге и генерала Юденича под Петроградом. Над Советской республикой нависла грозная опасность. В этих тяжелых условиях партия и Советское правительство проводят гигантскую работу по мобилизации сил для разгрома врага.

12 апреля 1919 года были опубликованы „Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта“.

Центральный Комитет партии указывал: „Победы Колчака на Восточном фронте создают чрезвычайно грозную опасность для Советской республики. Необходимо самое крайнее напряжение сил, чтобы разбить Колчака“¹.

По призыву партии десятки тысяч рабочих и крестьян пошли в ряды Красной армии, чтобы с оружием в руках бороться против объединенных сил американо-англо-японо-французских интервентов и внутренней контрреволюции.

В тылу рабочие и крестьяне ответили на призыв партии усиленным трудом, чтобы еще больше увеличить помощь фронту. Работа тыла имела огромное значение для исхода борьбы на фронтах гражданской войны, поэтому Коммунистическая партия и Советское правительство уделяли исключительное внимание организации помощи тыла фронту.

Одна из причин побед молодой Советской республики над объединенными силами внутренней контрреволюции и иностранных интервентов заключалась в тесном единении фронта и тыла.

Наша Советская армия победила потому, что Советская власть сумела поднять весь тыл, всю страну на службу интересам фронта. В нерушимой связи фронта и тыла нашло свое выражение единство интересов всех трудящихся. Армия без крепкого тыла, всемерно поддерживающего фронт, как известно, обречена на поражение. Поэтому

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 251.

Коммунистическая партия превратила страну в военный лагерь, снабжавший фронт оружием, боеприпасами, обмундированием, продовольствием, пополнениями. Чтобы победоносно завершить борьбу против интервентов и белогвардейцев и отстоять родную Советскую власть, рабочие и крестьяне нашей страны оказывали помощь своей армии в самых разнообразных формах.

В этот период и возникли коммунистические субботники, явившиеся новой формой проявления трудового героизма рабочих и крестьян.

Субботники могли возникнуть и развернуться в гигантскую силу лишь в республике Советов, где власть принадлежала рабочим и крестьянам, сбросившим иго капиталистов и помещиков. Октябрьская революция, ликвидировав старый строй, открыла неограниченный простор для проявления и развития творческой инициативы многомиллионных масс рабочих и крестьян. Коммунистические субботники — это подлинно народное движение, возникшее по инициативе, по великому почину рабочего класса.

Вдохновителем и организатором коммунистических субботников явилась Коммунистическая партия.

Великий вождь революции Ленин придавал огромное значение коммунистическим субботникам как росткам нового, коммунистического отношения к труду.

В своей работе „Великий почин“, сыгравшей большую роль в широком и быстром распространении коммунистических субботников, Ленин писал: „...голодные рабочие, окруженные злостной контрреволюционной агитацией буржуазии, меньшевиков и эсеров, устраивают „коммунистические субботники“, работают сверхурочно без всякой платы и достигают громадного повышения производительности труда, несмотря на то, что они устали, измучены, истощены недоеданием. Разве это не величайший героизм? Разве это не начало поворота, имеющего всемирно-историческое значение?“¹.

Огромную роль в широком развертывании коммунистических субботников сыграло обращение ЦК РКП(б) „Все на борьбу с Деникиным!“, написанное В. И. Лениным и опубликованное в начале июля 1919 года. В обращении было сказано: „...от всех коммунистов, от всех сознательных рабочих и крестьян, от каждого, кто не хочет допустить победы Колчака и Деникина, требуется немедленно и в течение ближайших месяцев необычный подъем энергии, требуется „работа по-революционному““.

Если голодные, усталые и измученные московские железнодорожники, как специалисты рабочие, так и чернорабочие, могли во имя победы над Колчаком и вплоть до полной над ним победы завести „коммунистические субботники“, работать бесплатно по нескольку часов в неделю и развивать при этом невиданную, во много раз более высокую, чем обычно, производительность труда, то это доказывает, что многое и многое еще можно сделать.

И мы должны это многое сделать. Тогда мы победим“².

Руководствуясь указаниями В. И. Ленина и Центрального Комитета, партийные организации по всей стране развернули большую агитационно-массовую работу для превращения коммунистических субботников во всенародное движение.

В Казани в составе губернского комитета партии было создано „Бюро субботников“, которое руководило коммунистическими суб-

ботниками. Такие же бюро были созданы уездными и волостными комитетами партии.

Вопрос о субботниках неоднократно обсуждался Казанским губернским комитетом РКП(б). 16 октября 1919 года на заседании секретарей райкомов при губкоме РКП(б) принимается решение о выделении в каждом районе ответственных лиц по проведению субботников. В решении губкома указывается на необходимость организации работ во время субботников по определенному плану¹.

22 января 1920 года вопрос о коммунистических субботниках еще раз обсуждался на заседании Казанского губкома. В решении, принятом на этом заседании, особое внимание обращается на широкое развертывание печатной и устной агитации о субботниках. Конкретные задачи были поставлены перед газетой „Знамя революции“ — органом Казанского Совета депутатов и губернского комитета партии.

Руководствуясь указаниями В. И. Ленина о важности восстановления транспорта и заготовки топлива, губком в своем решении подчеркнул: „Считать первейшей задачей в деятельности „Бюро субботников“ работу по транспорту и по топливу“².

В указанном решении губкома отмечается, наконец, необходимость развертывания движения коммунистических субботников по всей губернии, включая уезды, волости и отдельные деревни.

Особого внимания заслуживает роль печати в организации и распространении движения коммунистических субботников. Казанские большевики умело использовали местную печать в этих целях. В газетах часто появлялись статьи о коммунистических субботниках и воскресниках, авторами которых в большинстве случаев были рабочие, красноармейцы, советские служащие — участники субботников. 14 августа 1919 года в газете „Знамя революции“ была опубликована статья „Коммунистические субботники“, в которой, в частности говорится по поводу субботников: „...великий вождь нашей революции т. Ленин обратил на них настолько большое внимание, что посвятил им свою последнюю книгу“³.

Коммунистическим субботникам огромное внимание уделяли также газеты — „Эш“ (Труд) и „Эшче“ (Рабочий), выходившие на татарском языке в Казани и в губернии. В 1920 году издавались также специальные номера газет, посвященные субботникам. Такие номера газет выпускались в порядке коммунистических субботников; сотрудники редакций и рабочие типографий выполняли всю работу по изданию этих номеров сверх плана и бесплатно. Так, например, сотрудники редакций газеты „Знамя Труда“ выпустили специальный номер газеты под названием „Субботник Знамени Труда“. Наряду с газетами большими тиражами выпускались листовки, воззвания, плакаты и лозунги о коммунистических субботниках.

Все это в значительной мере определяло успешное развитие коммунистических субботников в Татарии.

„Великий почин“ московских рабочих-железнодорожников послужил замечательным примером для трудящихся нашей страны.

В Казани первый коммунистический субботник был организован по инициативе коммунистов 31 мая 1919 года на станции Казань. На работу вышли свободные в этот день железнодорожники-коммунисты. Дружная и энергичная работа участников субботника продолжалась в течение 6 часов. Результаты субботника показали высокую производительность труда. Было выпущено из текущего

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 393—394.

² В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 419.

¹ Партархив Тат. ОК КПСС, ф. 868, дело 13, л. 95—97.

² Там же, ф. 868, дело 97, л. 45.

³ Речь идет об отдельном издании работы В. И. Ленина „Великий почин“.

ремонта 38 вполне исправных, годных для эксплуатации железнодорожных вагонов¹.

В июне и июле 1919 года в Казани было проведено несколько субботников, в которых приняли участие сотни коммунистов.

В субботу 9 августа 1919 года был организован субботник курсантами Первых Казанских Советских пехотных командных курсов. Работали на станции Казань². В августе 1919 года в Казани было проведено 5 субботников, в двух из них приняло участие по 1200 человек. По примеру коммунистов на субботниках участвовали и беспартийные рабочие и служащие. Например, на субботнике, который был организован на казанском Казенном заводе в августе 1919 года, приняли участие 50 человек коммунистов и 200 человек беспартийных рабочих. На сахарном заводе на каждом субботнике в июле и августе 1919 года приняло участие не менее 100 человек³.

Особенно успешно проводились субботники осенью 1919 года, когда Деникин угрожал Москве. Своим коммунистическим отношением к труду рабочие тыла помогли Красной Армии разгромить врага. Так, в Казани во время одного из субботников в октябре 1919 года 2500 человек работали по ремонту казарм Западной Армии республики, которая была расположена тогда в этом городе. В октябре 1919 года в Казани было проведено еще 2 субботника, в которых участвовали по 1200 человек. Таким образом, в течение октября на субботниках работало около 5 тысяч человек⁴.

В ноябре 1919 года коммунистические субботники приняли массовый характер и стали великой силой.

По примеру рабочих Москвы и Казани коммунисты и беспартийные рабочие уездных городов Татарии также начинают проводить коммунистические субботники. 30 августа 1919 года был проведен субботник в Чистополе. Участники субботника работали в коммунальном отделе уездного Совета и на заводе. Работой руководил уездный комитет партии.

В городе Свияжске первый субботник был проведен 13 сентября 1919 года. 64 человека работали на выгрузке бревен с плотов для строительства здания местной школы. Следующий коммунистический субботник в Свияжске был организован 11 октября. 47 человек, принявшие участие в этом субботнике, погрузили в течение 3 часов на баржу 1500 пудов капусты⁵.

Таковы лишь некоторые данные о проведении коммунистических субботников в уездах Казанской губернии. Хотя материалы о субботниках в уездах сохранились лишь частично, однако они позволяют сделать вывод о том, что к концу 1919 года коммунистические субботники получили широкое распространение на территории Татарии. Впереди шли те уезды, в которых были кадры промышленных рабочих.

С огромным успехом проходили коммунистические субботники и в 1920 году. Разгромив к началу 1920 года войска Деникина — основную силу второго похода Антанты — Советская Россия завоевала кратковременную мирную передышку. В результате свыше трех лет империалистической войны и трех лет гражданской войны страна очутилась в состоянии всеобщей разрухи. В обращении Главного Комитета по всеобщей трудовой повинности от 26 февраля 1920 года

¹ „Знамя революции“ № 125 (375) от 8 июня 1919 г.

² „Знамя революции“ № 185 (442) от 17 августа 1919 г.

³ Партагхив Тат. ОК КПСС, ф. 868, дело 4, л. 116.

⁴ Там же; ф. 868, дело 4, л. 123 и газета „Знамя революции“ № 262 (519) от 19 ноября 1919 г.

⁵ Там же, ф. 868, дело 177, л. 44.

было сказано: „Трудящиеся города и части деревень задыхаются в тисках голода. Железные дороги едва ползут. Дома разрушены. Города загрязнены. Эпидемии гуляют, и смерть косит направо и налево. Промышленность разорена. Война, блокада, натиск всемирной контрреволюции, постоянные внутренние заговоры богатых сделали свое дело“¹.

Мирная передышка дала возможность Коммунистической партии и Советскому правительству направить свое основное внимание на ликвидацию хозяйственной разрухи в области промышленности, сельского хозяйства, транспорта и топлива. В этом деле важное значение имели коммунистические субботники.

В Казани 12—14 января 1920 года состоялась Седьмая губернская конференция РКП(б), которая приняла решение об улучшении руководства коммунистическими субботниками и вовлечении в них трудящихся деревни².

В январе 1920 года в Казани было проведено 7 субботников, в которых приняло участие 6.660 человек. Во время этих субботников большое внимание уделялось восстановлению транспорта. Не было ни одного субботника, на котором не происходила бы работа на станции Казань. Здесь ремонтировались паровозы и вагоны, производилась очистка путей, погрузка и выгрузка дров, продовольственных грузов и т. д.

В феврале 1920 года количество участников в субботниках по городу Казани достигает 7887, в марте — 8225, а в апреле 1920 года — 24 177 человек.

Большая работа проводится в уездах.

Инициаторами коммунистических субботников в Елабужском уезде выступили рабочие-коммунисты Бондюжского завода и города Елабуги. В течение первых двух месяцев 1920 года в Елабужском уезде в субботниках участвовало 557 коммунистов³. Пилили и кололи дрова для семей красноармейцев-фронтовиков, ремонтировали дороги и т. д. В марте в этом уезде в субботниках участвовало 897 коммунистов и 605 беспартийных рабочих. На Бондюжском заводе в апреле этого же года в двух субботниках наравне с коммунистами участвовали по 600 человек беспартийных⁴. Поддержка беспартийными рабочими великого почина своего коммунистического авангарда получает, таким образом, массовый характер и в уездах. Превращение субботников в массовое движение позволило достигнуть больших успехов. В течение 1920 года во время субботников коммунисты и беспартийные рабочие Бондюжского завода построили узкоколейную железную дорогу и электростанцию.

В Мамадыше 4 января 1920 года на субботнике работали 21 коммунист и 130 человек беспартийных. Производили погрузку в вагоны хлеба, предназначенного для отправки в промышленные центры страны. Участниками субботника было погружено 10 вагонов хлеба⁵.

Для дальнейшего развития движения IX съезда Коммунистической партии (29 марта — 5 апреля 1920 года), определившего ближайшие хозяйственные задачи страны. Съезд обсудил также вопрос о коммунистических субботниках и в своем решении отметил следующее:

¹ „Экономическая политика СССР“, Сборник документов. Издание Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б), 1947 г., том I, стр. 478.

² „Знамя революции“ от 15 января 1920 года.

³ Партагхив Тат. ОК КПСС, ф. 868, дело 604, л. 166 и 179.

⁴ Там же, л. 181.

⁵ Там же, л. 206—222.

„Субботникам должно быть уделено на местах несравненно большее внимание, чем это происходит сейчас. Для субботников нужно выбирать задачи, близкие местному населению, придавать им характер коллективного трудового усилия во имя заранее известных и всем понятных целей... Не менее важны тщательно обдуманный технический план для каждого субботника, строго целесообразное распределение сил, безусловно экономное их использование. Только при этом условии субботники могут глубоко войти в жизнь, вовлекая все новые массы и оплодотворяя будничную работу новой инициативой и свежим энтузиазмом“¹.

Партия призвала международный пролетарский праздник 1 Мая 1920 года отметить организацией грандиозного всероссийского субботника.

Центральный Комитет Коммунистической партии, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов обратились ко всем трудящимся страны с призывом принять самое активное участие во Всероссийском первомайском субботнике.

В „Обращении“ было сказано: „В России, где восставший рабочий класс победил капиталистов и помещиков, день 1 Мая должен стать праздником победы. Победа досталась нам великими жертвами. Как закрепить и сделать незыблемой кровью купленную победу трудящихся над насильниками-богачами? Усиленным строительством новой жизни.“

Тысячелетиями работали мы на чужой карман и научились ненавидеть и проклинать этот рабский труд. Теперь мы работаем на себя, на укрепление своего рабоче-крестьянского государства, на улучшение положения всех трудящихся“².

Призыв партии нашел горячий отклик и в Татарии. 16 апреля 1920 года состоялось объединенное заседание Казанского губернского исполнительного комитета и Губернского комитета РКП(б), на котором была избрана „Губернская комиссия по проведению первомайского субботника“. В состав комиссии вошли представители губкома РКП(б), губисполкома, губкомтруда, губернского Совета профсоюзов и представитель военного совета Западной Армии Республики.

На этом же заседании были намечены основные объекты, на которых должна была вестись работа в день Всероссийского первомайского субботника. Ниже приводятся важнейшие пункты решения, принятого в связи с проведением субботника:

1. Заложить Оренбургскую дамбу.
2. На пристанях усилить работу по вывозке хлеба.
3. Обязать Комитет государственных сооружений дать не позже 25 апреля заключение о состоянии корпуса сгоревшего театра.
4. Приступить к мощению не менее 6 улиц в рабочих кварталах.
5. Привести в должный порядок сады, скверы, площади, общественные места, окраины города и т. п.
6. Предложить всем уездным исполкомам привлечь все волостные и сельские общества к обработке полей семей красноармейцев, к ремонту их домов и сельскохозяйственного инвентаря.
7. С 1 мая сделать показательными совхозами Карноуховский и Александровский хутор. Открыть в них образцовые школы, клубы, кинотеатры и т. д.

¹ „КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК“. Изд. 7, ч. 1, 1953 г., стр. 488.

² „Известия ВЦИК“, № 90 от 28 апреля 1920 года.

8. Признать желательным 1 мая приступить к закладке школ, библиотек, народных домов в тех деревнях, где их нет.

9. Приступить к созданию садов и огородов при тех деревенских школах, где их нет.

10. Организовать в деревнях строительство дорог.

11. Признать необходимым выдачу усиленного пайка детям¹.

В этом решении даются лишь основные объекты и основные направления работ. Руководствуясь этим постановлением, городские и уездные Комиссии по проведению Всероссийского первомайского субботника разработали более конкретные, детальные планы.

План первомайского субботника для города Казани был утвержден на заседании губернской комиссии 26 апреля 1920 года. Этот план предусматривал: закладку дамбы на Оренбургском тракте, разборку корпуса сгоревшего театра, устройство садов и скверов, очистку площадей города, очистку правой и левой стороны Булака и др.² Работа по ремонту паровозов и вагонов, а также речных судов предусматривалась в планах соответствующих районных комиссий по проведению первомайского субботника.

Наряду с подготовкой технического плана субботника, партийные и советские органы Казани и губернии провели большую разъяснительную работу среди трудящихся. В местных газетах на русском и татарском языках были опубликованы многочисленные статьи о значении самоотверженного труда для победы нового строя, о значении коммунистических субботников.

Одна из казанских газет писала: „1-го мая работа наша будет еще бодрее, еще энергичнее, еще продуктивнее, чем обычная работа на фабриках, заводах и в частях, молоты и топоры застучат и зазвонят так, что звон их будет слышен далеко за пределами Советской республики“³. В этой статье замечательно хорошо выражена суть мирной, созидательной работы участников субботников.

В период подготовки к первомайскому субботнику в уездах Казанской губернии было распространено большое количество специальных номеров газет, воззваний, лозунгов и плакатов, в которых в популярной форме разъяснялись сущность и задачи коммунистических субботников.

Большая подготовительная работа местных партийных и советских органов, горячий советский патриотизм и высокая сознательность рабочих и крестьян обеспечили успех Всероссийского первомайского субботника в Татарии.

Рано утром 1-го мая колонны трудящихся с развернутыми знаменами, дружно распевая революционные песни, направились на предназначенные им участки работ. Получив конкретные задания, они с воодушевлением приступили к работе.

1-го мая вся Казань представляла собою один сплошной лагерь труда. Сооружалась дамба, очищалось здание театра, чистились улицы. Тут и красноармейцы, и советские служащие, и дети, и целые массы граждан.

Настроение всюду радостное, праздничное“, — писала газета „Знамя труда“⁴.

В этот день начались работы по строительству дамбы на Оренбургском тракте. Здесь работало 3327 человек.

Большая группа людей работала в районах водного и железнодорожного транспорта. Транспорт имел важнейшее значение для всего

¹ Партархив Тат. ОК КПСС, ф. 868, дело 613, л. 11.

² Там же л. 7.

³ Газета „Красный боец“, № 175, от 29 апреля 1920 года.

⁴ Газета „Знамя труда“, № 96 (649) от 2 мая 1920 года.

хозяйства и необходимо было восстановить его в первую очередь. На станции „Казань“ производилась работа по ремонту паровозов и вагонов. Многие были сделаны и по восстановлению водного транспорта: были отремонтированы пароходы „Старожилов“, „Чеченец“ и „Барс“, паром „Рыболов“. С пароходов и барж были выгружены и доставлены на соответствующие заводы грузы весом в 3000 пудов, разгружено с баржи металлического лома 4000 пудов, перекачено 300 пудов мазута¹.

Многие рабочие работали на территории своих заводов и фабрик. На заводе (бывший Алафузова) рабочие убирали заводские дворы и готовили материалы для предстоящего производственного процесса².

Общее количество участников первомайского субботника в Казани достигло 35018 человек³. Из них на закладке дамбы работало 3327 человек, на железной дороге — 3255, на разборке корпуса сгоревшего театра — 420, по замощению улиц в городе — 284, по очистке городских садов и по ремонту изгороди — 16000, на военно-сухарном заводе — 1965, в госпиталях по стирке и починке белья и матрацев для раненых красноармейцев — 1201 человек и т. д.

Участниками первомайского субботника по городу Казани в общей сложности была проделана работа на общую сумму более миллиона рублей⁴.

В течение мая 1920 года по городу Казани в коммунистических субботниках приняло участие 44061 человек, которые выполнили работы на сумму 1231111 руб.

С 1 декабря 1919 года по 1 июня 1920 года в городе Казани в коммунистических субботниках участвовало 97 733 человека, выполненная работа оценена в 3115269 рублей⁵.

С большим успехом прошел Всероссийский первомайский субботник и в уездных центрах.

В Чистополе на субботнике приняло участие свыше пяти тысяч человек, в том числе 4870 беспартийных рабочих и служащих. Работали на постройке моста, закладке народного дома, очищали улицы, сады и скверы города⁶.

Значительная работа была проделана в Чистопольском затоне, где был завершен капитальный ремонт пароходов „Печора“, „Робеспьер“, „Крестьянин“ и „Товарищ“. Из текущего ремонта были выпущены пароходы „Пион“ и „Казань“. Под погрузку было поставлено 9 барж⁷.

В Свияжске в день первомайского субботника 596 человек работали по очистке города. Надо отметить, что в условиях гражданской войны, когда большое распространение получили различные эпидемии, работа по очистке населенных пунктов от грязи имела большое значение. К этим работам были привлечены 28 подвод, принадлежащих гражданам города. За день было вывезено из города 140 подвод мусора. На закладке коммунального огорода на пустующей площади „Горелый сад“ работало 100 человек, 642 учащихся работали по деревонасаждению. 1 мая в городе были открыты детские ясли, родильный дом на 10 коек и городской сад. Был организован праздничный обед для 1124 детей. Вечером в Свияжском народном доме состоялся киносеанс для участников субботника⁸.

¹ „Красный архив“, № 3 (82) за 1937 год, стр. 34.

² „Знамя труда“ № 98 от 5 мая 1920 г. да.

³ Газета „Субботник Знамени труда“ от 10 мая 1920 г.

⁴ Партархив Тат. ОК КПСС, ф. 868, дело 602, л. 197.

⁵ Там же, дело 597, л. 172.

⁶ Там же, дело 604, л. 184.

⁷ „Красный архив“, № 3 (82) за 1937 г., стр. 34.

⁸ Партархив Тат. ОК КПСС, ф. 868, дело 609, л. 46.

В этот же день в Тегюшах ремонтировались спуски к пристаням, где работало 500 человек, на складах коммунального отдела работало 100 человек, на коммунальных огородах — 100 человек, на огородах семей красноармейцев-фронтовиков — 150 человек. В день первомайского субботника работали все служащие тетюшских учреждений¹.

В Спасске было погружено на баржу 658 пудов ржи. Здесь работало 100 человек при помощи 50 подвод. На складе тары уездного продпункта работало 70 мужчин и 44 женщины. Было пересушено 2200 мешков и 3500 кулей. Из города Спасска в село Ново-Мордово было перевезено 21 640 штук кирпичей для строительства школы. Для этой цели крестьяне дали 231 подвод².

По примеру рабочего класса коммунистические субботники были организованы 1 мая и трудящимися крестьянами.

Вот деревня Урюма, Пролей-Кашинской волости. Здесь в первомайском субботнике участвовало 68 человек. Для работы на субботнике крестьяне выделили 35 своих подвод. Было вспахано и засеяно 8 десятин земли семей красноармейцев-фронтовиков, отремонтирован мост через речку Урюмку, распилены бревна на тес для устройства сцены в Урюмской единой трудовой школе.

В деревне Балтаси (той же волости) в день первомайского субботника было вспахано и засеяно 108 десятин земли семей красноармейцев-фронтовиков, починено 9 мостов³. В деревне Каргополь, Спасского уезда, запахано у безлошадных крестьян и семей красноармейцев 20 десятин земли и засеяно 39 десятин, выстроен 1 мост⁴.

В день Всероссийского субботника и в деревне Масловке (той же волости) основное внимание было обращено обработке земельных участков семей красноармейцев-фронтовиков. Участники субботника вспахали и засеяли 82 десятины земли. Учителя и учащиеся посадили вокруг школы деревья⁵.

Помощь, оказанная во время субботников семьям красноармейцев-фронтовиков, была выражением всеобщей любви и заботы к бойцам, ведущим героическую борьбу за самые кровные интересы народа.

Всероссийский первомайский субботник прошел по всей стране с огромным успехом. В Москве на субботнике в Кремле в этот день участвовал великий Ленин.

Всероссийский первомайский субботник — это яркая страница в истории рождения нового, коммунистического труда. Проведенный по инициативе Коммунистической партии, он продемонстрировал тесную сплоченность широчайших слоев трудящихся масс под знаменем своей любимой партии.

Субботники с успехом проходили и после 1 мая. 25 июня 1920 года возникла Татарская Автономная Советская Социалистическая республика — детище ленинско-сталинской национальной политики. В ответ на исторический акт Советской власти в день провозглашения Татарской республики были организованы повсюду праздничные субботники. На субботнике в Казани приняло участие свыше 4 тысяч рабочих и служащих города, работавших по очищению города от остатков пожаров, которые имели место в Казани в начале июня 1920 года.

¹ Партархив Тат. ОК КПСС, ф. 868, дело 609, л. 42.

² Там же, л. 24.

³ Там же, л. 60.

⁴ Там же, л. 26.

⁵ Там же, л. 62.

В итоговой сводке отмечается, что производительность труда по примерному подсчету колеблется между 220—250% от нормальной¹.

В течение июня 1920 года в Казани было проведено 13 субботников. Работали в 74 местах города. Всего в июне, по неполным подсчетам, в субботниках по городу Казани приняло участие около шести тысяч человек². В августе 1920 года в Казани на субботниках приняло участие 14720 человек, в сентябре — 13 625, в октябре — 13 587, в ноябре — 5343, а в декабре — 6.963 человека.

Всемирно-историческое значение коммунистических субботников заключается в том, что они явились лабораторией-кузницей коммунистических форм и методов труда, дали громадный толчок повышению производительности труда. Великий Ленин указывал: „Коммунистические субботники“ именно потому имеют громадное историческое значение, что они показывают нам сознательный и добровольный почин рабочих в развитии производительности труда, в переходе к новой трудовой дисциплине, в творчестве социалистических условий хозяйства и жизни“³.

Работая добровольно и соревнуясь между собой по собственному почину, участники субботников достигали резкого повышения производительности труда. Возвращаясь на свои предприятия, трудящиеся уже по-новому относились к труду, и это приводило в конечном счете к увеличению производительности труда на целых заводах, фабриках и т. д.

Велико было значение коммунистических субботников и в деле воспитания новой трудовой дисциплины. Воспитание новой трудовой дисциплины В. И. Ленин считал одной из форм классовой борьбы при диктатуре пролетариата.

Превращение всех средств производства во всенародное достояние, ликвидация эксплуатации человека человеком в корне изменили характер производственных отношений. Поэтому и люди стали относиться иначе к своему труду, в коллективе стала преобладать сознательная дисциплина.

Характеризуя значение коммунистических субботников, В. И. Ленин писал:

„...субботники имеют еще для нас двоякое значение: с точки зрения государственной — чисто практическая помощь государству — и с точки зрения партийной, что для нас, как для членов партии, не должно оставаться в тени, это — то значение, которое они имеют для очистки партии от примазавшихся к ней элементов, для борьбы против тех воздействий, которые переживает партия в обстановке разлагающегося капитализма“⁴.

Практическая помощь участников субботников государству выражалась в том, что они своим самоотверженным трудом в промышленности, в области продовольственной, транспортной и топливной оказали большую помощь государству в тяжелый период гражданской войны и содействовали последующему быстрому восстановлению народного хозяйства. В коммунистических субботниках участвовали сотни тысяч рабочих, служащих, красноармейцев и крестьян. Только в одной Казани в 1920 году в коммунистических субботниках приняло участие свыше 150 тысяч человек.

Большое значение имели субботники для укрепления союза рабочего класса с крестьянством. Коммунистические субботники, ус-

пешно проводимые коммунистами и беспартийными рабочими, наглядно показали многомиллионному крестьянству нашей страны превосходство коммунистических методов и форм труда.

Субботники явились одной из первых форм, зачатками социалистического соревнования и с первых же дней возникновения стали предметом неустанной заботы нашей партии. После победоносного окончания борьбы против иностранных интервентов и внутренней контрреволюции, советский народ приступил к мирной созидательной работе по восстановлению народного хозяйства, в ходе которого социалистическое соревнование развернулось в широчайших масштабах.

Социалистическое соревнование сыграло огромную роль в неуклонном движении нашего государства вперед, в достижении тех побед, которые превратили Советский Союз в могущественную индустриально-колхозную державу.

„Социалистическое соревнование — это живое творческое дело миллионов масс трудящихся. Оно стало испытанным методом коммунистического строительства. Ростки коммунизма, которые увидел Ленин в субботниках, выросли ныне в могучее социалистическое соревнование — великое движение трудящихся за быстрое выполнение планов развития всех отраслей народного хозяйства“¹.

¹ Н. С. Хрущев, Речь на первой сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва, Госполитиздат, 1954 г., стр. 14.

¹ „Знамя труда“ № 144 от 27 июня 1920 года.

² Партархив Тат. ОК КПСС, ф. 868, дело 167, л. 14.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 391.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 264.

Е. Н. ЧЕРНЫШОВ

К ВОПРОСУ О СВЯЗИ КАМСКО-ВОЛЖСКОГО КРАЯ
С РОССИЙСКИМ РЫНКОМ В XVII ВЕКЕ

Камско-Волжский край в XVII веке представлял собою особую провинцию Русского государства, полным властелином земель которой считался московский государь, опиравшийся на служилый феодальный класс помещиков и торговцев. Все феодалы Камско-Волжского края нерусского происхождения, признавшие над собою власть Москвы, составляли особую группу служилых людей Московского государства, частично сохранивших за собою разные наименования и звания: князья и мурзы; служилые татары, мари и чуваш; тарханы и казаки. За представителями некоторой части бывшей знати сохранялись привилегии на землю и службу в войсках царя, а также на крепостных и холопов, которые обрабатывали их поместья и вотчины. Но подавляющее большинство трудового населения было зачислено в группу ясачных, т. е. данников, обязанных вносить ясак в пользу государственной казны. Ясаки были и пашенные, и пушные, а потом стали и денежные, смотря по роду хозяйственной деятельности ясачного населения.

Для Камско-Волжского края хлеб был самым главным видом поставки в ясак. Местами в счет ясака входила поставка рыбы, которой на „государев обиход“ доставлялось на 100 тыс. р. в год. Ногайцы и башкиры поставляли от 30 до 50 тысяч голов лошадей, которые пополняли царскую конницу и артиллерию, а кроме того и помещичьи конюшни. С XVII века правительство принимает меры к разработке рудных богатств (медь и железо) на Урале, и в это же время идут поиски меди в Камско-Вятском районе („выше Мурзиной слободы“)¹. Исторические акты XVII века констатируют приблизительное количество ясачных Казанского уезда в 15464 человека, которые должны были вносить деньгами 21523 руб., т. е. по 1,4 руб. с души². Но ясачные выполняли и ряд натуральных повинностей: постройка укреплений, военная служба, дорожная и ямская повинности³.

Эта феодальная основа экономики Камско-Волжского края в XVII веке обречена была на такие изменения, которые не могло предотвратить никакое правительство, так как оно должно было молчаливо отступать перед объективными законами экономического развития. Оброчная система в ее денежной форме не могла содействовать сохранению натуральной замкнутости, а развивающийся внутренний российский рынок через разделение труда вовлекал ясачных

¹ Н. А. Фирсов, Положение инородцев, К., 1866 г., стр. 81—86.

² Там же, стр. 161.

³ Там же, стр. 167—171.

в мелкотоварное производство на рынок и втягивал торговый капитал в мелкую промышленность. Правительство хотя и оберегало ясачных от торговых людей, воевод и административных „кормленщиков“, но это было скорее декларативно, чем на самом деле. Торговые люди могли вести торг с ясачными только после уплаты ясака, но этого почти никогда не было в действительности. Торговцам запрещалось ходить на промыслы одними указами, но разрешалось возить хлеб и сукна к ясачникам по другим указам. Правительство наказывало разного рода „наильников“, но они никогда не исчезали и становились только более находчивы¹.

Феодальная экономика России в XVII веке вступила в особый период так называемого *первоначального накопления*, который является почвой, где развивается корневая система, питающая развитие капиталистического способа производства, получившего свое начало во второй половине XVIII века. Именно в этих целях и интересно проследить, как разрушалось феодальное замкнутое хозяйство Камско-Волжского края, как этот край стал составной частью единого всероссийского внутреннего рынка, единого российского экономического организма. Благодаря появлению в настоящее время в печати фундаментального издания таможенных книг Московского государства XVII века лучше всего можно этот процесс проследить на операциях товарного обращения XVII века.

С. В. Бахрушин в статье „Предпосылки всероссийского рынка“ указывал, что в России рост общественного разделения труда имел место уже в XVI веке. Это выразилось в росте городов и промыслов, в географическом разделении труда, так как наметились хлебные, льняные, пеньковые, огородные, овчарные и молочные районы; образовались центры металлургические, текстильные, кожевенные, пушные, солеваренные². В условиях роста товарного обращения ремесло переходит в товарное производство. Денежные налоги, господство скупщика на рынке, укрепление мелкотоварного производства, товарно-денежное хозяйство — все это порождает товарно-денежные отношения, которые проявлялись эпизодически с XV столетия и даже раньше, но только с XVII века стали господствующим явлением в России.

Академик А. М. Панкратова в статье „О роли товарного производства при переходе от феодализма к капитализму“ делает заключение, что именно в XVII и первой половине XVIII века в условиях господства простого товарного производства уже зреют ростки будущего капиталистического способа производства³.

Опубликование в печати таможенных книг Московского государства XVII века предоставляет богатую возможность подробно остановиться на важнейшем вопросе экономики XVII века — создании из местных рынков общероссийского внутреннего рынка и место в этом процессе Камско-Волжского края. Конкретный материал по товарному обращению дает возможность говорить и о мелкотоварном производстве.

Большой материал по товарному хозяйству в России и частично в Камско-Волжском крае раскрывают таможенные книги северного речного пути Московского государства XVII века, опубликованные Академией Наук СССР⁴. В трех томах напечатаны книги Великого Устюга,

¹ Н. А. Фирсов, Положение инородцев, стр. 183—186.

² С. Бахрушин, Предпосылки всероссийского рынка (Ученые записки МГУ, вып. 87, М., 1946 г.).

³ „Вопросы истории“, № 9, 1953 г., стр. 76.

⁴ Таможенные книги Московского государства XVII века, изд. под ред. А. И. Яковлева, тт. I—III, М., 1950—1951 гг.

Сольвычегодска, Тотьмы и других северных посадов. Эти книги отражают участие на указанных рынках казанских людей и каринских (вятских) и варзинских (елабужских) татар. Конечно, таможенные книги Москвы, Архангельска, Нижнего Новгорода и самой Казани дали бы более обильный материал для анализа и изучения торговых связей Камско-Волжского края с общероссийским рынком, но даже и эти материалы, которые относятся к северным и второстепенным торговым центрам, дают возможность убедительно говорить об этой связи. Опубликованные книги прекрасно иллюстрируют, чем торговали казанские люди, что они везли из своего края, что везли домой и в каких центрах России торговали. Мы можем пронаблюдать, кто и в какой степени был заинтересован товарами Камско-Волжского края и сбытом в этот край товаров общерусского и иностранного происхождения, в чьих руках была сосредоточена оптовая торговля и как она развивалась. Вместе с тем характеристика предметов обмена дает некоторое представление о состоянии мелкого товарного производства, особенно в разрезе его отраслей.

Из трех указанных северных торговых центров самым значительным был Устюг Великий, обороты которого в 3—4 раза превосходили обороты Сольвычегодска и в 6 раз — обороты Тотьмы¹. Главный контингент торговцев в 1633—1634 годах в Устюге — устюжане (более 300), ветлужане (198), вологжане (169). Из других городов и местечек, которых указано более 100, торговцев было уже значительно меньше, но всего больше казанцев, которых указано более 60 чел., москвичей (39), ярославцев (27), вятчан (31) и иноземцев (41). В 1635 году городов и местечек, откуда были торговцы, указано более 150, но количество торговцев из одних меньше прошлогоднего, а из других больше, как например, вятчан, москвичей и ярославцев. Казанцев же зарегистрировано было значительно меньше — около 30.

В Сольвычегодске в 1634 г. много было усольцев (376) и устюжан (203), меньше — вятчан (82), москвичей (75), вычегжан (57), важан (42), вологжан (40). Казанцев указано 20 чел., каринских татар 5 чел.

В Тотьме в 1634 году тотьмян записано 440 человек, устюжан — 157, вологжан — 253, кокшарцев — 159, москвичей — 105, кологривцев — 50, иноземцев — более 50, нижегородцев — 9, казанцев — 7 и т. д.

В 70-х годах XVII века эти рынки еще более развились, особенно Великий Устюг, где устюжан было уже около 400, а ветлужан — более 600 человек.

Товары, которыми торговали казанцы в Великом Устюге, были разнообразны. О. Шавалдышев в 1633 году в Устюг приехал из Мангазеи и привез 11 сороков соборей, 2 сорока пупков соборных и 3 бобра.

Казанец В. Логинов приехал в Устюг из Архангельска на судне купца Алексея Усова и заявил о привозе 12 ансырей шелка, 103 киндяков, 20 бобров больших, 10 ярцов, 2 половинок английского сукна, 2 половинок лятчин, 2 мухояров, паникадила, 2 кип сукон, котлов — 5 вьюков, бочки белого железа, 4 бочек сельдей, 2 пудов изюма и бочки с мелким товаром. Ассортимент весьма разнообразный, но, как видно, по преимуществу иностранного происхождения. Через 5 дней к Василию Логинову пришел купленный раньше товар с Холмогор от П. Аврамова: три половинки английского сукна и 3 половинки лятчин. Кроме того, еще в предыдущем году он привез в Устюг 207 киндяков. 129 киндяков он выменял у С. Усо-

¹ Таможенные книги Московского государства XVII века, изд. под ред. А. И. Яковлева, т. I, М., 1950—1951 г., стр. 5.

ва на 32 сорока 10 пупков соболя и еще у яренского купца купил 5 сороков 36 соболей за 200 руб., в счет которых дал 8 половинок лятчин, 10 киндяков и 2 пуда котлов, а часть деньгами. Он же, Логинов, купил 72 соболя и продал их костромитину Трифону, а от него получил 8 половинок лятчин, да полтора постова настрафилю. За 10 бобров и 11 ярцов выменял 3 половинки английского сукна. На 60 своих киндяков выменял сукна постав да 19 аршин. Продав шелку 12 ансырей и сделав общий оборот в Устюге на 530 рублей, В. Логинов на 5 подводах повез оставшийся товар в Казань¹. Подобные обороты можно считать очень крупными.

Казанцы Прокопий Андреев и Андрей Антипин были более мелкими торговцами. В Устюг они приехали из Ярославля на 2 лошадях, но не торговали, а поехали дальше.

Иван Кирилов из Казани на двух лошадях привез 400 киндяков и 50 юфтей сафьянов. В Устюге у него было еще 50 юфтей сафьянов и 14 киндяков, которые он продал за 65 рублей. Из первой партии сафьян обменял на 3 половинки английского сукна, которые отослал в Казань, а с киндяками поехал на Вагу к ярмарке. В марте он еще приезжал в Устюг из Москвы².

Назар Леонтьев на двух лошадях из Казани привез 170 киндяков, сафьянов 30 юфтей, 34 ансыря шелку, 27 дорогов гилианских и променял их московскому гостю Кирилу Босому на 7 половинок сукон английских, 2 постова сукон настрафилей и часть уплатил деньгами. Вся сделка на 370 рублей.

Свияженин К. Исаков, „человек Микифора Антипина“, привез из Казани на 45 лошадях 900 кож яловичных соленых³. Казанец Федот Свешник приехал на 11 лошадях и привез окорока (2 воза), свежую рыбу (3 воза), 40 мехов, 8 пудов восковых свеч, 7 пудов воску, 10 пудов черной икры, 34 пуда с четвертью меда и 10 киндяков. Весь товар стоил несколько сот рублей⁴.

500 юфтей и 20000 белок привез „человек“ казанца С. Кондратьева, который, возможно, был в компании с москвитиним гостинной сотни Оксентием Климшиным, так как платил только гостинный сбор⁵.

Заметным предметов торговли казанцев в Устюге Великом были лошади, которые продавались устюжанам преимущественно в количестве от одной до трех по цене от 3 до 9 рублей; в редком случае лошади куплены были иногородними: ярославцем и усольцем. Таможенная книга Великого Устюга за 1633—1634 год констатирует 26 казанских продавцов лошадей, из них один — козмодемьянец.

Как видно из приведенных данных, мы говорили лишь о русском купечестве, которое, действительно, держало всю иногороднюю торговлю в своих руках. Из купечества других национальностей мы можем указать лишь каринских и варзинских татар, которые выступали на северных рынках с товарами, скупленными не только в вятских уездах, но и в уездах с нерусским населением Казанского края. Обороты татарских купцов не так велики, как русских, и не настолько разнообразны, но все же мы можем весьма определенно указать

на полную самостоятельность и устойчивость их торговой деятельности.

Большие торговые операции в 30-х годах XVII века ведет хлыновский татарин Первой Кебешев. В феврале 1634 года на 3 лошадях он привез в Устюг 8 мер льняного и конопляного семени и 9 пудов воску, всего на 65 руб.¹ Другой татарин Дмитрий Богданов приехал из Казани в Устюг и привез на продажу лошадь ценою в 5 руб.², без сомнения, помимо прочего товара и более ценного.

Очень заметны из каринских татар Борис и Дмитрий Араслаповы, которые ведут торговое дело сообща. В 1635 г. Борис объявил на Устюге 5 половинок английского сукна и 3 половинки лятчин, а 20 января Дмитрий этот товар отправил с Устюга в Камско-Волжский край, видимо, через своего приказчика, т. к. через несколько дней он в Устюге же предъявил на продажу 11 пудов воску и 13 пудов меду, всего на 95 рублей³. Братья постоянно были погружены в торговые операции: 20 марта 1635 г. Борис привез в Устюг еще 30 пудов меду и 4 пуда воску на 84 рубля⁴. В феврале 1635 года татарин Федор Алышев привез воску 22 пуда и меду 6 пудов, всего на 140 рублей⁵.

Таможенные книги отмечают и иногородних торговцев, связанных с Казанским рынком. Так, 1 октября 1634 года крестьянин Троицкого монастыря Данило Обросимов привез в Великий Устюг из Мангазеи соболей енисейской покупки почти 12 сороков, 18 сороков соболевых пупков, 14 больших бобров, 40 соболевых хвостов, 90 соболевых выимков, 2 пупчатые пластины, соболю вешнюю пластину и проч. Со всем этим товаром он послал своего сына Василия в Казань на лошади⁶.

В декабре того же года поехал в Казань с товаром из Устюга холмогорец Перфилий Аврамов. В марте он уже возвратился из Казани и через Устюг повез товар на 6 лошадях в Холмогоры⁷.

В феврале того же года извозчики московского гостя Герасима Шерина привели в Устюг из Казани 94 воза с говяжьим салом; его же кожи, видимо, из Казани хранились „на гостинне дворе“ в 3 анбарах уже 10 недель⁸. Кожи и сало были основным предметом вывоза из Казани и весьма многое говорили о развитии товарного, кожевнического и салотопенного производства.

Московский гость Кирило Босой, имевший торговый оборот только в Устюге более, чем на 2000 рублей в год, в марте 1634 года отпустил в Казань своего брата Стефана с его „человеком“ с товаром сибирского привоза: 20 сороков соболей, 50 сороков пупков соболевых, красной меди 50 пудов на 4 лошадях. Это говорит за то, что казанский рынок был далеко не малозначущим для таких „миллионщиков“, как Кирило Босой⁹.

Другой москвич гостинной сотни Яким Усов отпустил с Елисеєм Тетериным в Казань на 3 лошадях 20 половинок английского сукна,

¹ Таможенные книги, т. I, стр. 36.

² Там же, т. I, стр. 48.

³ Там же, т. I, стр. 174.

⁴ Там же, т. I, стр. 183—184. 22—23 марта он же продал двух лошадей за 10 рублей (там же, стр. 267—268).

⁵ Там же, т. I, стр. 176.

⁶ Таможенные книги т. I, стр. 19. В марте сын вернулся из Казани опять в Устюг и привез с собой: воску 15 пудов с четью, да сапогов 10 обувей больших, да малыя 5 обувей и меду пуд, всего на 105 рублей. (Там же, т. I, стр. 48).

⁷ Там же, т. I, стр. 27—28 и 47.

⁸ Там же, т. I, стр. 37.

⁹ Там же, т. I, стр. 55.

¹ Таможенные книги, т. I, стр. 21. Подобен ему Дм. Гребенкин, пославший из Казани „своего человека“ П. Никифорова на 6 лошадях, который привез в Устюг на 420 руб. воску 30 пудов, меду 55 пудов, рыбу, икру, шелк, киндяки и проч. (Там же стр. 44—45).

² Там же, т. I, стр. 31 и 45.

³ Таможенные книги, т. I, стр. 36. Несколько позже второй его „человек“, М. Иванов, привез в Устюг на 28 лошадях сала говяжьего по бочке на лошади. Платил только гостинный сбор с лошадей и амбарные деньги (Там же, стр. 48).

⁴ Там же, т. I, стр. 36.

⁵ Там же, т. I, стр. 49.

10 поставов настрафилей, 2 яренги, меди в котлах 5 пудов и укладу 5 пудов¹. Через год Тетерин везет в Казань 15 сороков соболей, 3 половинки английского сукна, изюму 14 пудов и полбочки сельди, а обратно берет сафьян, киндяки, шелк, крашенину, обувь, кожу, меха, мед и воск на 4 лошадях².

Тот же крупный торговец Василий Юрьев в декабре 1634 года поехал в Казань на 5 лошадях и повез 30 половинок английского сукна, 4 постав настрафилей, 5 половинок кострышей, 4 половинки яренгов, 2 стамеда, 25 стоп бумаги писчей, 20 пудов меди в котлах и тазах, бочку красного вина. В марте он из Казани возвратился в Устюг и привез оттуда 14 дорогих гиланских и тебризских, 11 киндяков арабских, три куса миткали, 10 завесов, 2 кисен, 4 ансыря шелку и 2 юфти сафьянов. Одновременно с этим прислали ему из Казани 13 пудов меду и кадку икры³. Из этих операций видно, что шло на казанский рынок и что отправлялось оттуда: в Казань идет продукция промышленности, главным образом, шерстяной и металлообрабатывающей, а из Казани — продукция среднеазиатских стран и местной, как добывающей, так и обрабатывающей промышленности.

2 марта 1635 года Илья Михайлов, „человек“ купца Василия Шерина, приехал из Казани на 86 лошадях с салом говяжьим. Это сало пошло из Устюга в Холмогоры⁴. Такой внушительный обоз был уже не первым.

10 сентября того же года 2 холмогорских купца повезли в Казань треску, винные ягоды и другой товар, а в феврале следующего года они уже были опять в Устюге с товаром из Казани на 5 лошадях⁵.

Если обратить внимание, куда казанские купцы устремлялись из Устюга Великого, то можно назвать такие пункты: Мангазея, Ярославль, Архангельск, Вологда, Холмогоры, Яренск, Сольвычегодск, Вага, Москва, Сибирь, Вычегода, Туглим, Вятский Волок и др. Рассматривая же — откуда попадали в Казань с Устюга иногородние купцы, можно отметить такие пункты: Вятка, Хлынов, Мангазея, Устюг, Холмогоры, Москва, Быкокуры, Ярославль и др. Такое наблюдение мы делаем только по данным двух устюжских книг 30-х годов XVII века. Особенно интересно отметить такие маршруты: Москва — Устюг — Казань и обратно (москвич); Вятский волок — Устюг — Холмогоры (казанец); Архангельск — Вологда — Устюг (казанец); Туглим — Устюг — Архангельск (казанец); Ярославль — Устюг — Вага (казанец); Казань — Устюг — Вага (казанец); Вологда — Устюг — Казань (казанец); Вычегода — Устюг (казанец); Мангазея — Устюг — Казань; Мангазея — Устюг — Ярославль; Холмогоры — Устюг — Казань (холмогорец); Яренск — Устюг — Казань; Сибирь — Устюг — Казань (москвич); Ярославль — Казань (ярославец); Сольвычегодск — Устюг — Казань (холмогорец) и Енисейск — Устюг — Казань (гладеновский крестьянин с Морозовицы, Троице-Сергиева монастыря)⁶. Эта сеть маршрутов следования товаров из Казани и в Казань, как центр Камско-Волжского края, свидетельствует как нельзя очевиднее об органическом вращении Камско-Волжского края в общехозяйственные рыночные отношения Русского государства в первой половине XVII века. Нет сомнения, что торговые связи с Москвой были еще оживленнее: книги Великого Устюга свидетельствуют об этом.

¹ Таможенные книги, т. I, стр. 59.

² Там же, т. I, стр. 281—283.

³ Там же, т. I, стр. 61.

⁴ Там же, т. I, стр. 179.

⁵ Там же, стр. 194.

⁶ Таможенные книги, т. I, стр. 14, 19, 21, 25, 30, 31, 33—35, 36—37, 44—45, 47—49, 55, 58—59, 61, 132, 134, 158, 166, 168, 170, 173, 177, 184, 187, 194, 231, 233, 240, 246, 265, 272, 283.

Из приведенного фактического материала видно, что оптовая торговля находилась в руках русских торговцев как местных, так и иногородних, особенно московских. Но тем не менее по устюжским таможенным книгам вполне определенно отмечаются оптовые торговцы из каринских татар Вятского края. Они вели торговые операции несравненно меньшего масштаба, чем русские, но все же не терялись и выделялись компактной группой, имеющей довольно обширную периферию торговых операций, выходящую за пределы своего края. Часть этих татар носила уже русские имена, ибо принятие православия давало больше возможностей для торговой деятельности, но некоторые из них оставались мусульманами; в этом случае им содействовало их прежнее положение служилых людей. Так называемые каринские татары, имевшие уже влияние на удмуртское и татарское население Камско-Вятского края, были тесно связаны с Казанью и Вяткой, а также с северными торговыми центрами. Из края они вывозили товар местного производства и привозили товар центральных областей и заграничный.

Таможенная книга Великого Устюга за 1635—1636 гг. зарегистрировала довольно значительное количество торговцев из крестьян Казанского края. Главным образом они продавали лошадей, стоимостью до 8 рублей. Крестьяне эти большею частью монастырские: двое из села Услонов, свияжского Троицкого монастыря, двое из села Мельничных Клыков, Спасского монастыря г. Казани, один из дер. Салмачи около села Вознесенского того же монастыря, двое из дер. Девтикеевой, принадлежавшей митрополиту, один из митрополичьей же деревни Столбищи, двое из деревни Куюки, Преображенского монастыря г. Казани¹. Монастырские крестьяне жили в монастырских вотчинах на оброке, а не на барщине; это обстоятельство и позволяло им более свободно оглущаться из своей деревни и наращивать свои обороты продажей скорее всего ими же выкормленных лошадей. В таможенной книге по Устюгу за 1633—1634 год среди продавцов лошадей, прибывших в Устюг из Казанского края, показаны только казанцы. Однако можно предположить, что часть их была тоже из крестьян, ибо в книге за 1635 год запись была более подробной, чем в книге за 1633 год, т. е. в книге за 1635 год все монастырские крестьяне названы и казанцами². Следовательно, хозяйство некоторых монастырских и казенных крестьян, состоящих на оброке, давало в первой половине XVII века товарную продукцию, находившую сбыт на отдаленных от Казани рынках.

Заканчивая характеристику роли Камско-Волжского края на рынке Великого Устюга в 30-х годах XVII века, перечислим, какие группы товаров шли через Устюг в Казанский край и что отправлялось из Казани в Устюг.

Прежде всего, обращают на себя внимание пушные и меховые товары, которые шли в Казань из северных лесов Европейской части России и из Сибири. Наибольший ассортимент из них составляют собольи меха: только из одного Устюга в Казань за 2 года было отправлено около 80 сороков соболей, более 100 сороков собольих пупков, 10 штук собольих пластин, 90 шт. собольих выимков, 80 шт. собольих хвостов. Редко, но попадали собольи шипки, шапочные „исподы пупчатые“, собольи лоскут и хвостышки „недособольи“. Красной лисы поступило 37 мехов, бобра — 63 шт., бобровых яр-

¹ Таможенные книги, т. I, стр. 265—268.

² Там же, т. I, стр. 134—137.

цов—23 шт., кошлоков—11 шт., бобровых черевесей (башмаки)—16 пар, медведей черных—5 шт., мешин—40 шт. Этот перечень ассортимента соболей и других меховых товаров подсказывает мысль, что в эти товары вложено было немало самого разнообразного человеческого труда не только по добыче мехов, но по их обработке и изготовлению из них разных предметов: мешин, пластин, черевесей, шапок и проч. Хотя бы и при домашнем производстве, изготовление этих товаров требовало большего умения и разнообразной квалификации, причем эта квалификация определялась требованиями рынка, вернее *товарным* производством того времени.

Но и Казань была значительным торговым центром пушного товара. Так, в Устюг привезено было из Казани 20 тысяч белок, тогда как из Устюга белки было завезено лишь 170 штук. Конечно, скупщики такого количества пушнины обнимали значительную территорию Камско-Волжского края, но возможно ее поступление и из Сибири.

Шелковые изделия были тоже заметным привозным товаром с Северного Кавказа, из Средней Азии и Персии. Поступали они разными дорогами: или из Средней Азии сухопутным, или из Астрахани в Казань. Последний путь—самый важный. Для шелка Казань была важным транзитным пунктом. Казанец Яков Минин в январе 1635 года привез из Казани в Устюг транспорт шелку и выменял его на „аглинское“ сукно¹. Можно отметить еще казанцев: Дм. Гребенкина², Никиту Арапова,³ Назара Леонтьева⁴, Василия Юрьева⁵ и др., которые доставляли в Устюг большие партии шелку и шелковых изделий. За два года, 1635 и 1636, из Казани доставлено в Устюг более 260 фунтов обыкновенного пряженого шелку, 34 фунта так называемого „фарабату“; кроме того, привезено много шелковых тканей—дороги гиланские, дороги тебризские и дороги кашанские—более 150 кусков; изредка привозили камку кизыльбашскую, очень часто и в большом количестве—шелковые халаты (киндяки), которых за 2 года в Устюг доставлено почти 1400 шт. Вполне возможно, что прямо в Москву шелку из Казани шло еще больше, чем в Устюг Великий.

Сукна шли в Казань с другой стороны: из Архангельска, Устюга и Москвы. За два года только из Устюга доставлено в Казань 117 половинок „аглинского сукна“; других сукон и шерстяных тканей поступило значительно меньше: лятчин завезено 18 половинок, настрафилий—2 поставов, „стамеда“—шерстяной косонитной ткани—2 половинки, мухояра—2, сукон—2 кипы, яренги (дерюги)—6 половинок и сукна кострыша—одни постав 5 половинок 19 аршин.

Хлопчатобумажные ткани и изделия частью привозились из Казани в Устюг, а частью из Устюга в Казань. Так, казанец Яков Минин везет в Устюг 5 фунтов бумаги хлопчатой⁶, Дм. Гребенкин посылает „выбойку“ на 12 аршин, две „миткали“, 5 кушаков „бумажных“⁷. Кроме того, идет „бумага шити“, крашенина, бумажные полукушачья⁸.

¹ Таможенные книги, т. I, стр. 35.

² Там же, стр. 44—45.

³ Там же, стр. 48.

⁴ Там же, стр. 56.

⁵ Там же, стр. 61.

⁶ Там же, стр. 35.

⁷ Там же, стр. 44—45.

⁸ Там же, стр. 188.

В большинстве своем бумажные изделия были в Казани привозными из Средней Азии, а не своего производства.

Исключительно привозной в Казань была писчая бумага и галантерея, а частично и бакалея (орехи, изюм, сельди, винные ягоды, различные вина, черная икра, перец и проч.).

Из Казани в Устюг в большом количестве отправлялась свежая рыба, осетр, сало говяжье, мед, клей, а также воск, восковые свечи и клей (курлук); из щепных товаров—блюда и ставцы. За два года в Устюг доставлено 165 пудов воска и свеч, 205 пудов меда; очень часто поставщиками воска и меда были каринские татары.

Торговля говяжьим салом была тоже весьма значительна: три поставки составили 208 подвод; если считать на каждой по одной бочке, общий вес товара значительно превысит 2000 пудов. Говяжье сало надо считать одним из главнейших предметов вывоза из Камско-Волжского края.

Еще более значительным объектом товарного производства Казанского края были кожевенные товары. На Устюжский рынок только одних сафьянов было доставлено 294 юфти на сумму до 3000 рублей, яловичной соленой кожи—900 штук; кожи красной—550 юфтей, конских кож 42 юфти, сапогов—78 „обувей“, рукавиц верхних—200 пар. Редко, но встречались козловые и бараньи красные кожи, ременные шлеи. Нет сомнения, что в Камско-Волжском крае кожевенное производство было очень развито и носило товарный характер. Мелкое местное производство разрасталось в связи с усилением спроса на всероссийском рынке и импульсировалось крупными скупщиками и оптовиками.

Что же касается товаров металлических, то Устюг давал Казани медь в котлах и тазах, которой за год привезено было более 100 пудов, и белое железо. Поток железных изделий, шедших через Казань с Урала в центр государства и на юг, естественно, устюжскими таможенными книгами не фиксировался.

Таможенные книги Великого Устюга за 50-е годы XVII века говорят вполне определенно о дальнейшем развитии товарно-денежных отношений и усилении торговых связей отдельных областей Русского государства.

Прежде всего, это относится к расширению ассортимента предметов торговли Камско-Волжского края с Устюгом. Наряду с воском, медом и кожами теперь везут из Казани мелкое просо, орехи, пшено сорочинское¹. Мелкое просо—продукт сельскохозяйственного производства Казанского края, а сорочинское пшено—низовьев Волги.

Вместе с тем таможенные книги указывают на вовлечение в торговые операции купцов и крестьян и из других пунктов Камско-Волжского края. В 50-х годах в Устюге побывало 13 каринских татар и 37 русских. Кроме казанцев указываются из с. Кукарки 5 человек, из Козмодемьянска—5 чел. из Мамадыша—1, из Елабуги—6 человек, которых сопровождали другие 11 человек; упоминаются крестьяне Свияжского (4 чел.) и Спасского монастыря г. Казани (1 чел.). Если же указать всех приезжих в Устюг, то наберется всего 17 татар и 63 русских.

И русские и татарские торговцы ездят дальше, чем раньше. Они нередко едут из Архангельска и Сибири через Устюг или Сольвычегодск. Эти же таможенные книги указывают, что каринские татары едут в Устюг с товаром и из Казани, и из Уфы. Это говорит за то, что их торговые связи расширились, но казанских татар в Устюге не бывало. Казанские татары вели торговые операции

¹ Таможенные книги, т. II, стр. 352.

в южном, юго-восточном и западном направлениях, а каринские достигали на юг лишь линии Казань — Уфа. Но в северных торговых центрах они преобладали по сравнению с казанскими татарами, однако, сильно уступали русским торговцам, особенно в объеме торговых операций и денежном их выражении. Сотнями рублей обладали и татары, но русские подчиняли их своими тысячами и крупным масштабом операций¹.

Двое казанцев: Василий Исгев и Леонтий Конищев вместе с епанчанином Парфеном Полиарповым и вятчанином Василием Юрьевым приехали в Устюг из Сибири на 4 лошадях с мягкой рухлядью. Только епанчанин Парфен продал торопчанину 12 сороков 19 соболей за 633 р. 13 алт. 2 деньги, а остальной товар повезли дальше „вверх“, т. е. к Архангельску².

25 февраля 1650 г. каринские татары Данило Сабдеков и Исак Кузешов приехали с Вятки с медом (67 пудов) и воском (52 пуда), ценою за все 382 руб. В Устюге купили „на товарные деньги“ 20 пудов укладу, 2 половинки английского сукна, половинку летчины, 2 аршина камки и поехали к Лальскому городу на 4 лошадях³.

Из Козмодемьянска на 8 лошадях привезли воску 13 пудов 2 четверти и меду 148 пудов 3 четверти на 229 рублей торговцы Никифор Григорьев и Григорий Дементьев. В Устюге купили 20 выдр, 17 стоп бумаги писчей, 6 сороков пупков собольих и вернулись обратно⁴.

12 января 1652 года из Елабуги приехал в Устюг на 3 лошадях Ларион Федоров и привез с собою 32 пуда воска и 19 пудов 15 гривенок меда. Мед променял на 40 пудов ворвани, воск продал, заплатил пошлин с 211 рублей и с ворванью отправился 22 января в Казань⁵.

Таковы размеры отдельных торговых операций в Устюге торговых людей Казанского края. На основании изложенного можно сказать, что дальнейшее развитие экономики края и его вращение в общую систему всероссийского внутреннего рынка за вторую четверть XVII века заметно усиливалось.

В третьем томе опубликованы таможенные книги по северным торговым центрам, в частности, по Устюгу Великому за 1676, 1679 и 1680 годы. Эти книги отразили на себе всю остроту классовых и политических осложнений в государстве, особенно крестьянскую войну под предводительством Степана Разина. Обороты северных городов с Камско-Волжским краем значительно сократились. Приезжих в Устюг из Москвы было лишь 3—8 человек, тогда как раньше их было до 100 человек. Казанцы, арзамасцы, костромичи, иноземцы, ярославцы, шуяне и другие насчитываются единицами — 2—3 человека.

На рынке Великого Устюга стало больше ветлужан, чем устюжан; первых указывается более 600, а вторых до 413; после них идут вологжане (от 54 до 61), по 2—3 десятка торговцев давали лаличи, ратмеровцы, Сольвычегодск, Сысолы, Яренск и каринские татары. Остальные, даже северные города, давали до 10—15 человек. Несомненно, что временное снижение оборотов в одних центрах усиливало обороты других, так как общие средние по всему российскому рынку не могли колебаться так сильно, как для отдельных торговых центров. Торговые операции Устюга хотя и сократились, но сохранили в общем тот же характер, что и в первые три четверти

XVII века. Сравнительно значительными были обороты каринских татар. В книге 1676 г. их обозначено 22, за 1679—26, за 1680—17 человек.

Особенность торговых операций в эти годы заключалась в некотором уменьшении ассортимента и количества привозимых товаров. Если прежде шли крупные обозы и операции достигали 300—400 рублей, то в эти годы партии товаров стоимостью свыше 200 рублей были редким явлением. Но зато книги начинают указывать товарные выписки, составленные на новых местах приобретения товара: выписи мензелинские, варзинские, уфимские, хлыновские, слободские, пьяноборские, сарапульские, вятские и др. Эти выписи прекрасно показывают непрерывно растущую связь казанского рынка с северными городами при широком посредничестве каринских и варзинских татар.

Росла эта связь и иным путем. На Казанском рынке появились для закупок сами устюжане и вятчи. Устюжанин Иван Бетюков в 1676 году в Устюге продавал товар по казанской выписке: 30 пар сапогов сафьяновых и из телячьей кожи, 25 пар башмаков, 7 юфтей козлов красных и желтых, 7 пудов воска, 15 пудов меда, 100 пар рукавиц урезковых, 2 пуда пряников, 4 юфти опойков и 10 мер орехов. Да сверх выписи оказалось казанского товара: воску 1,5 пуда, пряников 2 пуда, кож красных 4 юфти, 2 пары сапогов сафьяновых, одни башмаки, семеро рукавиц урезковых, кожа козлиная крашеная, 3 пуда проса, 4 арш. выбойки, 6 аршин цветной китайки, 2 меры орехов, 2 пары телячьих сапог. В Устюге он продал товаров на сумму больше 50 рублей¹.

Полнее отражены торговые операции братьев Губиных. Из Устюга Василий Губин 5 декабря 1678 года повез в Казань: бочку масла деревянного, 2 пуда перца, 4 пуда олова, блюдного, 1 пуд 30 фунтов ладана, 9 бочек ягод винных, 60 дюжин карт, бочку белого железа, 3 пуда сахара, 1 пуд с четвертью серы, 4 пуда олова пруткового, 12 пудов свинца, 40 стоп бумаги писчей, 2 пуда меди зеленой в котлах, 50 ножиц больших, 1,5 пуда меди красной в котлах, 10 литров мишуры красной и белой². Весь товар был заграничный.

А в середине февраля 1679 года другой брат Михаил Губин в Устюге уже предъявил к продаже товар казанской покупки: 18 пудов икры черной, 25 пудов меда, 5 осетров и сверх выписи икры 3 пуда и меда 2 пуда. В июле месяце Василий Губин еще привез из Казани в Устюг: воска 25 пудов, 50 пар рукавиц, 3 кумача красных, 2 ансыря шелку, 10 фунтов меди зеленой, ветоши, 8 пудов пшена сорочинского. В декабре того же года Василий снова поехал в Казань с медью³. Таким образом, торговые люди Губины систематически отправляли обозы и в Казань и из Казани.

Такие же операции вели с Казанью устюжане Иван Есиплев Большой, Никифор Кудрявцев и др.⁴

В марте 1678 года в Устюге продавал товар казанской покупки вятчанин Филип Вершинин, который побывал уже в Лальском городке. После лальской продажи у него осталось 45 пудов икры, 12,5 пудов меда и 2 осетра, всего на 39 руб. 20 алт.⁵

Вятчанин из города Хлынова Григорий Кокорин купил в Казани 72,5 пуда осетрины и 44,5 пуда меда. Продав часть товара в Устюге

¹ Таможенные книги, т. II, стр. 134.

² Там же, стр. 182.

³ Там же, т. II, стр. 46.

⁴ Там же, стр. 34.

⁵ Там же, т. II, стр. 192.

¹ Таможенные книги, т. III, стр. 117.

² Там же, стр. 182.

³ Там же, т. III, стр. 183, 333.

⁴ Там же, т. III, стр. 208.

⁵ Там же, т. III, стр. 162.

на 60 рубл., он купил 396 пудов железа цыренного и повез в Соликамск в феврале 1680 года¹.

Интересно отметить появление на казанском рынке для закупок москвитина Казенной слободы Филипа Стоянова, который в 1680 году в Устюге предъявил к продаже по казанской выписи через повгородца Никифора Волдаевского такой товар: 300 ансырей шелку „ряского“, 50 юфтей цветных сафьянов, 50 киндяков вальковых, 6 концов выбойки, 2 занавеса, 5 топ фат полущелковых, 17 кумачей красных, 13 концов китаек, 4 юфти фат бумажных, 2 косяка пестряди².

В 1679 году отмечено появление среди торговых людей крепостных крестьян. Крепостной крестьянин Алатырского уезда Иван Савельев из вотчины дворцового боярина и оружейничего Богдана Хитрово продавал в Устюге по хлыновской выписи 30 пудов черной икры и 30 пудов меда. Если в Хлынове мед был местным продуктом, то икра, несомненно, была завезена из Казани или с Камы.

Кроме русских и татарских торговцев в книгах 70-х годов XVII века указываются в большем количестве, чем раньше, торговцы из удмуртов, частью принявших православие, частью ислам. „Вотак“ Арской дороги, деревни Тюкли, Келдибай Келдинов приехал из Уфы в Устюг с товаром по варзинской выписи (воск и мед) на сумму почти 160 рублей. Это уже крупная сумма для того времени. Удмурт из дер. Мыни, Арской дороги, продававший в Устюге мед и воск по варзинской и пьяноборской выписям, выручил за товар больше 198 рублей. Удмурт Андрей Акхубин торгует на 203 рубля³.

Сольвычегодск, как торговый центр, лежал на пути из Устюга в Сибирь. Сольвычегодск был рынком значительно меньшего масштаба, чем Устюг Великий, а соответственно этому и ассортимент товаров был несколько беднее, но все основное было и здесь. В основном купцы проезжали Сольвычегодск, не торгуя в нем. Лишь некоторые реализовывали свои товары на деньги, чтобы запастись пушминой, или же производили прямой обмен.

Казанцев в Сольвычегодске было значительно меньше, чем в Устюге, как и каринских татар, но и те и другие здесь постоянно вели торговые операции. Так 29 сентября 1634 года казанец Иван Григорьев „явил на собольную покупку денег 460 рублей“⁴. 19 января 1636 года другой казанец Иван Кирилов тоже для покупки соболей „явил 400 рублей денег“⁵. Эти вклады оставались в таможенной избе до привоза подходящей партии товара. Казанец Исаак Агапитов продал 8 сороков соболей, 2 хребта бурых лисиц и сотню белок, всего на 300 рублей. Казанец Герасим Гребенкин прислал со своим „человеком“ на продажу половинку сукна английского и 10 дюжин карт⁶. Ф. Данилов предъявил к продаже белого мыла на 18 руб. Казанец Осип Кирилов привез мыла и крашенин и всякого мелкого лавочного товара на 140 руб, казанец Прокопий Андреев продавал 180 крашенин, 20 киндяков, 20 кумачей и 8 выбоек⁷. Некоторые каринские татары сверх обычного своего ассортимента торгуют лошадьми⁸.

В таможенных книгах 50-х годов XVII века по Сольвычегодску преобладают сведения о проезжающих казанцах, как и в книгах

70-х годов; но в последних в эти годы зарегистрированы по Сольвычегодску также казанские и уфимские татары¹, что опять-таки говорит о дальнейшем развитии торговых связей.

В таможенных книгах северных городов очень скупы сведения о хлебной торговле. В этом нет ничего удивительного, т. к. хлебная торговля была монополией царской казны. И. де-Родес в „Размышлениях о русской торговле“ 1653 г. сообщает, что до 200 тысяч четвертей хлебных грузов отправлялось из казенных складов „со всех сторон в Вологду и дальше через Архангельск за границу“. Родес же упоминает, что льняное семя скупается около Казани, Нижнего, Костромы и др. городов и свозится тоже в Архангельск.

Иностранец Кильбургер отмечает изготовление юфти в казанской, нижегородской и московской областях, но наибольшее число кож вырабатывалось в ярославской и костромской областях. Из Казани же поступали дубовые бревна в Астрахань на сваи. Бревна шли с Красной горы через откупщика Маманина и целовальников Пушниковых.

Дворянин Аристов имел подряд от казны на отправку 80 кадок извести в Астрахань, но это уже торговые операции феодального типа, т. к. все шло помимо рынка.

Некоторые подробности рыночных отношений дают таможенные книги Тобольска и Тары — сибирских торговых центров. Казанские татары в середине XVII века везут в Тобольск бухарский товар, калмыцкие меха и китайские ткани. Некоторые татары были служилые, а некоторые — посадские. В Таре одни казанские татары продавали меха и ремень, а другие — бухарский товар.

Много в Казани бывало иностранных торговцев, особенно из Средней Азии, Кавказа и Закавказья², которые следовали оттуда и в Пермь, и в Нижний, и в Москву.

Вообще говоря, рыночная торговля XVII века стала уже главным фактором товарного обращения в России, а это и ломало понемногу феодальный режим в экономике.

* * *

На основании изложенного мы можем установить такие положения.

Уже в 30-х годах XVII века определилась большая группа казанцев, состоящая преимущественно из русских торговых людей, державшая в своих руках оптовую торговлю с северными торговыми центрами страны. Таможенные книги говорят, что в товарном обращении Камско-Волжского края с северными торговыми центрами страны очень деятельное участие принимали каринские татары Вятского края. Во второй половине XVII века на рынках Устюга и Сольвычегодска появляются варзинские (елабужские), казанские и уфимские татары, что красноречиво говорит о развитии торговых связей с северными центрами государства. Уже в первой половине XVII века на северных рынках появляются торговые люди из русских крестьян, главным образом, из монастырских и чернососных, а со второй половины XVII века — из ясачных удмуртов и крепостных русских крестьян. В течение всего XVII века товарная продукция Камско-Волжского края привлекала большое количество иногородних торговых людей (Москва, Холмогоры, Устюг, Сольвычегодск, Вятка, Хлынов, Ярославль и Мангазей).

¹ Таможенные книги, т. III, стр. 291.

² Там же, стр. 295.

³ Там же, т. III, стр. 20, 34, 35, 295.

⁴ Таможенные книги, т. I, стр. 313.

⁵ Там же, стр. 319.

⁶ Там же, стр. 313, 314.

⁷ Там же, стр. 313, 323, 324.

⁸ Там же, стр. 327.

¹ Таможенные книги, т. III, стр. 460, 525 и 533.

² История Татарии в документах и материалах, М., 1937 г., стр. 235—239.

Таможенные книги дают богатый материал для определения маршрутов казанских и иногородних торговых людей. Казанцы везут товары по таким направлениям: Казань—Устюг—Вологда, Мангазея—Устюг—Казань, Казань—Устюг—Яренск, Вятский волок—Устюг—Холмогоры, Казань—Устюг—Вологда—Архангельск, Туглим—Устюг—Архангельск, Ярославль—Устюг—Вага, Казань—Устюг—Вага, Вычегда—Устюг. Иногородние купцы создают маршруты: Москва—Устюг—Казань и обратно (москвич), Холмогоры—Устюг—Казань (холмогорец), Ярославль—Устюг—Казань и обратно (ярославец), Сольвычегодск—Устюг—Казань (холмогорец), Сибирь—Устюг—Казань (москвич), Енисейск—Устюг—Казань (гладенец-крестьянин).

С течением времени маршруты торговых людей Камско-Волжского края все больше удлиняются.

В течение XVII столетия развитие торговли порождает создание новых заготовительных и скупочных центров: кроме казанских, книги указывают чебоксарские, козмодемьянские, мензелинские, варзинские, пьяноборские, сарапульские торговые выписи. А это именно и показывает рост торговых центров и товарных баз, откуда товары вывозились на крупные рынки страны. Торговцев-оптовиков дает уже не только Казань, но и другие пункты края, как Свияжск, Услоны, Чебоксары, Козмодемьянск, Мамадыш, Кукарка, Елабуга, Клыки, Куюки, Салмачи и др.

Среди товаров Камско-Волжского края, обращавшихся в оптовой торговле, видное место занимают пушнина, воск и восковые свечи, мед, различные кожи, особенно цветные сафьяны, кожаная обувь, рукавицы, говяжье сало, лошади и просо, а позже—бумажные ткани, орехи, шапки, деревянные изделия. Эти товары были продукцией местного производства. В Камско-Волжский край и Казань завозились: сибирская пушнина, особенно соболя, английские суконные и шерстяные ткани, шелк, хлопчатобумажные ткани и пряжа (из Средней Азии и Закавказья), изделия из цветного и черного металла, бакалея и гастрономия, писчая бумага и галантерея из-за границы и центра России. Это говорит, что Казань была не только потребляющим, но и крупным транзитным центром.

Для таких важнейших торговых центров России XVII века как Москва, Холмогоры, Вологда, Архангельск, Устюг, Мангазея, Тобольск, Астрахань и даже Новгород Великий, казанский рынок, как центр Камско-Волжского края, представлял собою важный торговый центр, снабжающий всероссийский рынок не только воском и медом, хлебом и скотом, но и продукцией мелкотоварного производства, как кожи, свечи, мыло, обувь, крашенина и проч. В то же время Камско-Волжский край являлся потребителем продукции мелкотоварного производства России, Западной Европы, Средней Азии, Персии и Китая.

Таким образом, все данные говорят о том, что в XVII веке Камско-Волжский край стал превращаться в органическую часть всероссийского внутреннего рынка, что объясняется развитием мелкотоварного производства как в России вообще, так и в Казанском крае в частности. Волжско-Камский край был не только поставщиком в казну хлеба, скота, денег и сырья, но и областью товарного производства таких продуктов мелкой промышленности, как кожи и обувь, мыла и крашенины, восковых свечей, блюд и ставцев, а позже—кумача и выбойки. Товарное производство и обмен Камско-Волжского края со всей очевидностью свидетельствуют, что местные рынки сливаются в единый всероссийский внутренний рынок, который способ-

ствует развитию производительных сил края и поставляет на местные рынки товарную продукцию других областей.

Фактический материал, с которым мы познакомились, ярко подчеркивает географическое разделение труда в XVII веке, что лежит в основе всего товарного производства вообще, что импелсирует дальнейшее его развитие и развитие производительных сил края. Все вышесказанное определяет специфику товарного хозяйства Волжско-Камского края и его место в системе всероссийского товарного хозяйства XVII века.

Материалы таможенных книг помогают подойти к частичному разрешению вопроса о генезисе капитализма в Камско-Волжском крае. Капитализм возникает из товарного хозяйства, но этот процесс очень длительный и сложный. Одним из первых признаков этого превращения является рост торгового обращения и экономическое расслоение крестьянства, что невозможно проследить, если не обратиться к таможенным книгам Московского государства, дающим богатый и колоритный фактический материал. Другие признаки превращения товарного хозяйства в капиталистическое, как появление разного рода откупщиков, поденщиков и наемных рабочих, а также превращение натуральной ренты в денежную, можно установить по другим материалам, что составляет задачу особой статьи.

В обстановке начавшегося процесса превращения товарного хозяйства в капиталистическое и у нерусских народов Волжско-Камского края наблюдается развитие производительных сил, рост товарного производства, рост товарного обращения и экономическое расслоение зависимого крестьянства, наконец, подрыв натурального феодального хозяйства и рост товарно-денежных отношений. Все это свидетельствует о прогрессивном хозяйственном развитии многонационального Камско-Волжского края, хотя и в условиях колониальной эксплуатации со стороны царизма, купцов и помещиков.

М. Х. ГАЙНУЛЛИН

ГАФУР КУЛАХМЕТОВ

(К вопросу изучения жизни и творчества)

В истории татарской прогрессивной культуры и литературы имеется ряд деятелей, которые в условиях царизма и полицейского произвола, продолжая лучшие традиции представителей русской демократической и революционной мысли, вели неустанную борьбу за подлинное искусство для народа, за его высокую идейность и общественную направленность. Они были активными проводниками в татарские народные массы великих освободительных идей, тесно связали себя с народом, боролись вместе с ним. К таким деятелям относится и зачинатель татарской пролетарской литературы, публицист, революционер — Гафур Кулахметов.

Габдулгафур Юнусович Кулахметов (Гафур Кулахметов) родился 22 апреля (4 мая) 1881 г. в городе Пензе в семье мелкого промышленника. Отец его, Юнус Кулахметов, вместе со своими братьями Юсуфом, Якубом и Исхаком содержал унаследованные маломощные мыловаренные, свечной и парфюмерно-косметические заводы. В 1888 г., когда Гафуру было 7 лет, фирма Кулахметовых разоряется, вследствие чего отец Гафура со своей большой семьей переселяется в Кузнецкий уезд, Саратовской губернии, где и работает управляющим в имениях разных помещиков.

Свое образование Гафур начинает вместе с братом Каюмом в медресе деревни Ятмис, Нижне-Ломовского уезда, Пензенской губернии. Там Гафур учится около 3 лет. Но постановка обучения в этом схоластическом медресе не удовлетворяет ни Гафура, ни его родителей. Поэтому, в целях создания условий для воспитания своих детей, Юнус Кулахметов в 1896 г. переселяется в Казань и устраивается главным мастером на мыловаренный завод Утямишевых.

Юнус Кулахметов, исходя из своих убеждений, стремится отдать сына в одно из медресе Казани и сделать его муллой. Но молодой Гафур не соглашается, он мечтает поступить в такую школу, где можно было бы получить более полезные для жизни знания. Претворить в жизнь эту мечту до некоторой степени помогает ему его старшая сестра Гамбар. После долгих хлопот, осенью 1898 года Гафуру удается поступить в Казанскую татарскую учительскую школу. Здесь Гафур выделяется знанием русского языка и особым интересом к истории и географии. Поступивший только на полгода раньше в эту же школу Хусанн Ямашев и сгруппировавшаяся вокруг него передовая молодежь стали школьными товарищами Гафура Кулахметова. Гафур, как и Ямашев, помимо школьных занятий, уделяет

очень много времени самостоятельному чтению. Позднее они начинают участвовать в нелегальных марксистских кружках, организованных социал-демократами. Занимаясь в марксистских кружках систематическим чтением политической литературы, Гафур расширяет свой кругозор и становится активным пропагандистом революционных идей среди учащихся.

В 1902 г. Гафур оканчивает Казанскую татарскую учительскую школу с правом преподавания в татарских начальных школах. Ниже приводим свидетельство за № 343 от 30 мая 1902 г. об окончании школы и присвоении ему звания учителя начального татарского училища.

Казанский учебный округ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Предъявитель сего Габдул Гафур Юнусов Кулахметов, сын купца, родившийся двадцать второго апреля тысяча восемьсот восемьдесят первого года обучался в Казанской татарской учительской школе на казенный счет с 1 августа 1898 г. по 28 мая 1902 года, окончил полный курс положенных уставом учебных предметов. Во все время учения был поведения отличного и в преподаваемых предметах оказал успехи:

В Магометанском вероучении	— удовлетворительные
— педагогике	— хорошие
— русском языке	— хорошие
— арифметике и геометрии	— хорошие
— истории и географии (русской)	— отличные
— естествознанию	— хорошие
— чистописанию и черчении	— хорошие
— практических занятиях по преподаванию	— отличные

Кроме того обучался гимнастике и ремеслам: переплетному и столярному.

Окончив полный курс учения в татарской учительской школе, он на основании ст. 20 п. 4 и ст. 27 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 27 марта 1897 г. Положения о татарских учительских школах в г. г. Уфе и Симферополе, удостоен Педагогическим Советом Казанской татарской учительской школы звания учителя начального татарского училища.

На основании ст. из того же Положения (2631 ст. XI т. Св. Зак., изд. 1893 г. и 90 ст. III т. Св. Зак., изд. 1896 г.) за казенное содержание в Казанской татарской учительской школе он обязан прослужить в должности учителя шесть лет. Если же, при поступлении на службу, он не пожелает дослужить этот обязательный срок, то может быть уволен по внесении всей употребленной на его содержание суммы.

Как успешно окончивший курс учения в Казанской татарской учительской школе, он, по отправлению воинской повинности пользуется льготами, предоставленными второму разряду по образованию.

Примечание: Лица, окончившие курс учения в татарских учительских школах, на основ. 2605 и 1535 ст. I ч. XI т. Свода Законов, изд. 1893 г., пользуются относительно поступления в гражданскую службу правами, указанными в уставе о службе по определению от Правительства для лиц, окончивших курс учения в прогимназиях.

В удовлетворение сего и выдано ему сие свидетельство за надлежащей подписью с приложением печати школы. г. Казань, мая 20 дня 1902 года.

Председатель Педагогического Совета	} подписи
Инспектор школы	
Вероучитель	
Члены Педагогического Совета	} подписи
Секретарь	

После окончания учительской школы Кулахметова назначают учителем русско-татарской школы в одной из рабочих слобод города Казани (ныне слобода Восстания), где Гафур работает в течение

10 лет, до 1912 года. Рабочая среда еще более способствует росту самосознания Гафура.

Общественная и педагогическая работа Гафура Кулахметова начинается в такую замечательную эпоху, когда «...в России подымалась величайшая народная революция, во главе которой стоял революционнейший в мире пролетариат...»¹.

Крупным событием явилось для трудящихся татар появление в Казани в январе 1903 года первой социал-демократической прокламации на татарском языке, переведенной с русского языка под руководством Хусайна Ямашева при ближайшем участии Гафура Кулахметова и изданной Казанским Комитетом РСДРП. Эта прокламация, проникнутая духом пролетарского интернационализма, возвестила о том, что единственный путь к свободе — это решительная борьба против самодержавия, для победы над которым необходимо объединить силы трудящихся всех национальностей под знаменем Российской социал-демократической рабочей партии.

Развертывание революционной пропаганды на татарском языке было вызвано ростом революционного движения рабочих Казани. «Мысль о необходимости прокламации на татарском языке принадлежит всецело самим казанским рабочим», — писала ленинская «Искра» в марте 1903 года (№ 35).

Особенно ярко деятельность Г. Кулахметова проявилась в период первой русской революции, когда под руководством Х. Ямашева он становится одним из активных пропагандистов революционных идей среди трудящихся татар.

Революционное движение в Казани и работа казанской большевистской организации в период первой русской революции неразрывно связаны с деятельностью Якова Михайловича Свердлова, который прибыл в Казань в феврале 1905 года по заданию ЦК партии. Он сплотил вокруг себя большевистскую часть казанской социал-демократической организации. За короткий срок под руководством Свердлова Казанский Комитет стал большевистским. В состав Комитета, кроме самого Свердлова, входили товарищи Саммер, Хусайн Ямашев и другие. Хусайну Ямашеву Комитет поручил руководство агитационно-пропагандистской работой среди татар.

Казанский большевистский Комитет уделяет очень большое внимание усилению революционного воспитания учащихся и рабочих татар. Выпускаемые большевиками в значительных количествах прокламаций и листовки переводятся также и на татарский язык. Об этом в газете «Вперед» от 7-го апреля 1905 г. имеется следующий материал:

«После забастовки сильно увеличилось требование на литературу; прокламации тщательно подбираются и прочитываются, связи Комитета расширились и число организованных рабочих быстро растет. Работы по горло, сил мало, литературы нет. Издательская деятельность сильно развилась... всего за 2 месяца распространено с присланными от районного бюро свыше 40 800 листовок... Значительно расширяется работа среди татар: переводятся на татарский язык почти все листовки...»².

Гафур Кулахметов, работавший в это время преподавателем, принимает активное участие в общественно-политической жизни рабочего района. В клубах, среди рабочей молодежи он ведет культурно-просветительную и политико-разъяснительную работу. Он продолжает в эти годы поддерживать тесную связь с рабочим-револю-

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 76.

² Цитируем по книге «Жизнь замечательных людей в Казани», Татгосиздат, 1941 г., стр. 132.

¹ Центральный гос. архив ТАССР, фонд № 1477, оп. № 3, архив № 41, л. 62, 1902 г.

ционером Зарифом Садыковым, со старым революционером Гассаром и Х. Ямашевым, ставшим уже членом Казанского Комитета РСДРП. Их задания по революционной пропаганде Кулахметов выполняет с чувством большой ответственности. Некоторые из тайных собраний татарских большевиков проходят в школе, где преподает Г. Кулахметов.

Будучи учителем, Гафур не был материально обеспечен. На жалование в 27 руб. 50 коп. он должен был прокормить довольно большую семью, содержание которой после смерти отца ложится на него. Несмотря на то, что ему часто приходилось испытывать нужду в самом необходимом, он уделяет исключительное внимание приобретению литературы. В своих воспоминаниях современники пишут о наличии богатой библиотеки в его квартире. Среди имеющихся у него книг больше всего было произведений русских и европейских классиков, переведенных на русский язык. Гафур живо интересовался также философией, политэкономией, историей, географией, особенно трудами Маркса, Энгельса, Ленина, Дарвина и Чернышевского.

Знакомство с революционной литературой, особенно с подпольной газетой „Искра“, и активная революционная деятельность Гафура Кулахметова позднее получили художественное воплощение в его литературных произведениях.

Таким образом, Гафур Кулахметов встречает буржуазно-демократическую революцию 1905 года политически подготовленным революционным интеллигентом.

Он деятельно переводит на татарский язык революционные прокламации, содействует их печатанию и распространению. На массовых митингах и демонстрациях, происходивших в 1905 г. в Казани, Кулахметов был в первых рядах. Когда в Казани власть переходит в руки революционного народа (19—20 октября по старому стилю), Гафур состоит в боевых дружинах. 21 октября, во время столкновения с контрреволюционными силами, Гафур Кулахметов вместе с большевистскими организаторами находился в здании Городской управы. Там он был арестован и некоторое время сидел в тюрьме.

Разгромив 12 декабря партийную организацию, жандармы сорвали вооруженное выступление казанских рабочих. Многие революционеры были арестованы. С этих дней ведение революционной пропаганды в Казани становится весьма затруднительным. Но Кулахметов, хотя и с предосторожностями, продолжает революционно-агитационную работу. В районе своей службы он проводит среди рабочих политико-просветительную работу, читает рефераты и доклады на политические темы, например: „Что такое прибавочная стоимость“, „Цензурная дума и значение участия в ней“ и т. д.

В 1906 году, когда революция пошла на убыль, большевики одновременно с подпольной революционной работой использовали и все легальные возможности. Гафур Кулахметов также, в целях использования легальных возможностей, принимает участие в работе тех газет, которые допускали на своих страницах статьи с революционным содержанием. Напечатанная в 3 номере газеты „Азат“ за 1906 г. статья „Цель российских социал-демократов“ и помещенная в газете „Азат халык“ статья „Чему учат социал-демократы?“ написаны при участии Г. Кулахметова. Среди материалов, опубликованных Г. Кулахметовым¹, есть статьи, раскрывающие на фактическом материале основы капиталистической эксплуатации², например, о приме-

нении и жестокой эксплуатации на заводах и фабриках женского и детского труда („Вопрос о женщинах“); против лишения жителей рабочей слободы избирательных прав („Пассивный бойкот Государственной думы“); против несправедливых войн („От нечего делать“) и много других.

Кроме того, Кулахметов переводит и печатает в газетах конституции некоторых буржуазных стран³. Публицистическая деятельность писателя способствовала политическому росту рабочих и демократически настроенной татарской интеллигенции. Этими статьями Кулахметов помогал читателям понять реакционный характер существующих в царской России порядков и неограниченность жестокой эксплуатации угнетенных масс.

Публицистическая деятельность Гафура Кулахметова имела большое значение для пробуждения политического сознания татарского народа, так как она была неразрывно связана с пропагандой марксистско-ленинских идей.

Его статья „Полезные сведения всему народу“ является переводом листовки Казанского большевистского комитета.

Наличие большого количества переводов с русского языка не умаляет достоинств публицистики Гафура Кулахметова и свидетельствует о стремлении передать своему народу революционные мысли на собственном языке.

В том же 1906 году печатается² его первое художественное произведение — символическая поэма „Разрушенный мол“ (свободный перевод с русского языка)³. Поэма повествует о том, как злой человек воздвиг на широком морском просторе каменную стену, которая сковывает свободу морской стихии. Волны яростно нападают на нее, гибнут одна за другой, но не сдаются и, в конце концов, разрушают мол, завоевывая свободу морского пространства.

Идея этого произведения — призыв к объединению всех угнетенных и уверенность в конечной гибели монархии, сковывающей, как и эта каменная стена, свободу народа. Перевод этого символического произведения не был случайным: оно было направлено против царского самодержавия, против усиливающейся реакции и призывало к сплочению сил народа на борьбу за свое освобождение.

Среди рукописей Гафура Кулахметова сохранилась неопубликованная брошюра в объеме 83 страниц (заимствована с русского оригинала) под названием „Что должен знать и помнить каждый рабочий“. В ней разъясняется, что для достижения своих целей рабочие должны вести не только экономическую борьбу, но и политическую. На страницах 67 и 68 мы читаем: „Люди, которые убеждены и доказывают, что дело освобождения рабочих зависит только от самих рабочих, называются социал-демократами.“

„Основателем этой идеи и постоянным борцом за дело рабочих был ученый-мыслитель Карл Маркс.“

В 1847 году Маркс вместе со своим другом Энгельсом подготовил и опубликовал⁴ „Манифест Коммунистической партии“, где они показали рабочим способы борьбы и впервые на весь мир провозгласили лозунг: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

Со дня провозглашения „Манифеста“ прошло 50 лет (1847). Если бы Маркс был жив (Маркс умер в 1883 году, Энгельс умер в 1895 году),

¹ Газета „Азат“, 1906 г., № 24, Конституция Швейцарии и т. д.

² Газета „Казан мухбире“, 1906 г., 5 апрель.

³ Оригинал этого произведения принадлежит Григорию Гершуни (1870—1908).

⁴ Здесь указана дата написания. „Манифест“ в действительности был опубликован в 1848 г.

¹ Он подписывался „Г. Кулахметов“, „Г. К.“ или „Учитель Рабочей слободы Г. Кулахметов“.

² Газета „Азат“, 1906 г., 26/II. „Полезные сведения всему народу“.

то увидел бы своими глазами, как скоро дали всходы брошенные им на плодотворную почву семена. Рабочие никогда не забудут, что Маркс впервые открыл и разъяснил им, что дело освобождения рабочих является делом самих рабочих"¹.

Этот документ свидетельствует, что Кулахметов поднялся до пропаганды идей „Манифеста Коммунистической партии“.

По мере наступления реакции царская охранка усиливала слежку за Г. Кулахметовым. Для иллюстрации того, с каким рвением жандармы следили за ним, мы приводим два документа. Первый из них от 30 марта 1906 года, адресованный начальнику Казанского Губернского Жандармского Управления:

МВД
КАЗАНСКИЙ
УЕЗДНЫЙ
ИСПРАВНИК

Секретно.

30 марта 1906 г.
№ 164

Сего числа во вверенное мне Полицейское Управление явился проживающий в Пороховой слободе, на Мещанской улице в своем доме запасный фейерверкер из Казанского уезда, Студено-Ключинской волости, дер. Студеного Ключа Сибгатулла Хабибуллин и заявил, что прошлой зимою, по случаю татарского праздника Уразы, к проживающему в Пороховой слободе, на Караване-ской улице, в собственном доме, Тазетдину Нигматуллину были приглашены гости, в числе которых были — он, заявитель, указанный мулла 2-й мечети Мукминов, казначей Мингаiley Бибишев и многие другие, а также и учитель местной татарской школы при первой мечети Гафур Кулахметов, который во время октябрьских беспорядков был взят и арестован в здании Казанской Городской Управы. Во время разговоров Кулахметов, на вопрос, за что он был арестован, ответил, что он пошел в Городскую Управу к студентам для того, чтобы получить вооружение и сделать восстание, где в числе рабочих и был арестован и отведен в тюрьму, а из тюрьмы был освобожден через 11 дней по удостоверению Инспектора народных училищ... При дальнейших же разговорах о том, что будет теперь в России, Кулахметов сказал: „все будет по нашему, — ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА возьмут за ворот, а студенты будут исправлять дело, ГОСУДАРЬ же ИМПЕРАТОР будет смотреть со стороны. На днях, пожалуй, заберут ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, так как из их партии уехали в С-Петербург. При этом Хабибуллин присовокупил, что своевременно об этом он не заявил из опасения быть избитым или убитым.

О чем сообщаю Вашему Высокоблагородию и присовокупляю, что об этом донесено Его Превосходительству Казанскому Губернатору и Прокурору Казанского Округного Суда.

(Подпись)²

Второй документ от 1 мая 1907 года адресован прокурору Казанского Округного Суда.

Секретно.

НАЧАЛЬНИК
КАЗАНСКОГО
ГУБЕРНСКОГО
ЖАНДАРМСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ

Мая 1 дня 1907 г.
№ 4615
г. Казань.

Имею честь препроводить при сем на благоусмотрение Вашего Превосходительства переписку Казанского Уездного Исправника от 29 минувшего Апреля за № 66 о противоправительственной агитации учителей татарской школы в Пороховой слободе Гиматуллы Фахрутдинова Мустафина и Абдул Гафура Кулахметова. О последующем имею честь просить не оставить меня своим уведомлением.

ПРИЛОЖЕНИЕ:
Полковник

Переписка за № 66
(Подпись)³

Летом 1907 года Г. Кулахметов доехал в Астрахань к младшему брату Габдульмяну, где встречался с одним из своих старых знакомых Зарифом Садыковым¹, с которым они поехали в Баку. Какие поручения он там выполнял — нам точно неизвестно². Осенью того же года он возвратился в Казань и, продолжая свою педагогическую деятельность, начал работать над художественными произведениями. Первым оригинальным творением Г. Кулахметова была пьеса „Ике фикир“ („Две мысли“), написанная в 1905—06 гг. Произведение это, показывающее в аллегорических образах победу идей социализма, буржуазные издатели отказались печатать. Оно вышло в свет только после Великой Октябрьской революции.

Второе его крупное произведение — драма „Яшь гомер“ (Молодая жизнь) было напечатано в 1908 году в издательстве Ахметгарея Хасани. Это первое произведение в истории татарской литературы, где героями являются революционные рабочие и интеллигенция. Драма ставит задачу — отобразить классовую борьбу между буржуазией и пролетариатом. С исключительным мастерством писатель показывает, как в условиях жестокой реакции продолжается революционная борьба и повышение классовой сознательности рабочих. Драма разоблачает буржуазных националистов и защищает идеи интернационализма. Во втором акте этой пьесы автор показывает, как обездоленные трудящиеся — русские и татары, в условиях все усиливающегося гнета и эксплуатации со стороны своих классовых врагов приходят к выводу о необходимости объединения и борьбы до победного конца.

До отправки в печать драма была на просмотре у проф. Катанова, сотрудника царской цензуры. Ознакомившись с рукописью, Катанов писал председателю Временного комитета по делам печати в Казани:

„К великому своему огорчению, я не могу явиться сегодня в Комитет...

Пользуясь случаем, обращаюсь к Вам с просьбою: ... Вручить просмотренную мною рукопись „Яшь гурь“ (молодая жизнь), драма в 5 действиях, 77 стран. в 4 д. л. (из этого сочинения исключены мною некоторые места о рабочих союзах и о социализме)³..“

Письмо показывает, что в книге было сокращено много существенных мест. Но идею классовой борьбы, органически связанную со всем содержанием произведения, эпизоды классовой борьбы, являющиеся революционной пропагандой, царская цензура не смогла совершенно выхолостить.

В основе сюжета пьесы находится изображение истории любви Галей и Зулейхи, борьбы Галей за освобождение любимой девушки от насильственного брака. Главная же идея произведения заключена в образах, на первый взгляд кажущихся второстепенными, — Валея и Юсуфа.

¹ Зариф Садыков вырос в Казани в Ново-Татарской слободе. В годы подготовки революции 1905 г. Садыков работал вместе с Х. Ямашевым и Кулахметовым и был одним из передовых рабочих-революционеров. Когда в Казани начались преследования рабочих, он уехал в Астрахань и там в 1906—08 гг. вел революционную работу. Он был известен под псевдонимом Ибрагима Муратова. Когда началось преследование революционеров в Астрахани, Садыков переехал в Уфу и там был арестован. После нескольких лет заключения в тюрьмах Казани и Симферополя, умер в Крыму от туберкулеза легких в 1912 г.

² Кулахметов рассказывал своим современникам, что он ездил в Астрахань по заданию партийной организации.

³ ЦГА ТАССР, фонд Времен. Комитета по делам печати, архив № 107, л. 8.

¹ Хранится в рукописном фонде Казанского филиала АН СССР, папка № 11.

² ЦГА ТАССР, фонд № 2, архив № 1212, л. 64.

³ ЦГА ТАССР, фонд № 25, архив № 22, л. 22.

Проблема освобождения женщины не являлась в то время новой в татарской литературе. Заслугой Гафура Кулахметова является то, что он поднял эту тему на принципиальную высоту. Не в сентиментальных, а в реальных картинах автор показывает безвыходность и трагизм положения женщины в классовом обществе¹. Писатель делает вывод, что раскрепощение женщин станет возможным только тогда, когда будет освобожден весь 130-миллионный народ России. Один из героев пьесы, революционер Валея говорит в связи с этим, что освобождение женщин является только частью социальной проблемы. Валея спрашивает у Галея: „Значит во всей России несчастна одна Зулейха?“ И сам же отвечает: „В эпоху, когда в России люди, как какие-то нечистоплотные существа, купаются в грязи, бесполезно хлопотать только о счастье одного человека и успокаивать себя, что „служу народу“. Это был новый и революционный подход к проблеме освобождения женщин в татарской художественной литературе.

В драме есть полукомический образ рабочего Юсуфа. Такое освещение образа является очевидно приемом маскировки, чтобы обмануть бдительность цензуры. Судя по поступкам и высказываниям, Юсуф предстает как политически сознательный, хорошо понимающий свои классовые интересы рабочий. Юсуф ясно сознает, что он является частицей большой армии трудящихся, которая создает все материальные ценности и имеет поэтому права на все богатства. Юсуф садится на диван и рассуждает: „Вот и на этот диван есть мое право. Как есть? Кто сделал этот диван? Рабочие. А кто же Юсуф? — рабочий“. И дальше: „Вот и на эти деревья есть мое право. (Топнув ногой). И на эту землю я имею право. (Размахивая руками.) Во всем земном богатстве есть мое право!.. Права есть на многое, но нет денег. Отчего это так? А?“ — спрашивает он. Но Юсуф не ограничивается этими вопросами, он ищет причины, почему, имея столько прав, он живет без денег. „Думай, ломай голову, тогда узнаешь. А если пожалеешь голову и не будешь думать, человеком не будешь“, — говорит Юсуф. И тут же, связывая свои мысли с обычными явлениями жизни, продолжает, закуривая: „Зажжешь, будет гореть, не зажжешь — не будет. И все так. Потрудишься, как следует, всего добьешься“. Эти слова автора, переданные устами Юсуфа, являются призывом к активным революционным действиям. Следуя за Юсуфом, автор знакомит читателей с картинами тюремной жизни, где образ Юсуфа раскрывается еще полнее. Из его беседы с русским товарищем мы видим, что передовой части рабочих-татар было присуще классово-сознательное отношение как к эксплуататорам вообще, так и к Мусульманскому союзу в частности. Юсуф разоблачает деятельность буржуазных либералов, которые под видом защиты религии и нации обманывали народные массы.

„Нет, если даже других обманете, нас, рабочих, вам не обмануть!.. Хотят два резко враждебных друг другу² класса объединить. Нет, не бывать этому!..“ — отвечает он. Твердо веря, что в результате совместной борьбы, наступит светлое будущее, Юсуф поет:

¹ Данный вопрос Гафур Кулахметов поднимает и в своих публицистических статьях: „В эпоху господства экономической зависимости, в эпоху, когда не может быть материального и умственного равноправия, приходится говорить и о невозможности союза по любви“. Газета „Казан мухбире“, 1906 г., № 148. Из статьи „Мусульманские юноши и русские девушки“.

² Буквально: „пычакка пычак килгэн“.

Хоть много светлых дней,
Но наша жизнь во мраке.
Наступит еще свобода
...нимся только мы¹.

В образе Валея автор создал тип рабочего-революционера, умного и выдержанного, который руководит политической деятельностью своих товарищей. Валея подвергает суровой критике интеллигентскую мягкотелость Галея, воспитывает из него настоящего партийного работника, ибо прекрасно сознает значение интеллигенции в революционной борьбе.

Лучшие современники Кулахметова хорошо понимали, что он является творцом новых, передовых произведений своего времени. Основатель татарской прогрессивной драматургии Галиасгар Камал в рецензии на драму „Молодая жизнь“ справедливо заметил, что среди появившихся книг самой жизнеспособной является „Молодая жизнь“. Положительную оценку драме дал и писатель-публицист Фатых Амирхан. Внимание Г. Камала и Ф. Амирхана привлекли в этой пьесе, в первую очередь, образы Валея и Юсуфа.

В своих рецензиях как основное достоинство пьесы они отметили изображение автором новых людей, т. е. рабочих.

Правильно поняв замысел автора, Г. Камал и Ф. Амирхан указали на превосходство второго акта и приводили оттуда яркие революционные слова рабочего Юсуфа, подчеркивая, что такие мысли могут выразить только трудящиеся.

Буржуазные критики не признали произведения Кулахметова, ибо им не по духу было его революционное содержание.

В пьесе „Две мысли“ Гафур Кулахметов в аллегорических образах Красной и Черной мысли отражает борьбу, развернувшуюся в годы революционного подъема в среде передовой татарской интеллигенции. В образе Черной мысли он показывает господствовавшие долгое время, но уже уходящие в прошлое, реакционные идеи, а в образе Красной мысли — только что зарождающиеся революционные идеи.

Черная мысль настойчиво убеждает Даута отказаться от борьбы и не навлекать на себя хлопот и беспокойства, а спокойно ожидать прихода настоящей хорошей жизни в потустороннем мире, в раю. Однако Даут, наблюдая жизнь, углубляя свои знания чтением революционной литературы, постепенно отходит из-под влияния Черной мысли. В нем зарождается новая, Красная мысль, которая зовет Даута к тяжелой, но почетной борьбе за новые идеалы, за новую светлую жизнь. „Проверь советы Черной мысли, — говорит Красная мысль. — Если цель твоей жизни — спокойная, сонная жизнь, следуй за Черной мыслью. Мой путь — бурный, тяжелый, горестный и кровавый. Люди, не осознавшие необходимость борьбы, не могут следовать за мной. Но большинство скоро поймет, что мой путь самый верный и правдивый; он тяжелый, но целеустремленный“.

Даут с каждым днем все яснее и полнее начинает чувствовать наступление нового, светлого. Большинство старых товарищей порывает с ним. Их враждебность к нему несколько беспокоит его. В минуты одиночества и глубоких дум Красная мысль напоминает ему: „Разрыв и расхождение с некоторыми из твоих товарищей — это еще не есть разрыв с массой. Придет время — и ты сольешься с массой“.

И тут же, указывая на силу и роль вышедшей на путь революционной борьбы массы, Красная мысль добавляет:

¹ В издании 1908 года начало слова „объединимся“ было напечатано тремя точками.

„Масса подобна сильной грозе и буре. Народная масса, если она загремит — сожжет всю нечисть; если разразится бурей — сметет на своем пути все препятствия, выбросит все с корнем и проложит себе новые пути для движения вперед. Она стремится вперед, чтобы в лучезарном будущем достичь высоких целей...

„Народная масса идет вперед, чтобы создать себе настоящую, осмысленную жизнь, поэтому, чтобы найти истину, ты и иди только вместе с ней...

„Когда народная масса будет радоваться, будешь радоваться и ты, когда она будет проливать кровь, прольешь и ты. Ты найдешь в жизни счастье только тогда, когда пойдешь по этому пути“.

Даут все время продолжает работать над собой и осваивает идеи революционной борьбы. Вот в его руках книга, в которой он читает: „Какие бы твердые убеждения человек не имел, как бы ни были велики его знания и широк кругозор, он не сможет создать историю, напротив история создает человека. Так что же такое история?..

„История — продукт продолжающейся многие тысячелетия классовой борьбы народа, зеркало классовой борьбы. Отдельный человек в этой борьбе ничего не может сделать, человек может жить только в массе, только в этой борьбе он найдет себе удовлетворение. Одна группа людей старается все мировые богатства сосредоточить в своих руках, хочет массу, живущую исключительно своим трудовым потом, закабалить, держать в цепях...

„Народная же масса борется, чтобы не попасть в эти цепи, а будучи закабаленной, старается освободиться. Она борется, чтобы разорвать эти сковывающие ее цепи“.

Когда Даут доходит до этого места, Черная мысль вздрагивает, а Красная подходит к нему вплотную. Даут засыпает и во сне видит картину начавшейся борьбы. Автор показывает эту картину следующим образом: „С правой стороны поднимается занавес и перед глазами зрителей предстают картины классовой борьбы. Даут вместе с народной массой воюет против хозяев. На руках у многих звенят оковы, народ стонет... Он вооружен палками, камнями, ружьями... с противоположной стороны выступают регулярные войска. Народная масса медленно движется вперед, многие падают. Войска под натиском народной массы отступают и исчезают со сцены. Занавес опускается, зажигается свет... Даут просыпается и с грустью говорит: „Почему я дома, почему я не там, среди массы?“

Но поняв, что это только сон, отвечает сам себе: „Нет, это только сон, но все это должно произойти наяву, и я должен быть среди народной массы, бороться вместе с ней... Да, я, наконец, нашел себе дорогу, нашел себе место в жизни“.

Так завершает Даут свои размышления, так побеждают новые идеи, революционная мысль.

В пьесе выведен и положительный образ женщины. Чтение революционной литературы и влияние Даута превращают героиню пьесы Галию в сторонницу революционных идей. Как и Даут, она отдаляется от пошлой буржуазной молодежи, бессмысленно проводящей свою жизнь в увеселениях, и встает на путь борьбы.

В заключительной сцене Даут, обращаясь к Галии, говорит:

„Вы стали моим первым другом, первым товарищем. В поисках истины сейчас я уже не одинок. Мы вместе. Идем же вперед“.

„Уходят. Впереди Красная мысль, а за ней, взявшись за руки, Даут и Галия.

Черная мысль, согнувшись, остается в середине сцены, потом она и совсем исчезает.“ Так кончается пьеса.

Это произведение свидетельствует о росте революционных настроений среди передовой татарской интеллигенции. Приведенные выше мысли Кулахметова по вопросу о роли личности и народных масс в истории, его взгляд на историю как на процесс непрерывной классовой борьбы — все это говорит о том, что у него сложились к этому времени материалистические взгляды.

Кроме этих произведений у Гафура Кулахметова есть рассказ „Зачем проснулся?“, написанный в 1907 г. и напечатанный в 1911 г. В нем описывается, как мулла Габдерразак попадает во сне в загробный мир. Мулла всю жизнь выдавал себя за святого, призывал и других быть религиозными, давал советы делать только добрые дела, а сам на практике преследовал лишь корыстные интересы и ради удовлетворения своих желаний не останавливался ни перед чем. В ходе мнимых „загробных“ приключений автор и заставляет муллу разоблачить самого себя. Произведение является сатирой на духовенство, но все же надо отметить, что как по глубине содержания, так и по художественному оформлению оно значительно уступает произведениям, разобранным выше.

В 1908 г. Кулахметов заключил договор с издательством „Гасыр“ и начал писать труд по всеобщей истории на татарском языке. Три книги, названные „Тарих сахифэлэре“ (Страницы из истории) были напечатаны в 1909 г. в типографии „Сабах“. Наиболее значительна из них первая книга — „Люди доисторического периода“, где рассказывается, как человек формируется и развивается в борьбе с природой, а также приводятся краткие сведения о возникновении религии и государства. В книге ясно ощущается материалистическое понимание истории развития человека и общества.

Вторая книга называется „Роль прежних государств и народов“. Третья книга — „Египет“ — рассказывает об истории и культуре Египта. В конце этой книги автор говорит, что четвертой книгой явится „Месопотамия“. Из этого видно, что Кулахметов намеревался продолжать произведения на исторические темы, но осуществить свои планы ему не удалось.

Исторические труды („Страницы из истории“) показывают, что Кулахметов был знаком с произведением Ф. Энгельса „Происхождение семьи, частной собственности и государства“, а также критически использовал произведения греческого историка Геродота (484—426 до н. э.), сочинения французских историков и географов Лависса (1842—1922), Реклю (1830—1905).

Кулахметов принадлежал к числу тех писателей, которые внимательно изучали произведения видных ученых, и умело использовал полученные знания в своих художественных произведениях и публицистических статьях. Например, в статье „Мусульманские юноши и русские девушки“ он пишет, что принадлежность к разным нациям не может разрушить счастья супругов, если существует подлинная любовь и взаимное понимание, и в этом утверждении ссылается на ряд крупных ученых и писателей. Автор приводит и мнение Бальзака о том, что женщины, стоящие по образованию на одном уровне с мужчиной, гораздо более способствуют нормальной жизни и истинной любви в семье, и высказывание Бебеля о том, что если две жизни соединяются по взаимному влечению, то и возникающие в результате этого союза дела совершаются совместно, охотно, и, наконец, рассуждение Гёте, доказывающее, что если две души (мужчина и женщина) соединятся по взаимной склонности и живут всю жизнь в любви и дружбе, то они передают и потомкам эту святую любовь. Кулахметов отмечает со своей стороны, что равная

любовь возможна лишь в том случае, если вступающие в брак одинаково культурны и равны по социальному положению. „Приходится констатировать, — говорит Г. Кулахметов, — что в нашу эпоху экономической зависимости... подлинного брачного союза быть не может“¹.

У Гафура Кулахметова есть и не напечатанные до сего времени произведения. В числе их — пьеса „Абуджахель“, о которой в газете „Эльислах“ от 13 октября 1908 г. имеется следующая заметка: „Абуджахель“, пьеса в 4-х действиях. Первая историческая драма в татарской литературе. Произведение Гафура Кулахметова. Закончена на этих днях“. В 1910 г. пьеса была сдана в типографию „Юл“, но в процессе печати была конфискована полицией.

Имеются данные, что у Гафура Кулахметова было еще несколько произведений, в их числе драма „Кто виноват?“, которые также не увидели света. Их рукописи не сохранились. Кроме художественных произведений и публицистических статей, Гафур Кулахметов занимался также разработкой школьной методики. В 1911 году он издал „Методику преподавания арифметики“.

С 1912 года творческая деятельность Г. Кулахметова ослабевает, так как он находился под строгим надзором полиции. Это еще больше ухудшает его и без того тяжелое материальное положение. К этому времени значительно обостряется его болезнь — обнаружившийся в 1906 г. туберкулез легких. Однако, несмотря на все это, Кулахметов не отступает от своих демократических взглядов и революционных идей.

Он участвует в кружках татарской молодежи. В этих кружках Х. Ямашев беспощадно разоблачал буржуазных националистов, которые протаскивали панисламистские идейки. В борьбе против националистов Кулахметов держался на стороне Ямашева.

Смерть Ямашева в 1912 г. была тяжелым ударом для Кулахметова. В годы империалистической войны его болезнь продолжает усиливаться, а в конце 1916 года наступает резкое ухудшение, и Кулахметов уезжает в деревню. К этому времени относится его последний рассказ „Развод“ (на русском языке), в котором он повествует о бесправном положении татарских женщин и девушек. Октябрьская революция застаёт его в постели. 1 апреля 1918 г. Г. Кулахметов скончался. Похоронен 2 апреля на кладбище деревни Юнки (Иёнэ) Краснослободского уезда Пензенской губернии (ныне Торбеевский район Мордовской АССР).

* * *

Что же помогло Гафуру Кулахметову вырасти в активного деятеля революционного движения, воплотить передовые, прогрессивные идеи в своих публицистических статьях и художественных произведениях?

Прежде всего сама революционная эпоха, в которой он жил и работал.

Революционное движение пролетариата и крестьянства под руководством славной большевистской партии дало возможность Г. Кулахметову понять и отразить в своем творчестве передовые революционные идеи своей эпохи.

Борьба революционного пролетариата рождает новый тип литературы — литературу социалистического реализма, основателем которой явился Алексей Максимович Горький. Все творчество великого пролетарского писателя Горького пронизано ненавистью к капитализму. В своих произведениях Горький всесторонне раскрыл язвы капитализма и вместе с тем отразил рост сознания рабочего класса, пропагандировал идею революционной борьбы.

Горький в своем творчестве воплотил неисчерпаемые силы русского народа.

„В народе все начало, в его силе все возможное“.

„Что исходит из народа, из его великих трудов и мучений — это уже непобедимо, навсегда, это дойдет до конца“, — писал он.

В своем творчестве Горький дал нового героя — человека труда и борьбы, и тем самым расширил и обогатил пути русской литературы.

Отмечая огромное значение творчества Горького, В. М. Молотов указал, что по силе влияния Горький стоит за такими титанами, как Пушкин, Гоголь, Толстой, он продолжает их великие традиции. Художественное слово Горького активно воздействовало на судьбы революции, на судьбы русского народа.

Будучи основоположником самой прогрессивной литературы, Горький безусловно влиял на литературу народов России. Горький явился той фигурой, которая оказала решающее влияние и на формирование Г. Кулахметова — художника эпохи первой русской революции.

Горький помог Кулахметову облечь в художественные образы революционные идеи. Кулахметов сам указывает в титульном листе драмы „Молодая жизнь“: „Это произведение написано в подражание известному русскому писателю Максиму Горькому“.

Влияние Горького определило прежде всего идейную направленность произведений Кулахметова. Следуя за Горьким, он также разоблачает капитализм, пошлость мещанско-буржуазной жизни, старается показать обреченность капиталистического строя и выдвигает нового героя из рабочей среды. Более всего заметно влияние на творчество Кулахметова таких произведений Горького, как „Мещане“, „Враги“ и „Мать“. Если в „Мещанах“ Горький дал образ нового человека — Нила, то Кулахметов в „Молодой жизни“ также дал героя из рабочей среды, героя с революционным сознанием. В пьесе „Мещане“ герой Горького Нил заявляет Бессеменову: „В этом доме я тоже хозяин. Я десять лет заработок вам отдавал. Здесь, вот тут, мною немало вложено. Хозяин тот, кто трудится“.

Аналогично рассуждает Юсуф из пьесы „Молодая жизнь“ Гафура Кулахметова:

„Вот в этом кресле есть моя доля. Как есть? А кто же сделал его? Рабочие. А Юсуф кто? Рабочий! В этих деревьях моя доля есть и в земле моя доля есть, в богатстве всего мира моя доля есть“.

Таким образом, Кулахметов, следуя за Горьким, утверждает, что все богатство на земле создано руками рабочих и по праву принадлежит им.

Не безинтересно провести сравнение между образами Ягодина и Левшина из пьесы „Враги“ и Валея из пьесы „Молодая жизнь“.

Можно найти некоторые общие черты и в женских образах Горького и Кулахметова. Образ падшей женщины в пьесе „Молодая жизнь“ напоминает образы Насти и Наташи из пьесы „На дне“. Подобно им, молодая татарская женщина не может найти выход из тяжелого положения.

¹ Газета „Казан мухбире“, 1906 г., № 148.

„Две мысли“ Гафура Кулахметова напоминает памфлет Горького „О сером“, который был опубликован в 1905 году. В этом памфлете Горький показал, что на земле борются две силы — Красная и Черная. Эти аллегорические образы Горького безусловно являлись образцом для Гафура Кулахметова, который в своей пьесе „Две мысли“ также изобразил в аллегорических образах борьбу революционной мысли (Красной) с реакционной (Черной).

Подражание Горькому и изучение его творчества Кулахметовым не снижает оригинальности и ценности произведений Кулахметова. Напротив, это показывает, что он правильно понимал великие революционные идеи и позволяет нам зачислить его в первые ряды творцов татарской революционной литературы и публицистики. Гафур Кулахметов является одним из писателей, отобразившим в татарской художественной литературе классовую борьбу и идеи социализма.

В результате серьезного изучения и творческого освоения литературно-художественного наследия великих русских классиков, и особенно А. М. Горького, дооктябрьская татарская литература породила своих крупных классиков в лице Г. Тукая, Г. Камала, Ш. Камала. Видное место среди них занял и Гафур Кулахметов.

В 1917 году под руководством великой Коммунистической партии народы России завоевали свободу. Трудящиеся татары, с помощью старшего брата — русского народа, строят новую культуру, национальную по форме, социалистическую по содержанию. Важную роль в этом строительстве играет и творческое наследие Гафура Кулахметова.

Э. М. АХУНЗЯНОВ

МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ РУССКИХ СЛОВ, ЗАИМСТВОВАННЫХ В ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК

(ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ)

Слова, заимствованные из одного языка в другой, могут подвергаться изменению со стороны смысловой, фонетической и морфологической. В данном случае морфологическая характеристика слова приобретает особо важное значение ввиду принадлежности русского и татарского языков к разным семьям. „Одной из главных особенностей татарского языка и вообще тюркских языков является агглютинативность, приставочность морфологического построения этих языков. Известно, что всякое изменение формы слов, словообразование и словоизменение в тюркских языках происходит путем прибавления к концу основы или корня, имеющих свое материальное значение, разных частиц, так называемых приставок, не имеющих самостоятельного значения и подчиняющихся гармонии гласных“¹.

Если мы обратим внимание на морфологический строй русского языка, то здесь увидим совершенно иные способы выражения грамматических значений слов. В русском языке, в отличие от татарского, мы найдем, кроме аффиксации, внутреннюю и внешнюю флексию и ряд других способов, несвойственных татарскому языку.

Изучение того, как татарский язык морфологически оформляет заимствованные русские слова, отбрасывает ли отдельные морфологические элементы, переводит ли их или свободно перенимает, может дать много ценного для выяснения внутренних законов его развития.

В огромной массе слов, усвоенных татарским языком из русского, мы найдем слова, относящиеся ко всем частям речи (имена существительные и прилагательные, глаголы, местоимения, наречия, союзы, частицы и пр.). Но подавляющее большинство заимствований составляют имена существительные.

Имя существительное

Говоря о морфологических изменениях заимствованных татарским языком имен существительных, прежде всего необходимо указать на изменение их родовых окончаний.

Относительно имен мужского рода с так называемым нулевым окончанием особого вопроса не возникает. Они усваиваются татарским языком без морфологических изменений, подвергаясь лишь в некоторых случаях фонетическим изменениям, например, *хомут* — *камыт*, *запас* — *запас*, *окоп* — *акуп*, *стаж* — *ыстаж*, *доход* — *дахут*, *стол* — *өстәл*, *склад* — *ыскылат*, *солдат* — *салдат*, *мужик* — *мужик*, *поезд* — *пуез*, *адрес* — *эдрес*, *суд* — *сут*, *шкаф* —

¹ Г. Алпаров. Об агглютинативной особенности татарского языка, „Вестник научного общества татароведения“. В приведенной цитате термины „приставочность“, „приставки“ употреблены в смысле словообразовательных аффиксов.

ыйкаф, донос — данус, завод — завут, набат — набат, закон — закун, фронт — фронт, приказ — приказ¹ и т. п.

В тех случаях, когда имя существительное имеет на конце не-обычное для татарского языка стечение согласных, как, например, в словах **корм, отпуск**, в татарском народном языке происходит надставка звука (**а** или **ы**): **корм — курмы, отпуск — отпускы, банк — банкы, пропуск — пропускы, продукт — продукты, прииск — приискы, розыск — розыска, нерв — нервы**. Сюда же, повидимому, нужно отнести и такие слова, как **задаток, ситец, ботинок**, в кото-рых безударный гласный последнего слога сильно редуцирован. Татары воспринимают эти слоги как стечение двух согласных, и поэтому в подобных словах в татарском языке также появляется надставка **а** или **ы**, реже **э**. Например: **задаток — тат. днал. за-даткы, ситец — тат. ситса, промысел — промысла**.

Надставка не появляется только в тех словах, которые были заимствованы не устным путем, а книжным, т. е. через русскую письменность в более позднее время, например, **агент, курс, ремонт**.

Имена существительные мужского и женского рода, окан-чивающиеся на мягкий согласный, при заимствовании татарским языком морфологическим изменениям не подвергаются и претер-певают лишь фонетические изменения (отверждение согласных и т. п.). Например: русск. **очередь** — тат. **чират, медаль — мидал, пе-чать — пичэт, гармонь — гармун, сажень — сажин, пристань — пристен, деготь — дегет, кисель — кесэл, клеть — келэт, кре-пость — крипыс, кровать — карават, шинель — шинил** и т. д.

Что касается имен существительных, имеющих родовые оконча-ния, выраженные соответствующими морфемами, то возникает вопрос: принимает ли их татарский народный язык с окончаниями источника или же берет только основу, а производное имя образует своими средствами. Исследованный нами материал показывает, что наблю-даются оба случая, причем в решении вопроса определяющее зна-чение имеет ударение.

Имена существительные среднего рода с ударным окончанием, заимствованные через народный язык, сохраняют свое окончание в фонетически измененном виде. Окончание **о** заменяется звуками **а, э**. Сравните русск. **бревно** — тат. **бүрэнэ, ядро — ядрэ**.

Безударное окончание имен существительных среднего рода в словах, заимствованных устным путем через народный язык, исче-зает, сравните: русск. **одеяло** — тат. **адеял**. Имена существительные среднего рода, заимствованные книжным путем, главным образом, в послеоктябрьский период, как правило, сохраняют русское окон-чание независимо от места ударения. Сравните русск. **радио** — тат. **радио, пианино** — тат. **пианино, кресло — кресло, учреждение — учреждение, подразделение — подразделение, бюро — бюро, коман-дование — командование, домино — домино**.

Имена существительные мужского и женского рода с ударным окончанием **а, я** заимствуются в татарский язык вместе с русскими окончаниями, например, русск. **стена** — тат. **ыстина, изба — ызба, дуга — дуга, соха — сука, смола — сумала, нужда — нужа, судья — судья, семья — симиа, борода — буразна**.

Имена существительные женского рода с безударным окончанием **а, я**, заимствованные устным путем через народный язык, главным образом, до Октябрьской революции, в татарском языке теряют свое окончание, сравните: русск. **пара** — тат. **пар, канава — канау, контора — кантур, минута — минут, папироза — папирус, кварти-**

ра — квартир, комната — кэтлит, корзина — кэрзин, рама — рам, гиря — гер || гир, мотыга — матык, манера — манир, солома — са-лам, канцелярия — кэнсэлэр, аптека — эптик, телеграмма — ти-лиграм, конфета — кэнфит, больница — бальнис.

Если же окончанию таких имен существительных предшествует сочетание двух или нескольких согласных основы или лексикализо-ванный суффикс **к**, создающий несвойственное татарскому языку стечение согласных, то окончание сохраняется нередко видоизме-няясь фонетически и создавая разрядку согласных, например: русск. **решетка** — тат. **рэшэткэ, капуста — кэбестэ, фуражка — фуражкы, банка — банкы, перчатка — пирчэткэ, квашня — куашна, пудовка — подаука, пряжка — прэшкэ, махорка — махоркы, лампа — лампы, кнопка — кнопки, лента — ленты, казарма — казармы, почта — пучты, пучка, землянка — зимлэнкэ, сумка — сумкы, закус-ка — закуска, кухня — кухня, бомба — бумбы**.

Имена существительные женского рода с безударным окончанием **а, я**, усвоенные литературным языком не через народный, а книж-ный язык, главным образом после Октябрьской революции, в подав-ляющем большинстве в современном татарском литературном языке употребляются с русскими окончаниями. Сюда относится большая и с каждым днем возрастающая группа имен существительных, обо-значающих социально-политические, научно-технические и общекуль-турные понятия, например, **декларация, политика, партия, рево-люция, демократия, реакция, конференция, информация, операция, энциклопедия, тема, проблема, биография, медицина, биология, температура, география, академия, статистика, беседа, энергия, идилия, тревога, профессия, культивация, компания, комбинация, инициатива, агентура, засада, записка, фамилия, платформа, бухгалтерия, опера, драма, комедия, подписка, жалоба, путевка, скидка, ферма, шахта, домна, дача, плитка, кушетка, афиша, лекция** и т. д.

Основная масса этих заимствований в современном татарском языке употребляется без фонетических и морфологических измене-ний. Этому способствует и современная татарская орфография, не допускающая разнобоя в написании таких общих для русского и татарского языков слов и терминов. Поэтому слова, заимствованные из русского языка в послеоктябрьский период, в татарском литера-турном языке орфографически ничем не отличаются от своих русских прототипов.

Исходя из наблюдений над употреблением заимствованных имен существительных, можно сделать вывод о том, что значительная часть имен существительных, усвоенных еще в дооктябрьский период и утративших в татарском языке свои родовые окончания, под влия-нием современной татарской орфографии начинает все чаще упо-требляться с русскими окончаниями. Теперь вместо прежнего **газит** пишут **газета, тилиграм — телеграмма, фабрик — фабрика, цен-зур — цензура, гэрчис — горчица** и т. п.

Таким образом, отсутствие родовых различий в татарском языке создает несколько типов заимствованных имен существитель-ных, отличающихся друг от друга по характеру изменения родовых окончаний русских имен существительных.

На основании исследованного материала нам удалось установить следующую закономерность изменения родовых окончаний заим-ствованных имен существительных, возникшую в результате приспо-собления их к морфологической структуре татарского языка.

1. Имена существительные мужского рода с нулевой флексией воспринимаются татарским языком не подвергаясь морфологическим

¹ Написание заимствованных слов дано по их произношению в разговорной речи.

изменениям. В тех случаях, когда русское имя существительное имеет на конце необычное для татарского языка стечение согласных, в татарском языке для разрядки согласных появляется надставка звуков *а, ы, ә*; сравните: русск. *нерв* — тат. *нервы, отпуск — отпускы*.

2. Имена существительные мужского и женского рода, оканчивающиеся на мягкий согласный, заимствуются в татарский язык не подвергаясь морфологическим изменениям.

3. Имена существительные среднего рода с ударным окончанием, заимствованные через народный язык, сохраняют свое окончание в фонетически измененном виде, т. е. заменяют русское окончание *о* и *е* звуками *а* и *ә*. Если же окончание безударное, то оно исчезает. Имена существительные, заимствованные письменным путем, главным образом, в послеоктябрьский период, сохраняют русское окончание *о* и *е*, независимо от места ударения.

4. Ударное окончание русских имен существительных мужского и женского рода в татарском языке сохраняется.

5. Имена существительные женского рода с безударным окончанием *а, я*, заимствованные устным путем через народный язык, в татарском языке теряют свое окончание. Если окончанию предшествует сочетание двух или нескольких согласных основы, то окончание сохраняется. Окончание сохраняется также в тех именах существительных, которые были заимствованы в литературный язык книжным путем, главным образом, в послеоктябрьский период. Вместе с заимствованными словами в татарский язык проникло значительное количество русских суффиксов.

Но, как правило, большинство из них употребляется только вместе с теми словами, в состав которых они входят, и не являются самостоятельными морфемами (*ист, ник, чик, щик, ер, изм*), например: русск. *тракторист* — тат. *тракторист, комбайнер — комбайнер, колхозник — колхозник, ударник — ударник* и т. п.

Можно наметить следующие словообразовательные типы названий, обозначающих лиц, которые заимствуются в татарский литературный язык вместе с русскими суффиксами.

Типы названий для обозначения лиц по какому-нибудь предмету или действию, определяющему характер лица, его профессию, ремесло, занятие, посредством суффикса *ник*. Такие слова, как *урядник, стражник, чиновник, десятник, плотник, разбойник, мошенник, физкультурник, ударник, фокусник* употребляются в современном татарском литературном языке с русским суффиксом. Но встречаются наряду с ними и такие заимствования, в которых русский суффикс *ник* заменяется татарским аффиксом *чы, -че*, например: *транспортчы* (ср. русск. транспортник), *дружиначы* (русск. дружинник), *полярчы* (полярник), *нефтьчы* (нефтяник), *сезончы* (сезонник).

Однако совершенно неупотребительными стали теперь некоторые слова, образованные таким комбинированным способом; таковы: *ударчы, физкультурачы*. Теперь говорят только *ударник* и *физкультурник*.

Немало также случаев, когда суффикс *ең* заменяется соответствующими татарскими аффиксами *чы-че, лы-ле*, например: *ленинчы* (ленинец), *сталинчы* (сталинец), *европалы* (европеец).

Образования от именных и глагольно-именных основ с суффиксом *щик* также переходят в татарский язык вместе с русским суффиксом, например: *конторщик, наборщик, бурильщик, прогульщик*.

Точно также те заимствованные слова, которые обозначают лиц по принадлежности к политическому или научному направлению, по сфере деятельности или по какому-нибудь отвлеченному понятию,

в татарском языке постоянно употребляются только с интернациональным суффиксом *ист*: *марксист, социалист, коммунист, оппортунист, тракторист, гимназист, артист, капиталист, империалист*. Очень редко этот суффикс заменяется татарским аффиксом *чы-че*, например: *террорчы* (террорист). Сюда же примыкают заимствованные обозначения лиц по роду деятельности с суффиксом *тор*: *инспектор, директор, композитор, кондуктор, консерватор, оратор*, а также обозначения лиц по какому-нибудь действию, процессу деятельности, выраженному суффиксом *ант, ер*: *экскурсант, дирижер, шахтер, режиссер, партнер*.

Довольно значительно в татарском языке количество заимствованных имен действующих лиц с суффиксом *тель*, который никогда не заменяется татарскими аффиксами, например: *председатель, заседатель, обыватель* и т. п. То же самое следует сказать о существительных с суффиксом *арь*: *писарь, секретарь*; *ир*: *кассир, банкир*; *ат*: *делегат, депутат, аристократ*.

Мы привели далеко не все примеры заимствованных татарским литературным языком русских и интернациональных суффиксов. На самом деле материал гораздо обширнее, чем мы приводим здесь. Количество таких слов, заимствованных вместе с суффиксами, в татарском литературном языке растет с каждым днем.

Многочисленна и группа заимствованных имен существительных с суффиксами со значением предметности. Среди них самым, пожалуй, распространенным является суффикс *изм*, служащий для обозначения отвлеченных понятий, названия учений, общественных, политических и научных направлений: *ленинизм, марксизм, большевизм, коммунизм, дарвинизм, организм, капитализм, интернационализм, центризм, идеализм, материализм, индивидуализм, анархизм, практицизм, деспотизм* и т. п. Для современного татарского литературного языка характерно расширение сферы применения суффикса *ация, изация* с отглагольными именами существительными, обозначающими процесс действия: *кооптация, комбинация, изоляция, конференция, инстанция, позиция, корреспонденция, демонстрация, консультация, лекция, конфискация, реакция, реконструкция, операция, продукция, редакция, резолюция, рекомендация, фальсификация, функция, демобилизация, формация, эксплуатация, квалификация, канализация* и т. п.

Эти суффиксы нередко заменяются татарским аффиксом *лаштыру-лаштерү, лау-лау* например:

коллективлаштыру — коллективизация,
активлаштыру — активизация,
индустриялаштыру — индустриализация,
конкретлаштыру — конкретизация,
механизациялау — механизация.

Часто встречаются параллельные формы и с русским и с татарским аффиксом: *рационализация* и *рационаллаштыру, демократизация* и *демократлаштыру*.

Такой же параллелизм обнаруживается в употреблении слов с русскими суффиксами *ность (ость), ество (ство)*, которые иногда заменяются татарскими аффиксами *лык-лек, чылык-челек*. С одной стороны, в татарский язык вошли слова с русскими суффиксами, как *промышленность, доверенность* и т. п. С другой, — огромное количество заимствований употребляется с татарскими аффиксами, например: *оперативлык* (оперативность), *реальлек* (реальность), *соглашательлек* (соглашательство), *агентлык* (агентство), *гражданлык* (гражданство). В результате этого возникают параллельные формы, употребляющиеся то с русским, то с татарским суффиксом, иногда да-

же в одном и том же произведении. Отглагольные существительные с суффиксами *ние (нье), ение* в татарском языке не изменяются, например: *именье, подразделение, задание*. Объясняется это, повидимому, тем, что в татарском языке нет соответствующего аффикса для передачи русских суффиксов *ние (нье), ение*.

Кроме того, заимствуется очень много слов со значением предмета, вещи, которые употребляются только с русскими или интернациональными суффиксами, таковы: *документ, инструмент, парламент; инг: митинг, блюминг; ив: актив, пассив* и т. п.

Приведенные нами разнообразные и многочисленные заимствования, без сомнения, свидетельствуют о сильном лексическом влиянии русского языка на татарский. Однако, несмотря на такое огромное количество заимствованных имен существительных с их словообразовательными элементами, в татарском языке мы не находим больших морфологических преобразований, происшедших под влиянием русского языка. И. В. Сталин по этому поводу пишет: „Грамматический строй языка изменяется еще более медленно, чем его основной словарный фонд. Выработанный в течение эпох и вошедший в плоть и кровь языка, грамматический строй изменяется еще медленнее, чем основной словарный фонд“¹.

Укажем на отдельные морфологические черты русского языка, которые начинают усваиваться татарским языком.

Бесспорно русским влиянием нужно считать появившееся в последнее время в литературном языке различие рода в именах существительных, обозначающих профессию и т. д.: *артист — артистка, ударник — ударница, комсомол — комсомолка, сторож — сторожиха, квартирант — квартирантка*. Для иллюстрации приведем примеры:

Жилфер-жилфер итмәсә,
Жилләр алып китмәсә,
Эшкә батыр, төскә матур,
Ударница житмәсә.

(Песня.)

Аның урынына 20—22 яшьләрдә матур фигуралы артистка килеп басты. (Ф. Амирханов, Избр. пр., Т., 1941 г., стр. 125.)

Гайшә, Сәгыйтьнең кызы, 17 яшендә, гимназистка. (Г. Камал, Избр. пр., Т. I, 1942 г.)

Нәгимә — сторожиха. (Ш. Камал, Избр. пр., Т., 1938 г., стр. 626.)

Сюда же нужно отнести названия лиц женского пола, которые обозначают женщин по профессии, не свойственной лицам мужского пола (*нянька, кухарка*) или по общественному и семейному положению, кругу занятий, или по каким-нибудь признакам или свойствам: *брюнетка, блондинка* и т. п. Проиллюстрируем это примерами, взятыми из произведений татарских писателей:

Кухарка — тат. *кухарка*:

Бу шәһәрнең русча аз-маз торган хатыннары һәм кызларының ыргысы дип әйтерлек руста, еврейдә кухарка булып хезмәт итәләр. (М. Гафури, Избр. пр., Т., 1939 г., стр. 275.)

Нянька — тат. *нянька*:

Анда берәр кәнтәй балаласа,
Махсус нянька тәгаен ителә,
Әмма эшче хатынның баласы
Күп вакытта ачлыктан үлә.

(М. Гафури, Избр. пр., Т., 1939 г., стр. 181.)

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, 1950, 25 стр.

Курсистка — тат. *курсистка*: Зөһрә — *курсистка*, 19 яшендә. (Ф. Амирханов, Избр. пр., Т., 1941 г., стр. 312.). Интеллигент студентлар, *курсистка* һәм халык. (Г. Камал, Избр. пр., Т., 1942 г., стр. 108.)

Тетя — тат. *тута (түтәй)*: Чэй эчкән арада тутасы әнкәйләрнен ничек үлгәнән... сөйләп утыра. (Ш. Камал, Избр. пр., Т., 1938 г., стр. 125.)

Брюнетка — тат. *брюнетка*: Мостафа тагы альбомны ала да һәм... яшь *брюнетка* кызың рәсменә туктый. (Ф. Амирханов, Избр. пр., Т., 1941 г. стр. 132.). Зәйнәп — Хәсәннең кызы, *брюнетка*, йомшак табигатьле. (Там же, стр. 312.)

Другим интересным фактом в этом отношении являются общеупотребительные у татар женские фамилии: *Сулейманова, Ибрагимова, Галимова* и т. д.

Имя прилагательное

Как известно, категория имени прилагательного грамматически более оформлена и ярче выражена в славянских языках, в особенности в русском языке. Что касается тюркских языков вообще и татарского в частности, то в них имена прилагательные, сравнительно с именами прилагательными славянских языков, представляют собой весьма своеобразную грамматическую категорию, отличительной особенностью которой является отсутствие морфологической дифференциации между именем существительным, как названием субстанции, и именем прилагательным, как обозначением качественности.

В татарском языке обычно одно и то же слово в предложении без всякого изменения может употребляться и в значении существительного, и в значении прилагательного.

Выделение имен прилагательных как самостоятельной части речи — явление позднее и в русском языке.

Понятие о качественности, выражающее более глубокое проникновение во внутреннюю природу действительности, могло возникнуть лишь в тот период, когда в сознании выработалась абстрагированная классификация предметов, обобщение их признаков отвлеченно от их предметного значения. Только с этого момента это понятие получило свое грамматическое выражение. „В истории языков, различающих название вещи и признаков (а не все это делают), прилагательное, как выделенное из связи признаков, как более отвлеченное, чем существительное, позднее существительного и оторвалось от него. Поэтому различие между существительным и прилагательным не исконно. Прилагательные возникли из существительных, т. е. было время, оставившее в разных индоевропейских языках более или менее явственные следы и данные, когда свойство мыслилось только конкретно, только как вещь“¹.

Таковыми остатками употребления имен существительных в качестве атрибута в русском языке считаются так называемые приложения типа *ухарь-купец, бэй-баба, жар-птица, горе-писатель* и пр. Такой способ соположения имен есть одна из древних форм выражения атрибутивности в русском языке, который очень напоминает современный способ выражения атрибутивности в татарском языке. Разумеется также, что древнее имя, обозначающее одновременно и предмет, и качество, не было окончательно дифференцировано, т. е. оно еще не было в полном смысле обозначением ни предмета, ни качества. „Существительное, будучи названием определенной субстанции, было в то же время качественнее, чем ныне“². Этим и

¹ А. И. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. III, стр. 73 (86).

² Там же, стр. 43.

объясняется наличие в древнерусском языке форм сравнительной степени от имен существительных: *бережѣе, скотѣе, зверѣе* и пр.

„Путь от существительного к прилагательным есть атрибутивное употребление существительного“¹, — заметил А. И. Потебня. С течением времени в процессе атрибутивного употребления существительных в русском языке морфологически обособилась категория имен прилагательных с особым склонением и аффиксами, явственное обозначились синтаксические признаки прилагательного, выражающиеся в согласованности его с именем существительным.

В современном татарском языке имена прилагательные, в основном, сохранили то архаическое состояние, которое предшествовало дифференциации имен на существительные и прилагательные.

Морфологически в татарском языке имена, выражающие атрибутивность, ничем не отличаются от имен, выражающих предметность. Сравните: *коры агац* означает *сухое дерево*: *коры* — *сухое*, *агац* — *дерево*; *агац көрәк* означает *деревянная лопата* (буквально „дерево лопата“); *таш өй* — *каменный дом* (буквально „камень дом“); слово *таш* здесь употреблено в значении имени прилагательного, а в выражении *таш арасында* то же слово употребляется в значении имени существительного. Все это говорит о том, что формальное разграничение между существительным и прилагательным в татарском языке проведено весьма слабо. В этом отношении татарский язык сходен с другими тюркскими языками, в частности с башкирским.

Член-корреспондент Академии наук СССР, профессор Н. К. Дмитриев пишет: „С точки зрения морфологии в башкирском языке (как и в других тюркских языках) нельзя провести твердой границы между существительными и прилагательными. Нельзя ее провести и в сфере синтаксиса, поскольку синтаксические функции существительных и прилагательных часто совпадают. Хотя переход существительных в прилагательные и обратно есть явление обычное для языков, но в тюркских языках эти переходы совершаются особенно легко. Формальное разграничение между существительными и прилагательными намечено здесь весьма слабо. Так, между словами *таш* (камень) и *йәш* (молодой) никакой морфологической разницы нет; нет ее и между такими словами, как *бал* (мед) и *ал* (розовый, светлый)“².

Далее проф. Н. К. Дмитриев пишет, „что каждое башкирское существительное, стоя в определенном контексте, может выполнять синтаксическую функцию прилагательных (например, слово *карт* в выражении: *карт кеше* — *старый человек*, а в выражении: *карт килде* — *старик пришел*). Таким образом, существительное и прилагательное в тюркских языках представляет своего рода единую недифференцированную категорию. При квалификации каждого отдельного слова следует исходить из его семантики или смыслового содержания“³.

Сказанное в одинаковой степени относится и к татарскому языку. Так же, как и в башкирском языке, значительная часть татарских прилагательных может выполнять функцию существительного, прилагательного и наречия. Например; в функции наречия качественные прилагательные могут выступать, употребляясь в качестве глагольного определителя. Сравните: *матур кыз* (красивая девушка), *матур яза* (красиво пишет); *яхшы кеше* (хороший человек), *яхшы укый* (хорошо читает, учится).

¹ А. И. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. III, стр. 73 (86).

² Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, М.-Л., 1918 г., стр. 80.

³ Н. К. Дмитриев, там же стр. 81.

Таким образом, одно и то же слово, в зависимости от контекста, может быть и прилагательным, и существительным, и наречием.

При заимствовании русских имен прилагательных в татарский язык характерным для народного языка является его безразличие к родовой форме заимствованных прилагательных. Обычно русские прилагательные перенимаются в татарский язык только в форме мужского рода и в других родах не употребляются. Приведем примеры: русск. *главный* — тат. диалект. *галауный*, *простой* — *прастуй*, *грамотный* — *грамытный*, *советский* — *советский* и т. д.

Что касается прилагательных, которые заимствуются из русского языка в татарский литературный язык, то они по характеру морфологических изменений, которым подвергаются в литературном языке, могут быть разделены на следующие четыре группы.

1. Первую группу составляют те прилагательные, которые заимствуются в форме основы, состоящей из корня и непосредственно следующего за ним суффикса, с отбрасыванием последующих русских суффиксов и окончаний:

активный, ая, ое — *актив*,
актуальный, ая, ое — *актуаль*,
абсолютный, ая, ое — *абсолют*,
конкретный, ая, ое — *конкрет*,
пролетарский, ая, ое — *пролетар*,
принципиальный, ая, ое — *принципиаль*,
материальный, ая, ое — *материаль*,
индустриальный, ая, ое — *индустриаль*,
музыкальный, ая, ое — *музыкаль*.

Вот несколько примеров для иллюстрации:

... тормышның нормаль эздән чыгу нәтижәсендә дип уйлыйм.
(Ш. Камал, Избр. пр., (на тат. яз.), Татгосиздат, 1938 г., стр. 653.)

Абсолютный — тат. абсолют: Матурлыкны абсолют әйбер булмагандыгын тагын да ачыграк күрә башладым. (Там же, стр. 51.)

К этой же категории, повидимому, примыкает татарское *курнус* от русского *курносый*: Ә хмәтжан: Кичә генә „курнус Асма“ дип йөриләр иде, әле хәзер, бүген бикә дә булып житкән. (Г. Камал, Избр. пр., Т., 1942 г., стр. 81.)

2. Вторую группу составляют те прилагательные, которые также заимствуются в форме усеченной основы, но последний звук усеченной основы *ч* меняется на *к*:

коммунистический, ая, ое — *коммунистик*,
социалистический, ая, ое — *социалистик*,
аналогичный, ая, ое — *аналогик*,
педагогический, ая, ое — *педагогик*,
политический, ая, ое — *политик*,
практический, ая, ое — *практик*,
идеологический, ая, ое — *идеологик*,
теоретический, ая, ое — *теоретик* и т. д.

3. Третью группу составляют те прилагательные, при заимствовании которых русские аффиксы заменяются соответствующими татарскими аффиксами. Например, *лый*, *ливый*, *истый*, *ной*, *ный* заменяются татарским аффиксом *лы*:

талантливый, ая, ое — *талантлы*,
эффективный, ая, ое — *эффектлы*,
азотистый, ая, ое — *азотлы*,
спиртной, ая, ое — *спиртлы*,
культурный, ая, ое — *культуралы*,
партийный, ая, ое — *партиялы*,

4. Наконец, последнюю и незначительную группу образуют при-

лагательные, которые заимствуются вместе с русскими окончаниями, чаще всего в мужском роде или в том же роде, в каком стоит существительное, в сочетании с которым заимствуется прилагательное. Среди этой группы имеются как качественные, так и относительные прилагательные. Верховный Совет, актовый зал.

Немало случаев, когда русские прилагательные заимствуются и употребляются в сочетании с именем существительным и сохраняют соответствующий род. Примеры:

Учительская школа — тат. учительская школа: Эхмэт — учительская школа тэмам итеп, хэзер аттестатка хэзерлэнүче (Ф. Амирханов, Избр. пр., Т., 1941 г., стр. 312.)

Нужно заметить, что употребление заимствованных из русского языка имен прилагательных в татарском языке идет стихийно, без достаточного теоретического анализа этих фактов. Поэтому считаем, что настало время систематизировать этот материал и разработать теоретические принципы и практические правила употребления и правописания этих прилагательных.

Можно сделать вывод, что в настоящее время в татарском языке под воздействием русского языка создается особая категория морфологически дифференцированных имен прилагательных. Эти имена прилагательные, заимствованные с русскими суффиксами, в татарском языке могут выполнять только атрибутивную функцию.

В татарском языке употребляется значительное количество субстантивированных прилагательных, заимствованных из русского языка, типа „парикмахерская, мастерская“ и т. д. Эти субстантивированные прилагательные в настоящее время употребляются чаще всего в мужском роде, как *мастерской, пирожный, морожрый* и т. д. Но в последнее время в учебных пособиях, например, в орфографическом словаре татарского языка¹, такие слова, как *мороженое, шампанское*, рекомендуется писать в среднем роде, а *пирожное* рекомендуют писать в мужском роде (пирожный).

Таким образом, здесь царит еще разноречие. Непонятно, почему совершенно одинаковые слова, заимствованные в одно и то же время, рекомендуется писать и произносить по-разному. Все эти вопросы требуют безотлагательного решения с учетом того, как осваиваются в татарском языке русские заимствования.

Заканчивая на этом далеко не полную морфологическую характеристику русских имен существительных и прилагательных, заимствованных в татарский язык, укажем на то, что морфологическое освоение русских слов, перешедших в татарский язык, до сих пор специально не изучалось, хотя эти факты относятся к числу самых интересных во всей проблеме.

В этой новой для теоретического анализа области межязыковых взаимоотношений мы наметили лишь самые общие категории и попытались типизировать те явления, которые поддаются учету при современном состоянии собранного нами материала. Тем не менее полагаем, что этот материал послужит стимулом для более глубокой проработки столь мало исследованной области.

¹ Орфографический словарь татарского литературного языка, Казань, 1948 г.

Л. Т. МАХМУТОВА

ОПИСАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ КАСИМОВСКОГО ГОВОРА ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Грамматические особенности касимовского говора¹ татарского языка, несмотря на то, что они представляют значительный интерес для татарской диалектологии и истории татарского языка, в тюркологической литературе до сих пор еще не освещались.

В данной работе, насколько позволят имеющиеся в нашем распоряжении материалы по касимовскому говору, мы попытаемся дать обзор его грамматических особенностей.

1. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Морфологические особенности касимовского говора, отличающие его от литературного языка, наблюдаются, в основном, в употреблении имен существительных, местоимений и некоторых глагольных образований. Что же касается других частей речи, то они отличаются от соответствующих литературных форм лишь своим звуковым оформлением².

Имена существительные

Употребление имен существительных в касимовском говоре характеризуется следующими двумя особенностями: 1) наличием заимствованных из русского языка уменьшительно-ласкательных суффиксов и 2) сохранением гораздо большего числа старых отглагольных форм на *-ма*.

1. В касимовском говоре, наряду с употреблением общетатарского уменьшительно-ласкательного аффикса *-кай, -кэй* (в говоре *-'ај, -'эй*), широко распространен заимствованный из русского языка уменьшительно-ласкательный суффикс *-ушк* и его усеченный вариант *-уш*, например: *Са'адушка — Са'адијэ, Алијушка — Алијэ, Сафијушка — Сафијэ, Алијуш — Алијэ* и т. д.

¹ Касимовский говор татарского языка распространен на территории Касимовского р-на, Рязанской области. На основе изучения этого говора мы пришли к выводу, что он относится к среднему диалекту татарского языка, хотя и был подвержен влиянию западного (мишарского) диалекта.

² См. нашу статью: Фонетические особенности касимовского говора. „Диалектологический сборник“, Казань, 1955 г.

Кроме того, в этом говоре употребляются заимствованные из русского языка суффиксы *-ок*, *-ёк*, которые видоизменились в нем в *-у'*, *-ү'*, например, *Наилу'* — *Наилэ*, *Пату'* — *Фатыйма*, *Шар'у'* — *Шарафутдин* и т. д.

2. В татарском литературном языке, хотя и употребляются исконно-тюркские отглагольные образования на *-ма*, как *койма* — *забор*, *ярма* — *крупа*, *тартма* — *ящик* и др., но до последнего времени их было сравнительно мало. Лишь в последние годы в татарском языке аффикс *-ма* значительно активизировался и вошел в состав ряда новых слов и терминов, например, *курсатма* — *указание*, *билгеләмә* — *определение*, *күргәзмә* — *выставка*, *кулъязма* — *рукопись* и др. В касимовском говоре, особенно в речи представителей старшего поколения, подобных образований сохранилось значительно больше. Например, *ашамә* — *пища*, *еда*, вместо литературного *аш*, *азык*; *атламә* — *обрядовое блюдо* у касимовских татар; *жыламә* — *плач*, (литературное — *жылау*), *утырмә* — *сиденье*, *сидеть* (литературное — *утыру*). Эта форма встречается и в пословицах, например, *май атламә* — *жанчы'мә*, *тирмин тартмә* — *ут жотмә* — сбивание масла (равносильно) лишению жизни, *молотьба на мельнице*¹ (равносильна) глотанию огня.

3. К числу особенностей говора, носящих фонетико-морфологический характер, нужно отнести своеобразные окончания косвенных падежей имен, которые отличаются от соответствующих форм литературного языка. Вместо окончания родительного падежа литературного языка *-нын*, *-нең* в говоре употребляются *-нын*, *-нэн*; вместо окончания дательного падежа *-га*, *-ка*, *-гә*, *-кә* — в говоре *-а*, *-и*; вместо окончания местного падежа *-да*, *-та*, *-дә*, *-тә* — в говоре *-да*, *-та*, *-ди*, *-ти*; окончанию исходного падежа *-дан*, *-тан*, *-дән*, *-тән* — в говоре соответствует *-дан*, *-тан*, *-дин*, *-тин*.

Примеры на слова с твердой основой:

- Р. литер. алманың — в говоре алманын.
Д. литер. алмага — в говоре алма'а.
М. литер. алмада — в говоре алмада.
И. литер. алмадан — в говоре алмадан.

На слова с мягкой основой:

- Р. литер. телнең — в говоре телнэн.
Д. литер. телгә — в говоре тел'и.
М. литер. телдә — в говоре телди.
И. литер. телдән — в говоре телдин.

Эти различия в падежных окончаниях объясняются тем, что в касимовском говоре звук *ң* заменяется звуком *н*, заднеязычные *к*, *г* заменяются гортанным смычным звуком, условно обозначаемым нами знаком *'*, а гласный *ә* — звуком *и*².

Местоимения

Характерными особенностями касимовского говора в употреблении местоимений являются:

1. Наличие, кроме известных литературному языку указательных местоимений *бу*, *шул* — *этот*; *ул*, *теге* — *тот*, указательного местоимения *ошто*³, которое имеет более конкретное значение, чем

¹ Имеется в виду ручная мельница.

² Подробнее об этом см. в указ. статье „Фонетические особенности касимовского говора“.

³ Отсюда образовано наречие *оштонда* — *здесь*.

первые четыре, а именно — „этот“, „этот самый“, „вот этот самый“. Например: *Ошто жырди*. — На этом (самом) месте. *Ошто жортта торабыз*. — Мы живем в этом (самом) доме. *Ул тора ошто авылда*. — Он живет на этой улице. *Ошто эшэдин сора'ын*. — Вот у этого человека спроси..

Местоимение *ошто* очень близко по своему значению к башкирскому указательному местоимению *ошо*¹ и, повидимому, его возникновение нужно отнести к той эпохе, когда местоимения указывали не на предметы вообще, а на конкретные предметы.

2. Касимовский говор от литературного языка отличается особыми, несвойственными последнему, окончаниями дательного падежа личных местоимений I и II лица единственного числа. Вместо литературного *миңа* — *мне*, *сиңа* — *тебе* в говоре употребляются формы *ма'а*, *са'а*. Эти формы возникли, повидимому, из: *мин + га* > *ми + га* > *ма + га* > *ма'а*. Приведем примеры:

Ма'а танда'а базар'а барма'а ири. — Мне завтра надо пойти на базар. *Ул са'а илми?* — Он (разве) не приходит к тебе? *Ул би' ма'а булыша (жәрәм' ити)*. — Он очень помогает мне. *Ма'а иллэ биш жәш*. — Мне 55 лет.

Городская молодежь формы *ма'а*, *са'а* произносит как *мага*, *сага*, заменяя в них характерный для касимовского говора гортанный смычный звук (—) соответствующим ему в литературном языке звуком *г*.

Формы *мага* и *сага* употребляются и в других тюркских языках: кумыкском², диалектах ногайского языка³, в киргизском языке и в диалектах хакасского языка⁴.

3. Необходимо отметить употребление в касимовском говоре местоимения *үзнә'эбэз* — *наше*, *свое*, вместо литературного *үзбөз*. Форма *үзнә'эбэз* произошла из литературной формы *үзбөз* в результате перестановки аффиксов *-неке* и *-без*, т. е. *үз + ебез + неке* > *үз + неке + без* > *үз + нә'э + бэз*. Приведем некоторые примеры на употребление этого местоимения в говоре: *Бэз синә үзнә'эбэз дин сана'быз*. (П.)⁵ — Мы считаем тебя за своего (за близкого). *Жәп үзнә'эбэз ди бар ијә*. (П.) — Нитки (у нас) и свои были. *Алы'ын-алы'ын, үзнә'эбэз бит ул*. (Д.) — Бери-бери, ведь, это наше, собственное.

Наречия

Наречие *үзгә* — по-своему в касимовском говоре звучит как *үзәнчылата*, *үзчәлити*, например: *үзәнчылата эшлиј*. (П.) — Делает по-своему. *Үзчәлити ди би' начар у'ыжмын*. (Кушн.) — И по-своему читаю очень плохо.

Глагол

Инфинитив

В касимовском говоре, в отличие от литературного языка, инфинитив на *-ырга*, *-ергә*, отсутствует. Вместо него употребляется совпадающий с ним полностью по значению инфинитив на *-ма'а*, *-ми'и*, например, *алма'а* — „взять“, „чтобы взять“; *илми'и* — „притти“,

¹ Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, М.-Л., 1948, стр. 98.

² Н. К. Дмитриев, Грамматика кумыкского языка, М.-Л., 1940, стр. 76—77.

³ Н. А. Баскаков, Ногайский язык и его диалекты, М.-Л., 1940, стр. 74.

⁴ Н. Ф. Катов, Опыт исследования урянхайского языка, Казань, 1903, табл. VII к § 49, стр. 314—321.

⁵ В скобках даются сокращения названий населенных пунктов (полностью — в конце статьи).

„чтобы притти“. Инфинитив на *-ма'а*, *-ми'и* может рассматриваться, как имя действия на *-ма*, *-ми* + аффикс дательного-направительного падежа. Например, *анда барма'а би' усал*. (П.) — Туда итти очень трудно. *Сал'он сов эсми'и жарамай*. (П.) — Нельзя пить холодную воду. *Амайда'ы-мамайда'ыны¹ эзлими'и 'ил'ин*. (Б.) — Приехала искать то, что было во времена Мамаю (т. е. в далеком прошлом). *Урэшми'и ди 'илмидин*. (Т.) — Ты даже попрощаться не пришла. *Пачунушканы эжэртлип ја'шы ашама'а*. (А.) — Хорошо грызть подсолнух в жареном виде. *Ис'орон сыжырни алма'а барыбыз*. (Ц.) — Вечерком пойдем корову встречать. *Нот'а атыннар сыжы сатма'а баралар*. (М.) — Женщины идут на луга, чтобы подонть коров.

Во всех приведенных примерах без ущерба для смысла можно сказать: *барырга*, *эжэргэ*, *эзлэргэ* и т. д.

Инфинитив на *-ма'а*, *-ми'и* так же, как и соответствующий ему в литературном языке инфинитив на *-ырга*, *-ергэ*, часто употребляется в сочетании со словом *'ири* (литер. *кирек*) — „надо“, „нужно“, „необходимо“. Например: *Куп'а сов салма'а 'ири*. (Т.) — Нужно налить воды в умывальник. *'Азларны да 'ошын 'итэрми'и 'ири*. (Т.) — Надо и гусей пригнать. *Бэ'чи жыл сајын алма бирэр идэ, тул'кы аны питать итми'и 'ири*. (Т.) — Сад ежегодно давал бы (урожай) яблок, только нужно вносить удобрения. *Һэзэр ишэ'нэ эжапма'а 'ири*. (М.) — Сейчас нужно закрыть дверь.

Форма *бармага* — „итти“ до начала XX века бытовала в литературном языке как активная форма. В настоящее время эта форма употребляется за пределами литературного языка, в заказанском говоре среднего диалекта². Этот же тип инфинитива характерен для нукратского и свердловско-молотовского говоров того же диалекта³.

Второй тип инфинитива — с аффиксом *-у*, *-ү* в касимовском говоре употребляется сравнительно редко и, в отличие от литератур. языка, обладает здесь именными свойствами в большей степени, чем глагольные. В предложении он чаще выступает в качестве прямого или косвенного дополнения. Приведем примеры: *Синэн 'илүвэни би' 'овандым*. (Б.) — Я очень обрадовалась твоему приходу. *Ул уков'а ја'шы*. (Кушн.) — Он способен к учебе (он учится хорошо). *Мин тул'кы 'эчри'эни 'оз ијэм: бал ашама'а 'илдэм сзэ'и, шунда иштэм шул эжырлашны*. (Каз.) — Я была только маленькой девочкой: пришла к вам на мед⁴, там слышала эту песню.

Употребление показателя настоящего времени *-ај* вместо литературного *-ый* и аффикса отрицания *-май*, вместо литературного *-мый*.

В отличие от литературного языка в касимовском говоре показателю настоящего времени *-ый* в глаголах с основой на *-а* (*кара* + *у* — „смотреть“, *ела* + *у* — „плакать“) соответствует *-ај*. Например:

1. литер.	сор-ый-мын	—	в говоре	сор-ај-мын.
2. „	сор-ый-сын	—	„	сор-ај-сын.
3. „	сор-ый	—	„	сор-ај.
1. „	сор-ый-быз	—	„	сор-ај-быз.
2. „	сор-ый-сыз	—	„	сор-ај-сыз.
3. „	сор-ый-лар	—	„	сор-ај-лар.

¹ *Амайда'ы-мамайда'ы* — парное слово.

² Л. Залая, К вопросу о происхождении татар Поволжья (по материалам языка) См. сб. „Происхождение казанских татар“, Казань, 1948 г., стр. 83.

³ Л. Залая, Татарская диалектология (на тат. яз.), Казань, 1947, стр. 36, 121. В этой работе автор свердловско-молотовский говор, под названием языка уральских татар, относит к восточному диалекту.

⁴ Речь идет здесь о свадебном обрядовом блюде, которое у касимовских татар наз. „бал ашама'а“, дословно: есть мед.

Замена дифтонга *-ый* дифтонгом *-ај* в касимовском говоре происходит также в аффиксе отрицания: вместо литературного *-мый* употребляется аффикс *-май*. Например:

1. литер.	сор-а-мый-мын	—	в говоре	сор-а-мај-мын.
2. „	сор-а-мый-сын	—	„	сор-а-мај-сын.
3. „	сор-а-мый	—	„	сор-а-мај.

Только что рассмотренная нами особенность касимовского говора носит фонетико-морфологический характер и объясняется тем, что дифтонг *-ый* в конце слов в касимовском говоре не употребляется.

Употребление конструкций с глаголом *'элиј*.

Характерной особенностью касимовского говора нужно считать употребление отглагольного имени на *-ы*, *-э* в сочетании с глаголом *'элиј* (в знач. литературного *-сы килэ*). Этот оборот выражает желание того или иного лица совершить действие, идею которого содержит отглагольное имя, и соответствует русскому обороту „мне хочется сделать то-то“. Лицо, которому „хочется“ совершить то или иное действие, выражается посредством аффикса принадлежности, присоединяемого к отглагольному имени, например, *бар'ым 'элиј* — мне хочется пойти.

Кроме того, для указания на действующее лицо перед отглагольным именем может быть поставлено личное местоимение в родительном падеже. Например: *Эс' эсэ' элиј || аны эс' эсэ' элиј*. — Ему хочется пить. *Аша'ым 'элиј || минэм аша'ым 'элиј*. — Мне хочется есть. *Книганы ал'ын 'элиј || книганы синэн ал'ын 'элиј*. — Тебе хочется взять книгу.

Наличием оборота *-ы, -э 'элиј* касимовский говор не стоит особняком среди других говоров и диалектов татарского языка. Оборот *-гы, -ге кели*, который является лишь фонетическим вариантом касимовского *-ы, -э 'элиј*, представляет одну из особенностей западного (мишарского) диалекта татарского языка, башкирского², ногайского³ и узбекского языков⁴.

В касимовском говоре глагол *'элиј* употребляется также в сочетании с инфинитивом на *-ма'а*, *-ми'и*, например, *барма'а 'элиј* — хочет пойти. Этот тип конструкции с глаголом *'элиј* соответствует литературному *-макчы булу* (*язмакчы булам*) и отличается от предшествующего типа по двум следующим признакам: 1) это не безличный оборот, а в нем имеется налицо подлежащее, 2) если в первом типе речь идет о желании (сделать что-нибудь), вытекающем из внутренних побуждений (мне хочется сделать то-то), то во втором — о желании (сделать что-нибудь), возникшем как результат собственных размышлений или в результате воздействия окружающей среды (я хочу || думаю || намерен сделать то-то). Например: *Ул ма'а тэни'эн 'илми'и 'элиј идэ, ни'тэр 'илмидэ*. (А.) — Он вчера хотел притти ко мне, (но) почему-то не пришел. *Малы'а нивыл тэ'тэрми'и 'элиј идэ'эз?* — Что Вы хотели сшить мальчику? *Ул эжаз'ан 'илми'и 'энип*⁵. (П.) — Он написал, что хочет приехать. *Һат эжазма'а 'элимэн*. (Б.) — Я хочу (я думаю) написать письмо.

Второй тип конструкции с глаголом *'элиј*, повидимому, является калькой с русского „я хочу написать“, „я хочу пойти“ и т. д.

¹ Касимовское *'элиј* < *кели* представляет собой фонетическое видоизменение литературной формы *тели* — „желает“.

² Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, стр. 177.

³ Н. А. Баскаков, Ногайский язык и его диалекты, стр. 114.

⁴ А. Н. Кононов, Грамматика узбекского языка, Ташкент, 1948 стр. 198.

⁵ *'энип* < *'элип*.

Употребление формы на *-мыш* в сочетании со словами *бар*, *ју* || *жу*

В селах т. н. „а“ *эјмә*¹, или „Дүрт сала“¹ активно употребляется форма на *-мыш* в сочетании со словами *бар* — „есть“, *ју* || *жу* — „не“, „нет“, выражающая действие в неопределенно-прошлом времени. По своему значению эта форма соответствует формам литературного языка на *-ган*, употребляющимся в сочетании с теми же словами *бар*, юк. Например: *Алмышым бар идэ* (Б.) — вместо литературного *алганым бар иде* — я брал когда-то. *Аны үрмәшэн бар?* (Ц.) — литер. *аны күргәнең бармы?* — ты его (когда-нибудь) видел? *‘Ала’а бармышым бар* (П.) — литер. (мин) *шәһәргә барганым бар*. — Я бывал в городе. Иногда форма на *-мыш* употребляется в сочетании с глаголом *бул* — „быть“, „становиться“ в повелительном наклонении. Например, *Жинәннә өтөрмөш булма’ын бола!* (П.) — не засучивай (не смей засучивать) так рукава!

Об употреблении формы на *-ан*, *-ин* в 3 лице единственного числа в сочетании со словами *бар*, *ју* || *жу*

Характерной особенностью касимовского говора является то, что глагол 3 лица единственного числа прошедше-настоящего времени изъявительного наклонения на *-ан*, *-ин* в сочетании со словами *бар* — „есть“, *ју* || *жу* — „не“, „нет“ употребляется без аффикса принадлежности. Например, *бэзнэн һат жит’ин жу* (П.) — наше письмо еще не дошло. Здесь мы имеем сочетание *жит’ин жу*, вместо литер. *житкәне юк*. *Мәһфузә тор’ан жу?* (Ц.) — Махфуза еще не вставала? *Пэт’ин жу* и *бэзнэн эјбэз*. (Кас.) — Наш дом еще не был (тогда) закончен. *Ул ‘ил’ин жу*. (Кушн.) — Он еще не приходил.

Будущее категорическое время на *-ачак*

В касимовском говоре, как и в западном (мишарском) диалекте, вместо будущего категорического времени литературного языка на *-ачак* (*барачак*, *киләчәк*), употребляется причастное образование на *-ыр*, *-эр*, например, *барыр* — он пойдет, *илэр* — он придет и т. д.

Повелительное наклонение 2-го лица единственного числа

Во всех языках тюркской системы 2-е лицо единственного числа повелительного наклонения совпадает с основой глагола. Например, в татарском литературном языке имеем: *ал* — возьми, *кит* — уходи, *башла* — начинай и т. д.

В касимовском говоре, наряду с указанной формой глагола повелительного наклонения, до сих пор сохраняется старая форма повелительного наклонения с аффиксом *-гын*, *-ген*², которая звучит в говоре, как *-ын*, *-эн* (после гласных основ) и *-ы’ын*, *-э’эн* (после согласных основ). Аффикс этот безударный.

Между двумя параллельно существующими формами повелительного наклонения имеется некоторое семантическое различие: форма *алы’ын*, в отличие от формы *ал*, передает более категорический

¹ Сюда входят четыре больших села: Болотцы (Жауабаш), Подлипки (Шырын), Царицыно (Бијәм-сала), Тарбаево (Татарбай) и две маленькие деревни: Кульчуково (‘Олчо’), Барамыково (Барамы).

² Ср. в узбекском языке: А. Н. Кононов, Грамматика узбекского языка, Ташкент, 1948., стр. 161.

оттенок приказа, повеления, настойчивую просьбу. Например: *Савытны арт’а’итәрә’эн!* (П.) — Посуду верни назад! *Тизәри’ булы’ын!* (Б.) — Поторопись! *Син’итә’эн!* (П.) — Ты уходи! *Ол’ајтыбра’ бирә’эн, ма’а да жарар!* (Б.) — Разноси немного, (тогда) и мне будут годны! (дословно: увеличив немного, дай...). *Ул ча’та шулај әйтә’эн ди!* (Кушн.) — В таком случае, так и говори! *Жишми’эни торо’он!* (Ц.) — Молчи! *Эшәнэн мазасын’итирми’эн!* (П.) — Не беспокой человека!

В татарском литературном языке 2-е лицо единственного числа повелительного наклонения с аффиксом *-гыл*, *-гел* (лсн) употреблялось вплоть до начала XX века, а в восточном диалекте¹ и некоторых говорах западного (мишарского) диалекта татарского языка эта форма употребляется до сих пор.

II. НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ ИЗ ОБЛАСТИ СИНТАКСИСА

Простое предложение

Как известно, сложное предложение в языке — явление относительно позднее. Наиболее ранней синтаксической категорией были простые предложения. Это бесспорное положение подтверждается и материалами касимовского говора. Для иллюстрации приведем рассказ пожилой женщины, записанный нами в деревне Казаково.

Идинди дүрт илили’ чәр’элир буладыр ијә. Тәбәнә’ эңи эскәмијә-лир. Имтиһан буладыр ијә. Бај’ озларына ја’шыра’ арајлар ијә. Әлиринди у’ыталар ијә. У’ытучы’а түлиир ијә. Бәлмиси ди бајны’ы бәлидер ијә. Шул кијә у’ыј ијә’.

Перевод: На полу бывал (войлочный) ковер (толщиной) в четыре пальца. Низенькие скамейки. Бывали (устраивались) экзамены (нам). К дочерям богачей относились лучше. (Их) учили на дому. Учителю платили. Если и не знала (дочь) богача, (все равно) „знала“. Так мы учились.

Как видим, весь небольшой рассказ женщины состоит из коротких простых предложений.

Иногда простое предложение осложняется введением деепричастных оборотов на *-ап*, *-ып*, *-эп*. Например: *Жулап’а саламнар чап’алап, тоз бәлин, он бәлин бол’ап атлар ашталар*. (Кас.) — Нарезав в колоду солому, посыпав (ее) солью и мукой, кормят лошадей. *Татар’ атыннары калпа’ларын’ әјәп, шәллирин битлирини жабып, далгушка утыралар идә*. (Т.) — Женщины-татарки, надев свои колфаки, закрыв свои лица шальями, садились на долгушу.

О вопросительном предложении

Своеобразную синтаксическую особенность касимовского говора представляет построение вопросительного предложения, в котором вопрос может быть выражен тремя способами:

1. Морфологическими средствами, т. е. вопросительной частицей *-мы* || *-мә*, ставящейся после того слова, к которому относится вопрос. (В литературном языке частица вопроса всегда ставится после сказуемого.) Например: *М., ‘ош балалары’ызны чы’арды’ызмы авыл’а?* (Ц.) — М., выпустили ли вы своих гусей на улицу? *Ахматовда’ унарсынмы?* (Т.) — Будешь ли ночевать в Ахматово? *Башынмы су’ан ул, ‘ајан бәлијәм аны?* (Т.) — Головой ли он ударился,

¹ Л. Залая, Татарская диалектология, стр. 88.

В. Ф. ПАВЛОВА

РУССКОЕ НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО в ТАССР (ПЕСНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА)

Устно-поэтическое творчество — живой отклик народа на важнейшие события истории. В нем раскрывается не только внешняя сторона жизни народа, но и мысли народных масс, их отношение к переживаемым событиям. Устное творчество высоко ценится и поощряется в нашей стране. Ежегодно государство организует и проводит записи народно-поэтического творчества, которые осуществляются многочисленными экспедициями.

Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии Наук СССР с 1946 года — дня организации КФАН — проводит работу по сбору устного народного творчества русского и татарского населения Республики путем организации экспедиций и специальных командировок в районы и отдельные селения.

В 1952 г. Казанский филиал Академии Наук СССР и Университет имени В. И. Ульянова-Ленина провели совместную экспедицию по записи народного творчества в русские селения Тетюшского, Больше-Тархановского и Теньковского районов. Осенью того же года были обследованы некоторые населенные пункты Заинского района.

В 1953 году русская фольклорная экспедиция КФАН СССР в составе четырех сотрудников обследовала прикамские селения Лаишевского и приволжские села Куйбышевского районов.

Экспедиция 1954 года работала в русских селениях Елабужского, Мортовского и Бондюжского районов.

В фондах русской фольклорной группы хранится значительное количество материалов устного народного творчества, записанных, начиная с 1946 года. Общее количество песен доходит до 1800, частушек — 8000, сказок — 100, пословиц, поговорок и загадок — 1500, исторических сказов — 25, произведений прочих жанров — 200.

В данной статье мы рассмотрим вновь сделанные записи песенных жанров и некоторые материалы из фольклорных фондов Института, отражающие Великую Отечественную войну и послевоенную жизнь советского народа.

I

Великая Отечественная война Советского Союза против немецко-фашистских захватчиков нашла живое отражение в устно-поэтическом народном творчестве.

В песенных жанрах военного времени ведущее место заняла тема животворного советского патриотизма, в котором „гармони-

откуда мне об этом знать? Бу 'эн сајынмы сәз'и җәриҗ? (Т.) — Каждый день он ходит к вам?

2. С помощью вопросительных местоимений и наречий. Например: Та'а ни җазаҗы? (П.) — Что еще напишем? Са'а 'әҗән 'ала'а барма'а? (Кушн.) — Когда тебе (нужно) пойти в город? 'Эм 'илдә? (М.) — Кто пришел? Тә'әсә 'аја? — Где та?

3. Посредством интонации. Например: Бабан урнына чатасын? (Кушн.) — Ты ляжешь на место своего деда? Шурпа ашайсын? (Каз.) — Будешь суп есть? ја'шы итәп җиттә'әз? (Т.) — Хорошо дошли? Бәлисәз, һаты 'унмә 'ил'ин? (П.) — Знаете ли, сколько (дней) шло его письмо?

Следует отметить, что этот тип построения вопросительного предложения в касимовском говоре так же широко распространен, как и первый, и употребляется как представителями старшего поколения, так и молодежью.

Порядок слов в простом предложении

Нормальным порядком слов в литературном языке считается такой порядок слов, когда подлежащее со всеми определяющими его словами предшествует сказуемому с относящимися к нему словами, а сказуемое стоит в абсолютном конце предложения. Но в касимовском говоре этот порядок слов нередко нарушается путем вынесения акцентируемого слова на абсолютный конец предложения. Например: Ул 'ола'ы бәлин иш'ин шуны. (К.) — Она (своими) ушами слышала это. Әллә 'аҗа'тан эшлиҗ анда. (Кас.) — С очень давних пор работает он там. Ул би' эшлими'и җарата һазәҗствада. (Т.) — Она очень любит работать по хозяйству (она очень любит заниматься хозяйственными делами). Путныл'а төшми'и 'ири' җиралма алма'а. (Б.) — Надо спуститься в подвал за картофелем (досл.: чтобы взять картофель). Аны эшлип булыр бә'ән. (П.) — Это можно будет сделать сегодня. Тор'ан идәм 'әтәшдин та'а җаттым. (Т.) — Когда погнали стадо, я встала, потом снова легла. Ирлир баралар песин чапма'а нәш'а. (Кас.) — Мужчины идут на луга сено косить.

Во всех приведенных нами примерах акцентируемым словом является второстепенный член предложения, и он находится в конце предложения.

Наблюдаются также случаи инверсии, когда подлежащее ставится или в конце (что встречается значительно реже), или где-либо в середине предложения. Например: Җиралманы да утыртып нәтәр'индәр һалы'. (К.) — Народ, наверно, уже закончил посадку картофеля. Аны Биҗәм-сала һал'ы ја'шы бәлидәр. (Т.) — Его хорошо знают жители с. Болотцы. Җиралма'а ја'шы бу җан'ыр була. (П.) — Этот дождь будет полезным для картофеля. Тартмаҗ инди ул сипарат савсим. (П.) — Тот сепаратор совсем уже не действует.

В этой статье мы попытались отметить наиболее характерные грамматические особенности касимовского говора, которые могут послужить материалом для исследователей татарского языка и его диалектов.

Условные сокращения:

1. А. — с. Ахматово.
2. Б. — с. Болотцы.
3. Каз. — с. Казаково.
4. Кас. — г. Касимов.
5. Кушн. — с. Кушниково.
6. П. — с. Подлипки.
7. Т. — с. Темгенёво.
8. Ц. — с. Царицыно.

чески сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза¹.

Все народы нашей многонациональной Родины на фронте — с оружием в руках, в тылу — своими трудовыми подвигами поднялись на защиту родного Отечества. Этот единый патриотический порыв, жгучая ненависть к врагу, нарушившему мирный труд советских людей, отражаются в песенных жанрах всех народов Союза.

На фронте и в тылу возникали песни, частушки, сказки и другие жанры устно-поэтического творчества, призывающие к разгрому врага.

О героических подвигах фронтовиков складывались частушки. Девушка гордилась успехами друга на фронте:

Я сегодня весела,
Веселей всего села:
Милый с фронта сообщил,
Орден „Славы“ получил.

(Арский р-н.)

Народы тыла самоотверженной работой помогали фронту. Развязывая войну, фашисты рассчитывали на непрочность нашего тыла и ожидали, что их войска быстро продвинулись в глубь нашей страны. Но враги ошиблись. Дружная семья советских народов сплотилась в годы войны в крепкий лагерь, который своим напряженным трудом поддерживал Советскую Армию.

О прочном единстве фронта и тыла, о тесной связи Советской Армии с создавшим ее народом поется в большой группе частушек.

Стремясь помочь фронту, колхозники напряженно трудились. Девушки изучали тракторы, комбайны и другие сельскохозяйственные машины, чтобы заменить отцов, братьев и друзей, ушедших на фронт.

Милый мой на фронт поехал
Палачей-фашистов бить.
Здесь его я заменила,
Стала тракторы водить.

(Арский р-н.)

Население тыла оказывало фронту помощь в самых различных формах.

Хлеборобы нашей Республики собрали средства и в 1943 году снарядили танковую колонну „Колхозник Татарии“. Коллективы рабочих, служащих, сельхозартелей и отдельные колхозники сдавали свои трудовые сбережения на приобретение для фронта самолетов и танков. Этот горячий патриотический порыв не мог не отразиться в частушках, оперативно отражающих все новое:

Я обновке нашей рада,
Постарались в этот год.
Мы купили всей бригадой
Фронту целый самолет.

(Буинский р-н.)

Волнующие частушки рассказывают о глубоких переживаниях девушки при получении известия о тяжелой ране или гибели любимого друга. Девушка находила силы преодолеть горе в сознании, что любимый человек пострадал, защищая высокую цель, что он „за Родину в бою отдал молодость свою“. Движимые горячим патриотическим чувством, ненавистью к врагу, девушки добровольно шли на фронт медсестрами, санитарками, связистами:

Не расспрашивай, подруга,
Некогда рассказывать:
Уезжаю на войну
Раны перевязывать.

(Бугульминский р-н.)

¹ И. В. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, Госполитиздат, 1950 г., стр. 160—161.

Поражение немецко-фашистских полчищ под Сталинградом явилось началом мощного наступления Советской Армии по всему фронту. В начале 1943 года враг стал отступать под сокрушительными ударами наших войск. Народ создавал новые припевки, которые детализировали продвижение Советской Армии на Запад и уверенно предсказывали нашу победу:

Письма с фронта собрала.
Есть из Брянска, из Орла,
А теперь, имей в виду,
Из Берлина письма жду.

(Камско-Устьинский р-н.)

Кроме этих глубоко продуманных частушек, репертуар молодежи оживлялся веселыми бытовыми припевками.

Частушки военных лет в тылу создавались, главным образом, девушками. Немногие мужские частушки, выражающие желание ускорить призыв, чтобы идти защищать Родину, часто принадлежали юношам, еще не достигшим призывного возраста.

Победоносное продвижение наших войск вызвало новый поток произведений устного творчества, проникнутых наступательным настроением. Количество сатирических частушек и песен, создаваемых народом, значительно увеличилось. Темой многих частушек было сатирическое изображение фашистских заправил. Народ рисовал Гитлера фантастическим чудовищем с хвостом, которое „гавкает“ по-собачьи. В частушках высмеивается „деятельность“ злополучного „фюрера-вояки“, его хвастливая уверенность:

Гитлер хвастался крикливо
Сталинград в два счета взять.
Заварили гансы пиво,
Да не могут расхлебать.

(Тетюшский р-н.)

В годы войны народ создал множество новых песен, которые, будучи связанными с конкретными событиями на фронте и в тылу, быстро приобретали широкую известность. В ряде новых песен народ использовал поэтические произведения современной и дореволюционной литературы.

Многие из народных песен, возникших в годы войны, имеют отправным пунктом популярную „Катюшу“ М. Исаковского. В этих песнях Катюша продолжает свою жизнь в условиях войны. Она выступает в песнях партизанкой, медсестрой, рядовым бойцом и пр. Основное содержание песни часто излагается в соответствии с лирическим приемом М. Исаковского — в письме. Катюша пишет другу-бойцу, что сражается против неприятеля вместе с отрядом партизан. Письмо она заканчивает выражением уверенности, что настанет день, когда

..... розовой порошей
Ветки яблонь снова зашумят,
Будет враг раздавлен и отброшен,
И победу трубы протрубят.
А пока, родной мой и любимый,
Мы идем с тобой в одном строю
Защищать советский край любимый
И любовь горячую свою.

(Казань.)

Особенно много песен было создано на основе мелодии и образов старой морской песни „Раскинулось море широко“. Эти новые песенные произведения повествуют о боевых подвигах моряков, летчиков, танкистов и пехотинцев. Так, песня, записанная от инвалида Отечественной войны Адеева Рафаила (Арский район) рас-

сказывает о летчике, повторившем героический подвиг капитана Гастелло.

Раскинулись крылья широко,
На старте стоит самолет,

— так начинается песня. Дальше в ней рассказывается, как во время налета на Берлин самолет попал под огонь противника и загорелся. Отважный летчик на миг вспоминает о далекой любимой девушке и направляет объятую огнем боевую машину на вражеские цистерны с бензином...

Песни о народных героях слагались как в тылу, так и на фронте. Фронтные песни пересылались родным и знакомым в письмах и получали в далеком тылу широкое распространение.

В Республике известна песня о знатном земляке — депутате Верховного Совета ТАССР полковнике Ш. Х. Садыкове, погибшем в боях за Отечество. Образ смелого командира, делившего с бойцами все трудности боевой обстановки, умевшего в тяжелый момент ободрить бойцов "теплой шуткой, приветливым словом", дополнялся описанием его последних минут:

Здесь его и настигло в долине...
Накренился, без крика упал.
Так широко он руки раскинул,
Будто землю собой прикрывал...

(Из письма бойцов подшефной дивизии
трудящихся Татарстана.)

Известна песня о конногвардейце Коробце. Народные певцы воспевают его отвагу и находчивость. В песне говорится, что когда он "сходился с врагами близко, врагу бывал конец". В бою под гвардейцем убили коня — он "принял бой клинком". Сломался клинок — гвардеец "немца левой рукой с коня стащил и задушил".

Девушка-боец, партизанка — популярная тема местных народных песен. В устно-поэтическом репертуаре молодежи нашей Республики часто можно слышать песню о Герое Советского Союза партизанке Зое Космодемьянской¹.

На основе широкого использования мелодии и ритма популярных песен создавались народом также сатирические песни, обличающие фашистов.

На мотив песни "Синенький скромный платочек" сложена песня "Грязный платочек", которая поется от имени гитлеровских солдат. Испытав на своей шкуре тяготы войны, голод и погибая "русской холодной зимой", они поняли, что их обманули.

Где же ты, наша победа?
Где же Москва, Ленинград?
Нам обещают, нам завещают
А мы удираем назад.

(Тетюшский р-н.)

Песня сопровождается припевом, выражающим желание "скорее покончить с войной".

В песне упоминаются и грабительские цели, которые ставились перед фашистскими войсками:

Помнишь ты нашу отправку,
Гейббельса речь самого?
Дескать, в любую вломимся лавку
И наберемся всего.

(Та же песня.)

¹ См. нашу заметку: Народная песня о партизанке Зое, "Комсомолец Татарии", 3. XI. 1951 года.

Однако мощные удары Советской Армии скоро отрезвили грабителей, опьяненных мечтами о легкой наживе, и вернули их к действительности. А действительность для фашистской банды грабителей была совсем плачевной:

Вот и зима наступила,
Бьют нас, куда ни ступи,
Гейббельс болтает, чорт его знает,
Мы же замерзли в степи.
Порой, ночной, фашисты объаты тоской:
Хлеба б кусочек, чаю б глоточек
И побежать бы домой.

(Та же песня.)

С большой сатирической силой рисуют народные песни паническое бегство фашистских войск из-под Москвы. Умело используя напев и художественные приемы популярной песни М. Исаковского "Дайте в руки мне гармонию", народные певцы изображают, как вначале немцы "двигались к Москве, мечтали о гулянке". Но вот вышел и стал поперек дороги славный "русский воин". Враг остановлен и обращен в бегство.

Автомата нет в руках,
Легче бечь пустому,
И бегут они к реке,
К берегу крутому.
Далеко немецкий край,
Посмотри, послушай,
Фюрер, где ты, выручай!
На смерть бьет Катюша!..

(Теньковский р-н.)

Сатирическая переделка старой народной песни "Крутится, вертится шар голубой" рисует неуклонное продвижение советских войск на Запад, когда

В рваных шинелях, в дырявых лаптях
Бежал от нас немец на разных путях.

А поэтому и срок разгрома гитлеровской Германии быстро приближался:

Черного Гитлера подлая власть
Крутится, вертится, хочет упасть.

(Тетюшский р-н.)

II

Война окончена. Могучая Советская Армия не только освободила территорию своей страны, она помогла стряхнуть оковы фашистского порабощения народам Польши, Венгрии, Чехословакии, Румынии, Болгарии и других стран. Победа над фашистской Германией и империалистической Японией показала огромную силу советского народа, его безграничное доверие Коммунистической партии Советского Союза и Советскому правительству.

После войны все усилия советских людей были направлены на восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства.

В 1950 году Коммунистическая партия и Советское правительство приняли постановление о строительстве крупных электростанций на Волге, Днестре и проведении Волго-Донского и других каналов.

Это историческое решение еще раз подтвердило огромную заботу Коммунистической партии и Советского правительства о росте

могущества нашей страны, о дальнейшем подъеме материального благосостояния населения. Советский народ приветствовал это решение и воспел его в многочисленных произведениях устно-поэтического творчества.

На заботу партии и правительства колхозники отвечают упорным трудом на социалистических полях, перевыполнением плана сдачи государству хлеба и других сельскохозяйственных продуктов. Широко применяя богатую технику, колхозники бережно, по-хозяйски убирают хлеб, организуют бесперебойную сдачу зерна государству.

Мы пшеницу золотую
Отвезем в Заготзерно.
Нам нельзя терять ни зернышка,
Нам дорого оно.

(Теньковский р-н.)

Неуклонное повышение материального благосостояния колхозного крестьянства вызвало к жизни новую большую группу частушек.

Товарочка моя Маня,
Кофту белую надень.
Ты не бойся, что износишь,
Нас оденет трудодень.

(Тетюшский р-н.)

Голубой сорву подснежник,
Приколю его на грудь.
К изобилию в колхозах
Нам указан верный путь.

(Тетюшский р-н.)

Одной из вех на этом верном пути к изобилию является слияние небольших коллективных хозяйств в мощные объединенные колхозы, огромные земельные площади которых позволяют широко применять передовую машинную технику и сложные агромероприятия.

Ох, богатый наш колхоз
Имени Калинина,
Туда входят три села,
Полей большая линия.

(Тетюшский р-н.)

Часто укрупненные колхозы включают в свой состав и русских, и татар, и другие национальности нашей Республики, которые дружным трудом отвечают на заботу партии и правительства.

Нас слилось три колхоза.
Пусть их будет целых пять,
Мы, колхозники Союза,
Дружбу станем укреплять.

(Тетюшский р-н.)

Экспедиция 1952 года работала в Тетюшском районе в те памятные дни, когда только что открылось движение по каналу Волго-Дон. Население Республики с радостью восприняло это выдающееся событие. О славной трудовой победе советских людей были сложены новые частушки.

Канал Волго-Дон построили,
Свободно поезжай.
Подруженька из Одессы,
Приезжай и побывай.

(Теньковский р-н.)

Молодежь мечтает увидеть Большую Волгу, когда будут построены электростанции у Сталинграда, Куйбышева и ряда других городов, и Волга подойдет к стенам древнего Казанского кремля.

Скоро Волга разольется,
Раздадутся берега,
И морские пароходики
Потянутся сюда.

(Теньковский р-н.)

В сентябре 1953 года советский народ с глубоким удовлетворением прочитал и обсудил постановление Пленума ЦК КПСС „О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР“. Это новое проявление заботы партии и правительства о народе вызвало появление новых частушек: одни из них любовно сравнивают мудрое постановление с солнышком, осветившим нас в сентябре; в других дается твердое обещание развивать животноводство, как учат партия и правительство и т. д.

В то время, как решения сентябрьского Пленума стали энергично претворяться в жизнь, частушки уже начали отражать новое грандиозное мероприятие — поход за освоение целинных и залежных земель и, в связи с этим, призыв, обращенный к комсомолу.

Наша партия сказала,
Нужно ехать в край Алтай,
Нужно землю обработать,
Дать высокий урожай.

(Арский р-н.)

Народ справедливо связывает дело осуществления великих строек, мероприятий по дальнейшему развитию сельского хозяйства с мирной политикой Советского Союза, с борьбой за мир.

Страна Советов неуклонно и последовательно проводит политику мира, возглавляя борьбу против поджигателей новой войны. Наш народ твердо верит в силу и мощь любимой Советской Армии, его не запугать атомной войной.

В метких частушках обличает молодежь звериные замыслы американо-английских империалистов, которые „точат зубы“ на весь мир, особенно на страну Советов.

Движение против войны растет и ширится во всех странах земного шара. Трудящиеся массы понимают, что „Мир будет сохранен и упрочен, если народы возьмут дело сохранения мира в свои руки и будут отстаивать его до конца“¹. И эта уверенность воодушевляет всех трудящихся в их дальнейшей борьбе за дело мира.

* * *

Материал, собранный в экспедициях, дает представление о богатстве и разнообразии русской устной поэзии нашего края, а также позволяет судить о некоторых процессах в современном устно-поэтическом творчестве.

В наше время можно наблюдать исчезновение отдельных жанров устной поэзии в связи с значительным ростом новой социалистической культуры. Так, в колхозной деревне уже не встречаются заговоры и заклинания, нет духовных стихов, забыта календарная поэзия. В то же время необходимо отметить появление совершенно новых жанров, свойственных лишь нашей, советской эпохе, например,

¹ И. В. Сталин, Беседа с корреспондентом „Правды“. Госполитиздат, 1952, стр. 14.

устных сказов. Они создаются обычно на материалах исторических, военных или трудовых подвигов, освещают события Великой Отечественной войны и пр.

В песенном репертуаре нашей Республики наряду с современными массовыми песнями продолжают бытовать и старинные лирические. Иногда народ вносит в них детали, сближающие содержание старой песни с нашими днями. Например, в старинной народной песне „По Дону гуляет казак молодой“ герой обещает поставить на мосту для охраны невесты несколько десятков „советских солдат“; в старую солдатскую песню „Как во поле, чистом поле“ внесена современная деталь: раненый солдат лежит под деревом и прижимает к ране „красный орден“ и т. д.

Короткая и живая песенка-частушка вследствие своей гибкости и подвижности чрезвычайно быстро откликается на все новое. Поэтому одна крупная общественно значимая тема заменяется в частушках другой темой быстрее, чем это можно наблюдать в песнях. Так, частушки о Великой Отечественной войне в 1953—1954 годах уже почти не поются, их сменили частушки, в которых развивается новая большая тема — послевоенное мирное строительство. В нее входит все новое, что появилось в народной жизни: объединение колхозов, мероприятия по борьбе с засухой, рост материального благосостояния народных масс, освоение целинных и залежных земель, борьба за мир и т. д.

Подобная замена одной значительной темы другими в песнях происходит значительно медленнее. В разнообразном песенном репертуаре колхозной деревни наших дней, правда не часто, но все же можно встретить, наряду с массовыми песнями советских композиторов о Великой Отечественной войне, также народные песни „Дивчина“, „Партизан“ и другие.

Работу по сбору и изучению устно-поэтического творчества русского населения нашей Республики нужно расширить, привлекая к ней колхозников, учителей, заведующих избами-читальнями и колхозными клубами. Только совместными усилиями можно будет собрать богатый материал устной поэзии, отражающий нашу эпоху.

М. Х. ГАЙНУЛЛИН

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И ЕГО РУКОПИСИ НА ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В Центральном государственном литературном архиве СССР хранится рукописный архив любимого сына великого русского народа, пламенного революционера и талантливого художника слова Николая Гавриловича Чернышевского. Среди многочисленных рукописей, хранящихся в данном архиве, фонд Н. Г. Чернышевского является самым богатым и полным и состоит из двух списков. В первом списке перечислены 683 документа, исполненные самим Н. Г. Чернышевским, а во втором — документы его семьи: родителей, жены и детей. Перечисленные в этих списках документы, состоящие из 1274 разного характера рукописей, отражают жизненный путь, кропотливый и упорный труд писателя в области разных наук.

Основная часть этих материалов была передана в Центральный литературный архив из саратовского Дома-музея Н. Г. Чернышевского в 1941 г. В дальнейшем фонд постепенно пополнялся статьями и рецензиями Н. Г. Чернышевского, хранившимися в Государственной библиотеке СССР имени Ленина; рукопись романа „Что делать?“ поступила из Центрального исторического архива. Кроме того, здесь же концентрируются копии документальных материалов (фото и машинописные), хранящихся в других государственных архивах, музеях и библиотеках нашей страны.

В истории общественной мысли и революционного движения в России Н. Г. Чернышевский сыграл выдающуюся роль как революционер, философ и писатель. Человек широкого кругозора, он оставил исследования во многих областях научного познания, среди которых имеются серьезные научные труды по вопросам языкознания.

К таким работам Н. Г. Чернышевского относятся: „Опыт словаря к Ипатьевской летописи“, рецензия на книгу А. Ф. Гильфердинга „Об отношении языка славянского к языкам родственным“ и рецензия на статью М. И. Сухомлинова „О языкознании в древней Руси“, помещенную в первой книге „Ученых записок“ Второго отделения Академии Наук.

Мыслитель-материалист, Н. Г. Чернышевский резко критиковал сравнительно-исторический метод буржуазного ученого, идеалиста, метафизика Гильфердинга, который основывал свои заключения на фактах изолированного рассмотрения отдельных сторон языков в отрыве от исторической действительности и жизни народов. Научно разрешая проблему сравнительно-исторического изучения языков,

Чернышевский указывал, что одной из важнейших задач сравнительно-исторического метода является не только доказательство сходства между изучаемыми языками, но и показ существенных различий между ними.

... Гильфердинг замечает только внешнее сходство, — писал Н. Г. Чернышевский, — какое всегда можно найти между всем на свете, и не хочет замечать существенного различия... Такие попытки только компрометируют науку в глазах неспециалистов, которые, не будучи в состоянии заметить, соблюдены ли ученым требования науки, замечают только, что выводы, представляемые ученым, противоречат и географии, и истории, и физиологии¹.

В рецензии на первую книгу „Ученых записок“ Второго отделения Академии Наук Н. Г. Чернышевский, подвергая критике большую статью М. И. Сухомлинова „О языкознании в древней Руси“, подробно рассматривает процессы развития русского языка и его взаимоотношения с языками других народов.

Указанные работы свидетельствуют о том, что Чернышевский и в области языкознания твердо стоял на материалистических позициях. Рецензия Н. Г. Чернышевского на статью Сухомлинова „О языкознании в древней Руси“ имеет актуальное значение для исследователей великого русского языка.

В настоящей статье мы намерены поделиться сведениями об изучении Н. Г. Чернышевским татарского языка. Сотрудники Института языка, литературы и истории Казанского филиала Академии Наук СССР Гайнуллин М. Х., Резяпова М. Н. и доцент Казанского государственного педагогического института Вазеева Д. Г. провели в августе 1953 года в Центральном государственном литературном архиве СССР работу по изучению рукописей Н. Г. Чернышевского на татарском языке. В результате этого исследования было установлено, что Н. Г. Чернышевский занимался изучением татарского языка в 1841—1845 гг.

Как известно из печатных и документальных источников, Чернышевский очень рано стал изучать языки как народов России, так и иностранные. Одаренный изумительными способностями, он уже в возрасте 16—18 лет знал латинский, греческий, французский, немецкий, английский языки и был знаком с древнееврейским, польским, персидским и арабским языками. Наряду с этим, он уделял большое внимание изучению татарского языка и хорошо владел им.

В архивном фонде Чернышевского хранятся его ученические тетради с упражнениями по изучению латинского, немецкого, французского, персидского, греческого, арабского, древнееврейского и татарского языков. Среди этих рукописей для изучающих историю и историческую грамматику татарского языка, по нашему мнению, представляет интерес лист № 93 в ф. I. В этом листе приводятся примеры по склонению в татарском языке. В начале татарские местоимения написаны арабским шрифтом, а рядом дается построение этих же слов русским шрифтом, без перевода на русский язык. Это свидетельствует о том, что Чернышевский в это время уже полностью усвоил смысловое значение слов татарского языка.

В деле № 2 сохранился составленный Чернышевским обзор топонимических названий татарского происхождения, которые носят населенные пункты в Саратовской губернии. Вся эта рукопись состоит из 16 листов. Первые два листа составлены отцом Н. Г. Чернышевского, Г. И. Чернышевским, а последние два листа

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XVI (дополнительный), Москва, 1953 г., стр. 11.

написаны почерком неустановленного лица. Остальная, большая часть рукописи, написана рукою самого Н. Г. Чернышевского. Эта рукопись представляет научный интерес не только для историков, но и для языковедов.

Вот некоторые примеры:

Село Идолга¹ — Иделгә.

Село Курдим — кормак — строить, срубить (строение); я срубил; построил, т. е. про село к [урдим]. Значит, постройка села.

Деревня Софроновка — софар; сәфәр — путь.

Биклей — бик — князь пр [илагательное] склоняемого бикли, княжеский, князев с прибавкою окончания р [усского] им [ени] к [оторый] опр [еделается] и изменением по простонародн [ому] выг [овору] заука и предложений на ъ или е, как в Алексѣй = ей и т. п.

Село Чертоклен — ертмак — драть, ермак — рыть, чардук — рама.

Чершим — чыршы.

Сарбай — сәрбен — стадо.

Али иль — Гали иле.

Бик авылы — Бики авылы.

Бакурка — бакмак.

Килуевка — килмәк.

Казьевка — казый.

Колемак — килмәк, килмеш.

Елан — елан — змея.

Байка — бай — богатый.

Салтыково — салмак — класть, мб [может быть] залей.

С. Алай — алмак.

Сулак — су — вроде водный.

Сура — сурәт — вид.

Карай — кара или карай от карамак.

Аряшева — арыш — рожь.

Абадим — әбәд — вечный.

Урлейка — үр — ров, үр — вершина.

Алань — ялан — долина, равнина.

Ерашевка — ярашмәк — невесту помириться.

Балаково — бәләк — валец; беләк — локоть.

Бурнашевка — борын, борнаш — пущ [ающий] ростки.

Лапаслейка — лапаса — лабаз.

Лачиновка — лачин.

Канадей — канат — крыло.

Кафтырево — каптырма — петлица, крючки.

Кармаковка — кармак — удочка; карамак.

Кашаевка — каш — бровь, каш.

Кари-авул — карый — старый; коры — сухой; кырау — иней.

Катынка — хатын, катын.

Научный интерес представляет дело² на 193 листах, которое включает основные татарские рукописи Н. Г. Чернышевского, написанные в большинстве своем в 1844 году. Несмотря на ученический характер, эти рукописи написаны со зрелым знанием специфики татарского языка.

В фонде хранится тетрадь автограф Чернышевского под названием „Татарская грамматика“³, которая представляет из себя копию „Грамматики“ учителя Саратовской Духовной семинарии Георгия Семеновича Саблукова. Тетрадь состоит из 9 листов (18 страниц).

¹ Татарские слова, написанные Чернышевским на арабском шрифте, даются в современной татарской орфографии.

² Н. Г. Чернышевский, ф. I, оп. № 1, дело № 135.

³ Н. Г. Чернышевский, там же.

и представляет особый научный интерес, так как оригинал, написанный Саблуковым, не сохранился.

Следующая рукопись¹ объемом в 22 листа (44 страницы) является выпиской из грамматики турецко-татарского языка Казем-Бека, о чем Чернышевским указано на стр. 14 „Из грам. Каз.". В основном же рукописные работы Чернышевского посвящены изучению татарского языка. Например, в разделе, где перечисляются собирательные числительные, читаем:

берәү — один.
икәү — двое
өчәү — трое
дүртәү — четверо
бишәү — пятеро
алтау — шестеро
жидәү — семеро
сигезәү — восьмеро
тугызәү — девятеро
унау — десятеро.

В этой связи приводятся очень характерные татарские синонимы (стр. 18), например:

элгәре
эле́к
борын } прежде

Приводится также много диалектальных слов татарского языка. Эта рукопись представляет научный интерес для исследования истории татарского языка.

Далее в деле № 1, начиная с 46 по 83 лист, имеется оригинальная работа Чернышевского. Эту рукопись, по нашему мнению, можно было бы назвать татарско-русским словарем. Она составлена Чернышевским по алфавиту с буквы „А" до букв „Ю, Я" и является законченной работой. Словарь содержит около 1200 слов, за исключением вычеркнутых. Татарские слова написаны арабским шрифтом, против них дается русский перевод. Этот словарь не потерял своего значения и для настоящего времени. По датам, проставленным в тетради Чернышевским, видно, что он занимался этим трудом в 1844 г. В нескольких местах на рукописи имеются надписи на русском и татарском языках, а также повторяется подпись Чернышевского на татарском и русском языках.

На странице 61 (л. 75) имеется дата 18 $\frac{III}{4}$ 44; в конце последней страницы имеется подпись: Н. Ч. кончил 18 $\frac{VIII}{31}$ 44 1200.

Эти даты свидетельствуют о долгой, кропотливой работе Чернышевского над словарем.

Приводим с некоторых страниц этого словаря примеры:

үр — ров, канал
үр — вершина
үрәчә — облучек кресла
учә — тесла
үрчин — веретено
үрчемәк — размножаться
үрдәк — утка
урыш чалгысы — коса
орыш — брань, ссора

¹ Н. Г. Чернышевский, ф. 1, оп. № 1, дело № 135.

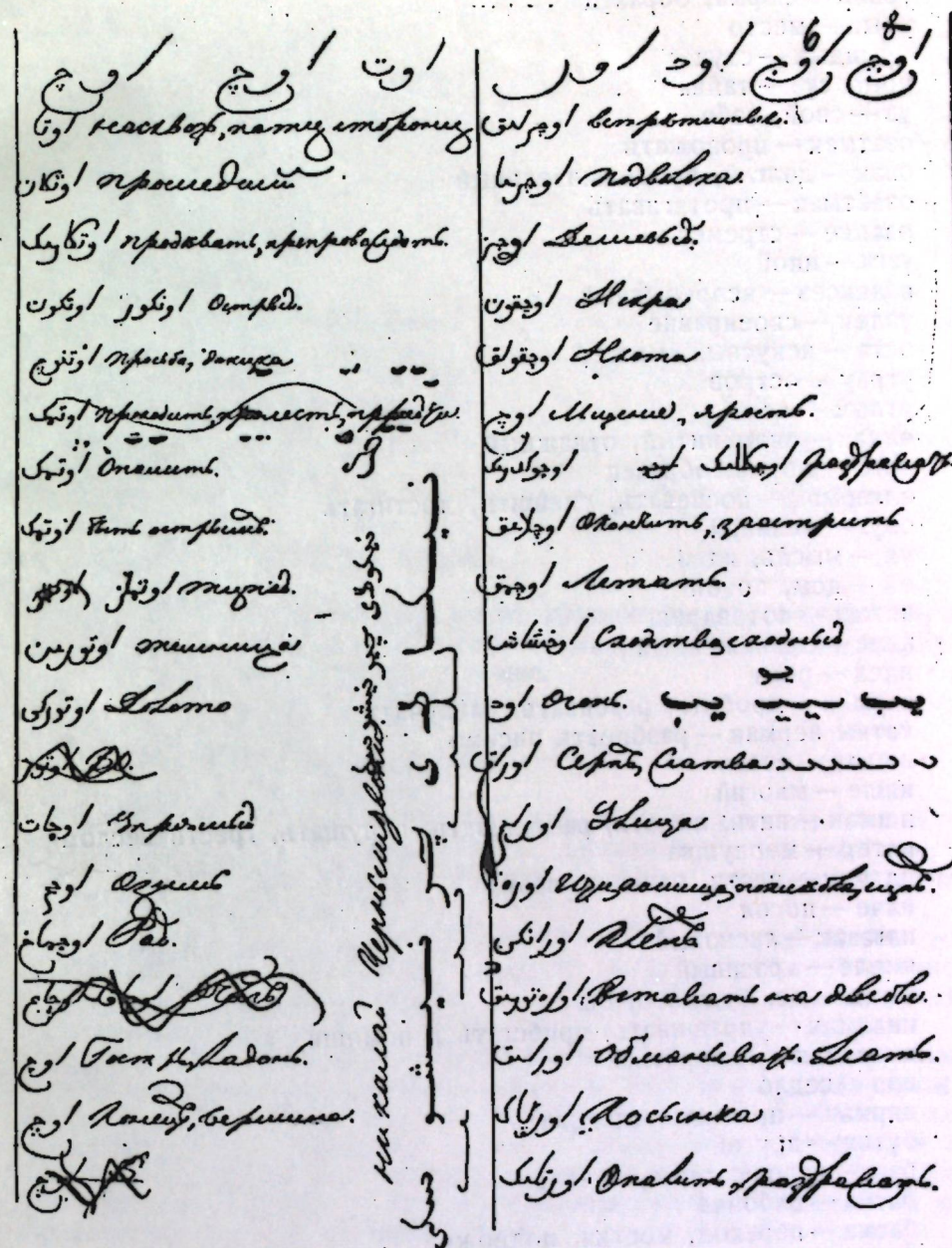

Рис. 1. Автограф рукописи татарско-русского словаря Н. Г. Чернышевского.

урт — десна во рту
урта — середина, средний
оруг — род, племя
өркемәк — пугаться, беситься
орлык — семя
урман — лес
урмак — жать (хлеб)
ормак — бить сильно
үрмәкчү — паук
өрмәк — лаять
үрмәләмәк — ползать
үрмәк — плести

үрнәк — форма, образец
 урын — место
 урындык — стул
 урын сүз — тайна
 үз — свой, себе
 озатмак — провожать
 озак — долгий, продолжительный
 озайтмак — протягивать
 өзәнке — стремяна
 үзгә — иной
 өзлексез — непрерывный
 үзлек — своеобразие
 оста — искусный, мастер
 утрау — остров
 утлык — ясли
 өлкән — знаменитый, отважный
 өлге — форма, образец
 өлгермәк — поспевать, спешить, достигать
 олуг — великий
 уй — мысль, идея
 өй — дом, покой
 иптәш — сотоварищ
 ипле — прилаженный
 идел — река
 аермак — дробить, разбивать, разлучать
 хатны аермак — разбирать письмо
 ишкәк — весло
 ишле — многий
 ишмәк — вить, ломать, разваливать, нарушать, грести веслом
 илтер — мерлушка
 илтмәк — нести, отвести, везти
 илче — посол
 илгәзәк — ласковый
 ямьле — красивый
 имеш — де, будто, б, бы
 инәлмәк — упрашивать, прибегать к помощи
 интекмәк — изнуяться
 ияр — седло
 иярмәк — пристать, следовать
 бүтән — другой
 баш — голова, глава, начало
 басма — набойка
 басма — переход, мостки, подножие
 батыр — смелый
 былтыр — прошлого года
 буйдак — холостой
 түбәләсмәк — драться
 тоткар — препятствие
 туры — прямой, справедливый
 туры — гнедой
 түре — переднее место
 жомак — загадка
 жан — душа
 жиһан — вселенный
 чая — злой, коварный, ехидный
 риваять — предание
 эремчек — творог

сылтау — причина
 селте — щелок
 сүлпән — неповоротливый
 кыяфәт — физиономия
 кисәү — головня, кочерга
 мәргән — охотник
 мәрмәр — мрамор
 мурт — дряблый, вый
 моң — печаль
 мөлла — ученый
 мул — полный, просторный
 мая — капитал без убыли
 муенса — ошейник, галстук
 ябалдаш — кругловетвистый
 яшерен — тайный, скрытый
 елдам — ветроносный
 елым — невод
 жилем — клей
 юллык — впадина над челом
 елдырым — гром.

Большой интерес представляют рукописные упражнения Чернышевского по грамматике татарского языка, состоящие из 5 разделов:

1. Об идиомах татарского языка.
2. О согласовании частей речи.
3. Об управлении слов.
4. О сочетании предложений.
5. О языкоупотреблении.

Эта рукопись раскрывает нам лабораторию тщательного изучения Чернышевским татарского языка, внимания в его специфику.

В разделе „Об идиомах татарского языка“ вначале приводится следующее определение:

„В каждом языке, при выражении мыслей устными словами есть выражения и обороты, которые одному языку только свойственные, и каковых нет в других языках. Сии выражения и обороты называются *идиомами* языка:

В т[атарском] нет предложения совершенно, которые в р[усском]. У нас, сходить, выражающий движение животного тогда должен выразить направление сего движения принимает (ни и) образцы: входить, выходить, приходить, отходить, переходить, обходить и пр. Но в т[атарском] видоизмененный образ, явление выражается (если нет для сего коренного глагола) или сочетанием двух глаголов, или приложением из других частей речи...

а) удаление предмета от своего места в другое выражается при сравнительных и страд. глаголах глаголом китмәк — уходить; при д. жибәрмәк — посылать:

сикереп китәмен — отскакиваю
 түгелеп китәдер — выливается
 ертылып китәмен — отдираюсь
 ташлап жибәрәмен — отбрасываю
 түгеп жибәрәмен — выливаю
 төртеп жибәрәмен — отталкиваю;

б) достижение до известного места (при глаголах ср.) выражается глаголом житмәк — достигать, доставать, дозвлет; доведение предмета до известного предела (при глаголах д.) — житкермәк — сделать, чтоб достигла, доводить:

йөгереп житәмен — добегаю
 тартып житкерәмен — дотягиваю;

В своих работах Н. Г. Чернышевский доказывал, что ни одна нация, рассчитывающая извлечь себе выгоду из порабощения другой нации, не может сохранить свою свободу. „Завоевательные народы,— писал Чернышевский,— всегда кончали тем, что истреблялись и порабощались сами“.

Им приводится множество фактов из истории разных завоевателей. Давая оценку завоевательной политике Чингиз-хана, Чернышевский писал: „Монголы Чингизхана жили в своих степях такими бедными дикарями, что, повидному, трудно было им притти в положение, худшее прежнего; но как ни дурно было состояние диких орд, пошедших на завоевание земледельческих государств южной и западной Азии и восточной Европы, а все-таки вскоре по совершении завоевания эти несчастные люди, наделавшие столько вреда другим для своего обогащения, подверглись судьбе более плачевной, чем даже та жалкая жизнь, которую продолжали вести их соотечественники, оставшиеся в своих родных степях. Мы знаем, чем кончили татары Золотой Орды: конечно, целая половина их погибла при завоевании России и при неудачных нашествиях на Литву и Моравию; остальная половина, сначала награбившая себе много добычи, скоро была истреблена оправившимися русскими“¹.

Н. Г. Чернышевский высказал и авторитетное мнение о происхождении современных казанских татар. В своей работе „Антропологический принцип в философии“ он замечает, что „... из нынешних... казанских и оренбургских татар едва ли есть хоть один человек, происходящий от воинов Батая, ... нынешние татары — потомки прежних племен, живших в тех местах до Батая и покоренных Батием, как были покорены русские; ... пришельцы — завоеватели все исчезли, все были истреблены ожесточением поработенных“².

Это положение великого ученого было подтверждено научными исследованиями советских ученых.

В заключение надо сказать, что татарские просветители передовые педагоги и писатели-реалисты, опираясь на творчество великих классиков русской литературы, в том числе на творчество Н. Г. Чернышевского, в конце XIX столетия и в особенности в начале XX столетия создали ряд произведений, имеющих историческое значение. Первая русская революция 1905 года дала возможность создать на татарском языке не только периодическую печать, но и революционно-демократическую литературу.

Творчество и революционная деятельность Чернышевского неразрывно связаны с борьбой русского народа за освобождение всего человечества. Чернышевский был пламенным борцом за свободу и независимость всех народов. Вот почему имя Чернышевского, передового представителя великого русского народа, с глубоким уважением хранится в памяти всех народов, получивших национальную и социальную свободу в результате совместной борьбы под руководством великой Коммунистической партии.

¹ Н. Г. Чернышевский, Антропологический принцип в философии, Избранные философские сочинения, т 3, 1938, стр. 245.

² Н. Г. Чернышевский, Избран. философ. соч., т 3, 1938 г., стр. 245—246.

Н. Б. БУРГАНОВА

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ГОВОРом ПАРАНЬГИНСКИХ ТАТАР

(По материалам экспедиции 1953 года)

В Параньгинском и в Мари-Турекском районах, Марийской АССР, расположенных в юго-восточной части республики, недалеко от границы с Татарской АССР, живет небольшая группа татар, известная под названием „параньгинские татары“. Такое наименование, повидному, сложилось потому, что основная масса данной группы живет в Параньгинском районе¹ и районный центр Параньга сам является большим татарским селом.

Говор параньгинских татар не получил еще достаточно полного освещения в научной литературе по диалектологии татарского языка. В работе Л. Заляя „Татар диалектологиясе“² мы имеем об этом говоре очень мало сведений, изложенных всего на 2 страницах. Автор этой работы, опираясь на анкетные данные, записанные студентами-заочниками и местными учителями, имел возможность отметить лишь некоторые фонетические и лексические особенности.

С целью более детального и всестороннего исследования говора татар названной группы летом 1953 года Казанским филиалом АН СССР была организована специальная экспедиция.

При сравнительном изучении данного говора с современным литературным языком выясняется, что у параньгинских татар сохранились значительные диалектные особенности, охватывающие фонетические, грамматические и лексические стороны языка местного населения. Среди этих особенностей обнаруживается много фактов, сближающих данный говор с другими диалектами и говорами татарского языка, в особенности, с говором заказанских (северные и северо-восточные от Казани районы ТАССР) татар. Близость татарского населения Параньгинского и Мари-Турекского районов, Марийской АССР, с татарским населением Заказанья (главным образом, населением Атнинского, Кзыл-Юлского и Дубьязского районов ТАССР) обнаружи-

¹ В Параньгинском районе, Марийской АССР, расположены татарские деревни: 1) Параньга (Бэрэнге), 2) Ляжбердино (Лажы), 3) Ирнур, 4) Тоштоял, 5) Поле Кугу-нур, 6) Куянково, 7) Верх. Алашайка (Югары Мазар-башы), 8) Ниж. Алашайка (Түбән Мазар-башы), 9) Омшан, 10) Порганур, 11) Порчара, 12) Купай, 13) Пос. Хабибуллы, 14) Пос. Кзыл байрак. В Мари-Турекском районе имеется 2 больших татарских села: 1) Тат. Кития и 2) Тат. Шолкер и несколько мелких поселений, выделенных из этих же сел.

² Л. Заляй, Татар диалектологиясе, Казан, Татгосиздат, 1947 г., стр. 30—32.

вается не только в особенностях языка, но подтверждается и данными этнографии¹.

В языковом отношении параньгинские татары представляют единую группу, поэтому приведенные лингвистические факты являются общими для всех сел данной группы.

В настоящей статье, в связи с ограниченным ее объемом, мы даем описание только фонетических и основных грамматических особенностей говора. Материалы по лексике представлены в фонд для нового выпуска „Диалектологического словаря“.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРА²

По своему звуковому составу говор параньгинских татар мало чем отличается от литературного языка. В нем имеются следующие 9 гласных фонем:

- 1) передние: *э, э, ө, ү, и;*
- 2) задние: *а, ы, о, у.*

Звук *о*, заимствованный из русского языка, в данном говоре употребляется очень редко; его можно слышать лишь в речи интеллигенции. В произношении очень многих жителей этот звук заменяется: при ударном положении гласным *у*, при неударном — гласными *а* и *ы*. Примеры: *калхуз* вместо колхоз, *сафхуз* вместо совхоз, *пучты* вместо почта, *парахут* вместо пароход, *балнйс* вместо больница, *трактыр* — вместо трактор и т. д.

В системе согласных говора насчитываются следующие 26 звуков, акустически не отличающихся от согласных звуков литературного языка:

- 1) губно-губные: *б, п, м, ш, ф;*
- 2) губно-зубные: *в, ф;*
- 3) переднеязычные: а) зубные *д, т, з, с, л, н, ц;*
б) альвеолярные: *ч, ж, ш, жс, р;*
- 4) среднеязычные: *й (й);*
- 5) заднеязычные: а) неглубокие: *к, г, ң, х, Һ;*
б) глубокие: *q, q.*

Губно-зубные *в, ф* и аффрикаты *ш, ц*, вошедшие в современный татарский литературный язык через русские и интернациональные заимствования, в произношении многих жителей данного говора, в особенности, в речи старшего поколения, не употребляются. Они замещаются здесь другими, близкими им по артикуляции звуками татарского языка. Так, например, губно-зубной *в* заменяется губно-губным *ш* (*вагун* — вагон, *вакзал* — вокзал, *авыл савит* — сельский совет и т. д.), губно-зубной *ф* — губно-губным *ф* (*фирмы* — ферма, *фуражкы* — фуражка — и т. д.); звук *ц* заменяется звуком *с* (*сирик* —

¹ Так, например, традиционный праздник „джие“, который является характерным, в основном, для Заказанья, проводится и здесь. Параньгинские татары разделяются на три джиеновые группы, которые носят названия: 1) „төчегән атнасы“ (его празднуют деревни: Верх. и Ниж. Алашайки, Купай, Порчара, Куланур, пос. Кзыл-яр); 2) „арбалы джиены“ (его празднуют деревни: Омшан, Тоштоял, Ириур, Портянуур); 3) „Төрәк атнасы“ (его празднуют деревни: Тат. Кития и Тат. Шолкер, Мари-Турекского района).

² При описании фонетических особенностей говора мы применяли следующие знаки транскрипции, отличные от графической системы татарского литературного языка: 1) буква *й* обозначается знаком *j* (*jыл* — год, *жәј* — лето и т. д.); 2) буквы *я, ю, ё* обозначаются сочетанием знаков *ja-jə, ju-ju, jy-jə*; 3) звук *е* во всех позициях обозначается одним только знаком, т. е. буквой *э* (*эшчэ* — рабочий, *жәмәлди* — свекла и т. д.); 4) губно-губной проточной звук обозначается знаком *ш* (*шагит* — время, *һага* — воздух и т. д.); 5) глубокозаднеязычные *к* и *г* обозначаются знаками *q* и *g* (*qара* — смотри, *qали* — имя собств. и т. д.); 6) Губно-губной *ф* обозначается знаком *f*.

цирк, *синитныр* — центнер, *сиңга* — цинга и т. д.); звук *щ* заменяется согласными *ш* или *ч* (*шүтке* — щетка, *чи* — щи и т. д.).

Характерные фонетические особенности данного говора сводятся, главным образом, к различным видам звуковых соответствий и чередований, наблюдаемых в отдельных словах при сравнении их с литературным языком. Так, например, в области гласных нами отмечены следующие особенности:

1. Кратким гласным *ы-е* литературного языка в говоре соответствуют широкие гласные *а-э*. Явление это характерно для вопросительной частицы, т. е. вопрос выражается здесь частицей *-ма-мә* вместо литературного *-мы-ме*. Примеры:

— *Клубка барасыңма?* (Идешь в клуб?)

— *Жырлый бәләсәңмә?* (Умешь ли петь?) и т. д.

Кроме параньгинского говора это фонетико-морфологическое явление имеет место и в заказанском говоре, в особенности оно характерно для говора татар Атнинского, Кзыл-Юлского и Арского районов ТАССР.

2. Одной из характерных особенностей диалектов и местных говоров татарского языка является замена дифтонга *өй* монофтонгами различных артикуляций. Эту замену по говорам и диалектам можно проиллюстрировать в виде следующей схемы:

Произношение слов <i>сөяк</i> (кость), <i>өй</i> (дом)	В литературном языке	Средний диалект						Западный диалект	Восточный диалект
		Заказанский говор	Нагорный говор	Мензелинский говор	Параньгинский говор	Говор каринских и глазовских татар	Говор касимовских татар		
	<i>сөйәк</i>	<i>сөйәк</i>	<i>сөйәк</i>		<i>сөйәк</i>				
	<i>өй</i>					<i>сийәк и</i>	<i>сийәк и</i>		
		<i>сүшәк</i> <i>ү</i>	<i>сөйәк</i> <i>ү</i>					<i>сүшәк</i> <i>ү</i>	<i>ү</i>

Из схемы ясно, что дифтонгу *өй* литературного языка в западном (мишарском) и восточном (диалект татар Западной Сибири) диалектах, а также в нагорном и мензелинском говорах среднего диалекта, соответствует монофтонг *ү* или (перед гласным) дифтонг *үш*, например: *сүли* вместо *сөйли* (говорит), *түмә* вместо *төймә* (пуговка), *сүшәк* вместо *сөяк* (кость) и т. д.

В отдельных говорах среднего диалекта (например, в говорах каринско-глазовских, касимовских татар, в дубязском подговоре заказанского говора) монофтонгизация *өй* происходит путем стяжения его в *и*. Примеры: *сили* вместо *сөйли* (говорит), *кили* вместо *көйли* (напевает), *и* вместо *өй* (дом) и т. д.

Говор параньгинских татар в произношении дифтонга *өй* близок с заказанским говором среднего диалекта, который лег в основу современного татарского литературного языка.

В области согласных отмечены следующие звуковые соответствия:

1. Одним из самых характерных признаков, разделяющих татарский язык на две большие группы (на западный и средний диалекты), является соответствие звуков *ж* и *ј* в начале слова или слога: для западного (мишарского) диалекта характерно „йокание“, т. е. употребление *ј* вместо *ж*; для большинства говоров среднего диалекта характерно „жокание“, т. е. употребление *ж* вместо *ј*. Примеры:

Литературная форма. Западный диал. Средний диал.

жәй көне (летом)	јәј кәнә	жәј көнә
ямь-е жәй (красное лето)	јәм-лә јәј	жәм-ле жәј
ямь-яшел (превосход. степень от зеленый)	јәм-јәшел	жәм-жәшел
мәржән (бусы)	мәрјән	мәржән
ел (год)	јыл	жыл
ял (отдых)	јал	жал

Итак, в западном диалекте в начале слов (иногда и слогов) преобладает среднеязычный, придумной *ј*, в среднем диалекте же преобладающим начальным является переднеязычный, смычной *ж*.

Говор параньгинских татар в этом отношении занимает особое положение: он, в отличие от других диалектов и говоров татарского языка, характеризуется параллельным употреблением *ж* и *ј* в начале слов и слогов, т. е. одно и то же слово здесь может произноситься двояко: или со звуком *ж* или со звуком *ј*. Примеры: *жүрәк* || *јүрәк* (вет), *жәдән* || *јәдән* (близко), *жәнем* || *јәнем* (душа моя), *Мәр-жәм* || *Мәрјәм* (имя соб.), *гажәп* || *гајәп* (удивительно) и т. д.

2. Соответствие звука *ң* звукам *н* и *ңг*. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы показывают, что заднеязычный, носовой, сонорный звук *ң* является в данном говоре новым, вошедшим под влиянием литературного языка сравнительно недавно. Поэтому произношение этого звука можно слышать здесь лишь в речи интеллигенции. У многих жителей этот звук заменяется: 1) в конце слов звуком *н*, 2) в середине слов между двумя гласными сочетанием звуков *ңг*. Примеры: *безнең калхузын багчасы* вместо *безнең колхозның бакчасы* (сад нашего колхоза), *син килсән* вместо *син килсәң* (если ты придешь), *шуңга* вместо *шуңа* (тому), *иңгәвәл* вместо *иңгәвәле* (сперва), *јаңға* вместо *яңа* (новый), *моңғају* вместо *моңаю* (грустить), *сәңгәл* вместо *сеңел* (младшая сестра) и т. д.

Замена заднеязычного носового *ң* переднеязычно-зубным носовым *н* и сочетанием звуков заднеязычного образования *ңг*, кроме говора параньгинских татар, характерна и для отдельных подговоров заказанского говора: она распространена, главным образом, в Атинском, Кызыл-Юлском и Дубьязском районах Татарской АССР.

Говор параньгинских (Мари АССР) и атинских (Тат. АССР) татар в этом фонетическом явлении, повидимому, испытал влияние соседнего марийского языка, так как из наблюдений отдельных исследователей известно, что в марийском языке, в особенности, в произношении представителей горно-марийского диалекта, заднеязычный, смычной, носовой звук *ң* „сопровождается дополнительной артикуляцией звука *г*“¹.

3. Переднеязычный, смычной, носовой звук *н* литературного языка в конце и середине слов в говоре очень часто заменяется

переднеязычным плавным *л*. Примеры: *қазаллықы* вместо литературного *казанныкы* (казанский), *зиһәллә* вместо *зиһенле* (имеющий память), *төллә* вместо *төнлә* (ночью), *чыллап* вместо *чынап* (вправду), *көлләшү* вместо *көнләшү* (ревновать), *хәйуаллар* вместо *хайваннар* (животные), *киләлләрәм* вместо *киләннәрәм* (мои снохи), *бәрәңгә жылылы* вместо *бәрәңгә жыены* (параньгинский джиган) и т. д.

Замена *н* звуком *л* перед аффиксами *лар-ләр, ла-лә, лык-лек, лы-ле, лай-ләй,* и т. д. (например, *урмаллар* < *урманнар, төллә* < *төнлә, утыллық* < *утынлык, зиһәллә* < *зиһенле...*) может быть объяснена регрессирующей ассимиляцией конечного звука основы слова согласным аффикса. Однако, в отдельных словах (как, например, *урмалга* < *урманга, жылылы* < *жыены, қазаллықы* < *казанныкы* и т. д.) переход *н* в *л* нельзя объяснить этим фонетическим законом.

В материалах по говору отмечены также случаи замены звуком *н* звука *л* литературного языка. Это явление наблюдается в следующих словах: *намы* вместо *лампа, јондыз* вместо *йолдыз* (звезда), *тастыман* вместо *тастымал* (салфетка).

4. В следующих словах говора литературному *н* соответствует губно-губной носовой *м*: *чормау* вместо *чорнау* (окутывать, намотать), *тырмау* вместо *тырнау* (царапать), *жиләм* || *јәләм* вместо *жилен* (вымя).

Обратное явление, т. е. замена литературного *м* звуком *н*, в говоре наблюдается только в одном слове: *барнак* вместо *бармак* (палец).

5. Соответствие звуков *с, ч* и *ш*:

а) переднеязычному придумному *с* литературного языка в говоре соответствует переднеязычный смычной *ч*. Это явление отмечено в следующих словах: *чиһта* вместо *чиста* (чистый), *бачкыч* вместо *баскыч* (лестница), *май чичласы* вместо *май числосы* (май месяц).

В этих случаях замена *с* звуком *ч*, повидимому, объясняется ассимилирующим влиянием звука *ч* соседнего слога;

б) в следующих словах переднеязычному зубному *с* литературного языка соответствует в говоре переднеязычный альвеолярный *ш*: *шөйләшү* вместо *сөйләшү* (разговаривать), *шугыш* вместо *сугыш* (драка).

Здесь замена *с* звуком *ш* также объясняется регрессивной ассимиляцией звука *с* последующим *ш*;

в) переднеязычному смычному *ч* литературного языка в начале слов соответствует переднеязычный придумной *ш*. Явление это наблюдается в следующих словах: *шың* вместо *чың* (роса), *шикләшәк* вместо *чикләвек* (орех), *шүкәш* вместо *чүкәч* (молоток), *шырыш* вместо *чырыш* (ель, елка), *шишмә* вместо *чишмә* (ключ, источник).

Отмечены случаи и обратного соответствия, т. е. замены *ш* звуком *ч*. Например, *чырыш* вместо *шырыш* (спичка), *чәшә* вместо *шәшә* (бутылка), *чичмә* вместо *чишмә* (ключ, источник), *чырчы* вместо *чырыш* (ель, елка)¹.

Приведенные факты показывают, что соответствие звуков *с* ~ *ч* ~ *ш* в данном говоре в большинстве случаев объясняется действием закона ассимиляции, который имеет здесь весьма различные проявления, о чем особо будет сказано дальше.

6. В параньгинском говоре так же, как и в других говорах среднего диалекта, заднеязычный придумной звук *х* литературного языка очень часто заменяется заднеязычным смычным *қ*. Примеры: *қатын*-

¹ Н. Т. Пенгитов. К вопросу о звуковом составе марийского языка (Ученые записки сектора языка и письменности, Маргосиздат, 1948 г., стр. 66).

¹ Слова *чишмә* (ключ), *чырыш* (ель) в говоре произносятся двояко, т. е. как *шишмә* и *чичмә, шырыш* и *чырчы*.

qыз вместо хатын-кыз (женщина), qəнифə вместо Хəнифə (имя собств.), Rəqим вместо Rəхим (имя собств.) и т. д.

В следующих словах наблюдается обратное явление, т. е. замена q звуком x: *вахыт* вместо *ваqыт* (время), *хəдər* вместо *qəдər* (до).

7. Придудной губно-губной f и губно-зубной ф литературного языка в говоре часто заменяются губно-губным смычным п. Примеры: *Шəрəпи* вместо *Шəрəфи* (имя собств.), *qəнəмпər* вместо *канə-fer* (гвоздика), *панир* вместо *фанер*, *пирмə* вместо *ферма* и т. д.

8. В следующих словах переднеязычному смычному d литературного языка в говоре соответствует переднеязычный придудной звук z: *qəzəq* вместо *кадак* (гвоздь), *Изəл* вместо *Идел* (Волга), *изəн* вместо *идəн* (пол).

Этим фонетическим явлением говор параньгинских татар сближается с сабинско-мамадышским подговором заказанского говора и мензелинским говором среднего диалекта, для которых, особенно для последнего, замена d звуком z является одной из самых характерных фонетических особенностей.

Кроме соответствия звуков, в параньгинском говоре отмечены еще другие фонетические явления, которые отличают данный говор от литературного языка. К ним относятся: явления ассимиляции и диссимиляции, метатеза, эпентеза и выпадения некоторых звуков.

Для данного говора характерна, главным образом, регрессивная ассимиляция, т. е. частичное или полное уподобление предшествующего согласного последующим. Такому виду ассимиляции подвергаются:

1. Звуки n и л в позиции перед заднеязычными g, k, q, q'. Примеры: *урманqə* вместо *урманга* (в лес), *qəzəqə* вместо *Казанга* (в Казань), *kəŋgə* вместо *kəngə* (в день), *касиqкы* вместо *косинка*, *Аŋgлия* вместо *Англия*; *qəŋqəрыш* вместо *ялгыш* (ошибка), *qəŋqəрал* вместо *ялган* (неправда), *qəŋqəрыз* вместо *ялгыз* (одинокий).

В данном случае переднеязычный носовой n (иногда даже и переднеязычный плавный л) под влиянием последующих заднеязычных k, g, q, q' переходят в заднеязычный носовой ŋ.

2. Переднеязычный носовой n в позиции перед губно-губным б и м. Примеры: *чымма* вместо *чынмы?* (правда ли?), *ышамма* вместо *ышанма* (не верь), *мим мəŋgəнчə* вместо *мин менgəнчə* (до моего прихода), *сим мандыммани бу кулмəкнə* вместо *син мандынмыни бу кулмəкнə* (ты разве покрасила это платье?), *икə кəммəни* вместо *икə кəнмəни* (разве два дня?), *умбиш* вместо *унбиш* (пятнадцать), *умбэр* вместо *унбэр* (одиннадцать), *кəмбагыш* вместо *кəнбагыш* (подсолнечник) и т. д.

3. Переднеязычный носовой n основы в позиции перед плавным л аффиксов *лар-лэр*, *ла-лə*, *лык-лек*, *лы-лə* и т. д. Примеры: *урмал-лар* вместо *урманнар* (леса), *болыллыq* вместо *болынлык* (луга), *урмаллы* вместо *урманлы* (лесистый), *тəллə* вместо *тəнлə* (ночью) и т. д.

4. Как уже было отмечено выше, замена в начале слов согласных ч и с звуком ш, например, *шырыш* < *чырыш* (ель), *шишмə* < *чишмə* (источник, ключ), *шəйлəшү* < *сəйлəшү* (разговаривать), *шугышу* < *сугышу* (драться) также представляет собою явление регрессивной ассимиляции.

Диссимиляция согласных в параньгинском говоре имеет меньшее распространение, чем ассимиляция. В наших материалах отмечены следующие два случая диссимиляции: 1) *андары* вместо литературного *аннары* (потом, затем); 2) *тишенү* вместо *чишенү* (раздеваться), *тушы* вместо *шушы* (это, этот), *тишу* вместо *чишу* (развязать).

Явления метатеза, т. е. перестановки звуков слова, наблюдаются в говоре в следующих словах: *кугəлə* вместо *кулəгə* (тень), *сулама* вместо *сумала* (смола), *бəтəрəксəз* вместо *бəтергесəз* (нескончаемый), *андра* вместо *андары* < *аннары* (затем), *шикəл-килбəт* вместо *килеш-килбəт* (внешность, внешний вид).

Выпадение согласных звуков (иногда даже целых слогов) отмечено в следующих случаях:

1. Звуки h и x в начале слов: *ич* вместо *hiч* (ни), *унəр* вместо *həнəр* (ремесло), *эммə* вместо *həммə* (все), *əзəр* вместо *хəзəр* (сейчас).

2. Звук ŋ в личных местоимениях: *миа* < *миŋа* (мне), *сиа* < *сиŋа* (тебе).

3. Звук k в соседстве со звуком p; такой случай зафиксирован в наших материалах только в одном слове: *тəрау* < *тəркау* (разбросанный).

4. В следующих словах выпадают слоги: *ишəлə* < *ишетелə* (слышно), *байнак* < *байагынак* (давеча).

В наших материалах отмечены следующие явления эпентезы (т. е. прибавления звука или слога в слове) и редупликации (т. е. удвоения согласного в слове):

1. Как было отмечено выше, в позиции между двумя гласными к звуку n систематически прибавляется звук g. Примеры: *сəŋgəл* < *сеŋел* (младшая сестра), *исəŋgə төшер* < *исəŋ төшер* (вспоминай), *куŋgəл* < *куŋел* (настроение), *таŋgəту* < *таŋ ту* (рассветать) и т. д.

2. Появление звуков в начале, в середине и в конце слов наблюдается в следующих случаях: *быргыт* < *ыргыт* (бросай), *арткылы* < *аркылы* (через), *qəртлау* < *котлау* (поздравить), *аппай* < *апай* (тетя, старшая сестра), *qəрыу* || *йыру* < *qəыр* (песня).

В качестве иллюстраций к фонетическим особенностям данного говора прилагаются несколько транскрибированных текстов, записанных членами экспедиции на месте главным образом от стариков и женщин.

Текст № 1

Бəздə ту|лар бола| булыр ы|ы: мин си|qə|тим əwəl бəр qызqə
|awчы qушалары|ы || jawчы килəп кəргəчəннəн би|gə|бəтлəп сə|ли:
мин сəзнəн qызqə тушы кəшəнəн улыннан |awчы булып килдəм | тор-
мы° шлары фəлəнчə ди || бəр килүдə гəнə бирмəсəлэр |бəрничə килə|
андарысын qыз атанасы бирмəкчə була | килəшкəч qызнын бəрэр зур-
раqраq нəстəсəн бирəп жибəрəлэр qул билгəситəп | надужны| булсын
əчəн || андарыqысын jawчə|тə: күпмə° qолаq сə|ə° нчə° сə соры° |сыз
дип || qыз əтисə |ə утыз° сум ди || |ə |əгəрмə биш сум ди | анын əстенə
читəккəwəш соры° || шуннан ту| итəлэр икə кəммə | əч. кəммə || ту|
вахытта |əгəт бəлə qызqə кəбən уqы|лар || ту|да ки|əу булмы| элə |
ту| бəтгəмə | ки|əуналмаqə китəлэр || ки|əу килгəчəннəн əчтəн ишəкнə
тоты° п торалар кəртмичə || анын үзəнəн жыруы бары|ы: ишəк бawы
|əз° сум |бəзнəн апа| мən сум дилэр ишəк бawы тотучы сəŋгел-
лэр| энəлэр || бəһасыннан тормабыз ди ки|əу | сатулашалар алар ба|
таq || аqча салoqач qына | ишəкначалар ки|əүгə ||

(Текст записан в селе Параньга
Параньгинского района Марийской АССР.)

Текст № 2

Рассказы стариков о расселении параньгинских татар
Элəк бу жирлəрдə татарлар булмаqаллар | марилар qына |əшə-
гəллэр || жау замалларында татарлар qазан |aqтан монда да күчəнəп
килгəллэр || баба|лар сə|лəрлэр и|ə бəзнəн Кəтнəгə qазан |aqтан Күəм|

Этнә | қырла | Искә таззар дигән асыллардан килгәлләр дип || башта өч-дүрт | орт киләнгән | андрагысын қына Кәтнашлы зура|қан || бәр қарчық бары|ы | ул бик зур | әшәп үлгәл | монда қырық қына жорт бул|қал дип сө|ләр|ә || әлгәрәгәләр ә|тмәшләр|әннән монда күчәлгән|гә өч|әзиллә (350) |ыллап бариндә ||

(Текст записан в селе Тат. Кития
Мари-Турецкого района Марийской АССР.)

Текст № 3

Монда татарлар күчкәлләр татар|нәдән | Сулабаш асыл|ннан || татарлар килгән|чә монда марилар утыр|қан бул|қан | Мазар дигән мари |әшәгән бул|қаллы|тан бу асылны Мазар башы дип тә |өртәләр || иң-гәлэк килгән татарлардан монда Алаша| баба| бул|қан | шуң|қа күрә асыл алаша|ка дип әйтәлгән || алаша| баба| башта |у|қары баш|қа утыр|қан | түбән |а|қта сазлы|қ бул|қан || бәзнән баба|лар тәрлэкчәлэк бәлән шө|ә° ллән|гәлләр | шуң|қа күрә тәрлэк|ләр|гә су кирәк бул|қа-чыннан түбән|гә дә төшөп утыр|қаллар ||

(Текст записан в селе Верхние Алашайки
Параньгинского района.)

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Говор параньгинских татар в системе именных частей речи не имеет существенных отличий от современного татарского литературного языка. Здесь можно отметить лишь некоторые отклонения от литературных норм. К ним относятся:

1. Образование сравнительной степени прилагательных повторым присоединением аффикса *рак-рак*. Это явление наблюдается в следующих словах: *дәүрәгрәк*¹ вместо *дәүрәк* (больше), *зуррагрәк* вместо *зуррак* (больше), *кечерәгрәк* вместо *кечерәк* (меньше), *әз-рәгрәк* вместо *азрак* (меньше), *катырагрәк* вместо *катырак* (жестче), *көчләрәгрәк* вместо *көчләрәк* (сильнее), *тизрәгрәк* вместо *тизрәк* (быстрее). В остальных случаях форма сравнительной степени говора ничем не отличается от литературного языка. Например: *кыйм-мәтрәк* (дороже), *кадерләрәк* (дороже), *сөйкемләрәк* (милее) и т. д.

2. Образование прилагательных от инфинитива на *-у-ү* при помощи аффикса *лы-ле*. Примеры: *яраулы кыз* (подходящая девушка), *әтисенә ошаулы бала* (ребенок, похожий на отца) и т. д. Этим формам прилагательных в литературном языке соответствуют прилагательные на *лык-лек* (ярарлык кыз) и причастия на *ган-гән* (әтисенә ошаган бала).

3. Смешение функций некоторых вопросительных местоимений. В литературном языке при вопросе о качестве, признаке предмета употребляется местоимение-прилагательное *нинди* (какой?), например: *нинди китап?* (какая книга?), *нинди алма?* (что за яблоко?) и т. д.

В говоре параньгинских татар в функции этого местоимения очень часто употребляется местоимение-существительное *нәрсә* или местоимение-наречие *ничек*. Примеры:

— Газетта *нәстә* хәбәрләр бар? (Вместо: Газетада нинди хәбәрләр бар? — Какие новости есть в газете?)

— *Нәстә* эшләр эшләмәгә килдөгез безнең авылга? (Вместо: Безнең авылга нинди эш белән килдөгез? — По каким делам приехали вы в нашу деревню?)

— Бүген мәйданга күлмәгемнең *ничеген* киим икән? (Вместо литературного: Бүген мәйданга күлмәгемнең ниндиен киим икән? — Какое платье надеть мне сегодня, когда пойду на гулянье?) и т. д.

¹ При описании морфологических и синтаксических особенностей примеры даются в обычной орфографии.

Необходимо также отметить, что вместо литературного *нәрсә* (что), этимологически состоящего из *нә + ирсә*, в говоре очень часто употребляется местоимение *нәстә*, которое, повидимому, также разлагается на *нә + әстә*. Примеры: *нәстә* күрден? (что видел?), *нәстә* язасын? (что поешь?) и т. д.

Морфологические особенности параньгинского говора, отличающие его от литературного языка, наблюдаются, главным образом, в образовании и употреблении некоторых глагольных форм. В наших материалах отмечены следующие особенности:

I. 2-е лицо мн. числа настоящего и будущего времени изъявительного наклонения, а также причастия прошедшего времени выражаются в говоре посредством сложного аффикса *сыгыз-сегез* вместо литературного *сыз-сез*. Примеры:

— Уенга *чыгасыгызма* бүген? (Вместо литературного: Уенга чыгасызмы бүген? — Пойдете сегодня на гулянье?)

— Печән чапкан жиргә иртәгә *барырсыгыз*. (Вместо: Печән чапкан жиргә иртәгә барырсыз. — Завтра пойдете на место сенокоса).

— Сөз бүген күрше авылга *баргансыгыз* икән. (Вместо: Сөз бүген күрше авылга баргансыз икән. — Сегодня, оказывается, вы ходили в соседнюю деревню.)

Кроме параньгинского говора, это морфологическое явление встречается в отдельных подговорах заказанского и мензелинского говоров среднего диалекта. Отметим, что в заказанском говоре этот аффикс имеет еще вариант на *ыгыз-егез*, который образует 2-е лицо мн. числа от причастий на *ган-гән*. Например: Сөз бу китапны *уыганыгыз* икән (Вместо литературного: Сөз бу китапны укыгансыз икән. — Оказывается, вы эту книгу читали.) и т. д.

В системе тюркских языков эта форма аффикса характерна для башкирского языка. Объясняя этимологию башкирского *һыгыз-һегез*, проф. Н. К. Дмитриев пишет, что „он (т. е. аф. *һыгыз-һегез*), очевидно, разлагается на 2 части: *һыг + ыз*, *һег + ез* и т. д. Первая часть есть видоизменение башкирского аффикса 2-го л. ед. числа (-һыг-һег < -һың-һең), а вторая часть (-ыз-ез) есть архаичный показатель множественности, по значению равный современному башкирскому -лар || -тар || -дар || -зар и т. д.“¹

II. Отрицательная форма будущего категорического времени в говоре выражается двояко: 1) как и в литературном языке, синтетически, т. е. присоединением к основе глаголов аффикса *ма + чак-мә + чәк* || *ма + ячак-мә + ячәк*; 2) аналитически, т. е. сочетанием формы изъявительного наклонения 1-го л. ед. числа прошедшего времени со словом *юк* (нет). Данная форма отрицания указывает, что говорящий в категорической форме сообщает о несовершении им самим какого-либо действия. Приведем примеры на употребление этого явления в говоре:

— Бүген уенга чыгам, өйдә *калдым юк*. (Вместо: Бүген уенга чыгам, өйдә калмаячакмын. — Сегодня выйду на гулянье, не останусь дома.)

— Мин күршегә генә керәм, анда озак *тордым юк*. (Вместо: Мин күршегә генә керәм, анда озак тормаячакмын. — Я зайду только к соседу, там долго не задержусь.)

Эта временная форма употребляется только в 1 лице ед. числа, в остальных лицах употребляется форма литературного языка. Для иллюстрации приводим парадигмы спряжения глагола *язу* (писать) в отрицательной форме.

¹ Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, АН СССР, 1948, стр. 53.

- 1 лицо *яз+ма+ячак+мын* || *яз+дым юк* (я не буду писать),
яз+ма+ячак+быз (мы не будем писать),
 2 лицо *яз+ма+ячак+сың* (ты не будешь писать),
яз+ма+ячак+сыгыз (вы не будете писать),
 3 лицо *яз+ма+ячак* (он не будет писать),
яз+ма+ячак+лар (они не будут писать).

III. Будущее время глаголов изъявительного наклонения в 1 лице единственного числа, в отличие от литературного языка, имеет в говоре две формы образования: полную и усеченную.

Полная форма так же, как и в литературном, образуется от глагольной основы путем присоединения аффикса *ар-эр* || *ыр-эр* || *р* и личных окончаний. Например: *ал* — *ал+ыр+мын* (возьму, буду брать), *көт* — *көт+эр+мен* (буду ждать) и т. д.

Усеченный вариант образуется от глагольной основы посредством аффиксов *ыр+ым-ер+ем* || *ым-ем*. Примеры:

— Иртэгэ иртүк *торым* да, сине *уятырым*. (Вместо: Иртэгэ иртэ үк *торырмын* да, сине *уятырмын*. — Завтра встану пораньше, и тебя разбуджу.)

— Мин сиңга бер сүз *әйтерем* эле (Вместо: Мин сиңга бер сүз *әйтермен* эле. — Я тебе сообщу чего-то.) и т. д.

Как видно из приведенных примеров, глаголы, имеющие в основе согласный *р* (тор, бар, кер, күр, утыр и т. д.), не получают аффикса *ыр-ер* вообще, т. е. будущее время подобных глаголов образуется в 1 лице ед. числа без временного показателя, посредством присоединения к глагольной основе лишь личного окончания *ым-ем*.

Кроме параньгинского говора, это морфологическое явление характерно и для говора татарского населения Нурлатского, Кайбицкого и Апастовского районов Тат. АССР.

IV. В татарском литературном языке для выражения различных оттенков прошедшего времени служат следующие формы:

- а) прошедшее законченное: *ал+ды*, *кил+де*;
- б) прошедшее продолжительное: *ал+а иде*, *кил+ә иде*;
- в) давнопрошедшее: *ал+ган иде*, *кил+гән иде*;
- г) давнопрошедшее продолжительное: *ал+а торган иде*,
кил+ә торган иде.

В говоре параньгинских татар, кроме этих форм, употребляется еще одна форма сложного прошедшего времени, которая образуется от формы будущего времени на *ыр-ер* плюс слово *иде*. Приведем схему спряжения:

Положительная форма, Отрицательная форма

1	<i>кил+ер иде-м</i>
<i>кил+ер иде-к</i>	<i>кил+мәс иде-м</i>
<i>кил+мәс иде-к</i>
2	<i>кил+ер иде-ң</i>
<i>кил+ер иде-гез</i>	<i>кил+мәс иде-ң</i>
<i>кил+мәс иде-гез</i>
3	<i>кил+ер иде</i>
<i>кил+ер+лар иде</i>	<i>кил+мәс иде</i>
<i>кил+мәс+лар иде</i>

По своему значению эта форма указывает на такое действие, которое происходило давно, повторяясь в течение продолжительного времени, и соответствует в литературном языке давнопрошедшему продолжительному *ала торган иде*. Примеры:

— Элек уеллар энә тушы жирдә *булыр ие*. (Вместо литературного: Элек уеллар энә шул жирдә була торган иде. — Раньше игры бывали на этом месте.)

— Минем әби эшкә бер дә *иренмәс ие*. (Вместо: Минем әби эшкә бер дә *иренми* торган иде. — Моя бабушка никогда не ленилась работать.)

V. Особенности в образовании деепричастных форм. 1. В татарском литературном языке причастная форма, образованная от глагольной основы путем присоединения аффикса *ганчы-гәнче*, обозначает такое действие, которое происходит или одновременно, или позже действия основного глагола. Например, в выражении *Өйгә килеп житкәнче сөйләшеп бардык* (букв.: разговаривая, шли до тех пор, пока не дошли до дома) действие причастия „килеп житкәнче“ происходит одновременно с действием основного глагола в предложении (*сөйләшеп бардык*).

В примере же „Син килеп житкәнче, мин эшнә бетердем“ (Я закончил работу прежде, чем ты пришел.) действия происходят одно за другим, т. е. 1-е лицо закончило свою работу раньше прихода 2-го лица.

Описываемый нами говор в употреблении этой формы деепричастия имеет некоторое отличие от литературного языка. Аффикс *ганчы-гәнче* употребляется в говоре для выражения, главным образом, параллельного действия. Примеры:

— Бәрәңгегә *барып житкәнче* атны чаптырып бардым. (Я гнал лошадь вскачь до тех пор, пока не приехал в Параньгу.)

— Әнисе кер *юганчы*, баланы апаларында калдырдым. (Пока мать стирала, я оставила ребенка у тетки.)

Для выражения же последовательного действия в говоре употребляется другая причастная форма, которая образуется от глаголов изъявительного наклонения в отрицательной форме будущего времени плюс слово *борын* (раньше, пока). Примеры:

— Мин *килмәс борын*, китми тор. (Вместо литературного: Мин *килгәнче*, китми тор. — Пока я не приду, не уходи.)

— Бала *йокламас борын*, эшкә тотындым юк эле. (Вместо: Бала *йоклаганчы*, эшкә тотынмаячакмын. — Не примусь за работу, пока ребенок не заснет.)

2. В современном татарском литературном языке деепричастие на *а-ә* || *й* встречается довольно редко. В качестве деепричастия оно употребляется, главным образом, в повторенном виде и означает образ действия основного глагола. Например: *чаба-чаба килде* (букв.: пришел бегая-бегая), *ашыга-ашыга сөйли* (говорит торопясь; букв.: торопясь-торопясь) и т. д.

В говоре параньгинских татар деепричастие на *а-ә* || *й*, в отличие от литературного языка, имеет более широкое употребление: по значению оно соответствует не только деепричастию на *ыл-еп*, но может также заменять деепричастие на *гач-гәч* и инфинитив на *ырга-ергә* литературного языка. Примеры:

— Бәрәңгегә барганда безгә дә *керә чык*. (Бәрәңгегә барганда безгә дә *кереп чык*. — Когда пойдешь в Параньгу, зайди и к нам.)

— Уракка бер-ике көн *кала барырбыз кура жиләгенә*. (Вместо: Уракка төшәргә бер-ике көн *калгач кура жиләгенә барырбыз*. — Когда до начала уборки останется несколько дней, пойдем за малиной.)

— Жырласагыз, *тыңлый* төшәр идек (Вместо: Жырласагыз *тыңларга килер идек*. — Если будете петь, мы бы пришли слушать.) и т. д.

3. Вместо деепричастной формы на *гач-гәч* литературного языка в говоре очень часто употребляются образования на *гач+ыннан-гәч+еннән*. Примеры:

— Жәй *үткәченнән* бардым Йошкарга. (Вместо: Йошкар-Олага жәй *үткәч* бардым. — После того, как прошло лето, я ездил в Йошкар-Ола.)

— Безнең өй тушы тауны *менгәченнән*. (Вместо: Безнең өй тушы тауны *менгәч*. — Наш дом — как только взойдешь на эту гору.)

4. В говоре нами отмечено наличие еще одной деепричастной

формы, которой нет в литературном языке. Эта форма представляет собою образование, состоящее из прошедшего времени изъявительного наклонения плюс аффикс *дагысыннан-дэгесеннән*. По своему значению эта форма говора соответствует деепричастию на *гач-гач* литературного языка, указывающему на действие, которое предшествует действию основного глагола. Примеры:

— Сине *курдемдэгесеннән* сүземне оныттым. (Вместо литературного: Сине кургач, сүземне оныттым. — Увидев тебя, забыл свои слова.)

— Син *килдеңдэгесеннән*, күңелле була. (Вместо: Син килгач, күңелле була. — Когда приходишь ты, становится весело.) и т. д.

По своему морфологическому составу деепричастие *барды+дагы+сыннан* состоит из фонетически измененной целой группы слов, т. е. из прошедшего времени изъявительного наклонения глагола (барды) плюс союз *да (гы)*¹ и исходный падеж слова *соң* (после).

Таким образом, в говоре параньгинских татар, наряду с литературными формами, которые все больше и больше проникают в говоры и диалекты, сглаживая их местные особенности, существуют еще и вышеуказанные деепричастные формы.

VI. Инфинитив. В говоре отмечено наличие следующих форм инфинитива:

1. Форма на *ырга-ергә*. Примеры:

— Мин *укырга* Йашкарга барам. (Мин укырга Йошкар-Олага барам. — Я поеду учиться в Йошкар-Ола.)

2. Форма на *мага-мәгә*. Примеры:

— *Укымага* берәр китап бир эле. (Укырга берәр китап бир эле. — Дай-ка какую-нибудь книгу почитать.) и т. д.

3. Форма на *асы-әсе*, которая, кроме причастия будущего времени, в данном говоре может выражать и инфинитив со значением категорического долженствования. Примеры:

— Печән чапкан жиргә тушы шыршылар яннан *барасы*. (Вместо литературного: Печән чапкан жиргә шушы чыршылар янынан барырга. — На место сенокоса нужно идти мимо этих елей.)

— Мина иртәгә дежур *торасы*. (Вместо: Мина иртәгә дежур торырга. — Мне завтра дежурить.) и т. д.

Из этих трех форм инфинитива в говоре наиболее активно употребляется форма на *мага-мәгә*. По сравнению с нею форма на *ырга-ергә* имеет ограниченную сферу употребления; ее можно встретить, главным образом, в речи интеллигенции и учащихся, владеющих нормами татарского литературного языка.

Инфинитив на *асы-әсе* говора употребляется в тех случаях, когда сообщается о действии, которое совершится обязательно. Ее можно было бы назвать инфинитивом будущего времени со значением долженствования.

Употребление формы на *асы-әсе* в роли инфинитива характерно для многих говоров среднего диалекта татарского языка. Она распространяется, в основном, на заказанский, нагорный, каринско-глазовский и параньгинский говоры.

VII. Имя действия на *ыш-еш*. К числу морфологических особенностей говора, отличающих его не только от литературного языка, но и от других говоров и диалектов татарского языка, относится наличие в нем особой формы имени действия, которая образуется от основы глаголов путем присоединения аффикса *ыш-еш*. Примеры:

¹ В некоторых говорах среднего диалекта, например, в заказанском и мензелинском говорах, вместо сочинительного союза *да-да* || *та-та* литературного языка и в настоящее время употребляется *дагын-дәген* || *тагын-тәгәй*.

— *Китешмени* инде сезнең безнең авылдан? (Вместо литературного: Сезнең китегезмени инде безнең авылдан? — Уже вы уезжаете из нашей деревни? Букв.: Уже ваш отъезд из нашей деревни?)

— Минем эле клубтан *кайтыш* кына. (Вместо: Минем эле клубтан кайтуым гына. — Я только что пришел из клуба. Букв.: Только что мой приход из клуба.) и т. д.

Приведенные примеры показывают, что форма на *ыш-еш* говора соответствует форме на *у-ү* в литературном языке (*бару* — хождение, ходить; *килү* — приход, приходить). Однако, между формами на *ыш-еш* говора и на *у-ү* литературного языка существуют некоторые отличия: во-первых, имена действия на *ыш-еш* говора образуются, главным образом, от глаголов, обозначающих движение (*бар+ыш*, *кил+еш*, *төш+еш*, *кит+еш*, *кай+тыш*, *мен+еш*, *йөр+еш* и т. д.), и выражают только имя действия.

Форма на *у-ү*, кроме имени действия, может выражать и инфинитив; в таких случаях она совпадает с инфинитивом на *ырга-ергә*. Например: Балага яхшы итеп *аңлату* кирәк. (Надо ребенку хорошенько объяснить.) Эту фразу можно передать и так: Балага яхшы итеп *аңлатырга* кирәк. (Ребенку надо хорошенько объяснить.)

Во-вторых, форма на *ыш-еш* говора, в отличие от формы на *у-ү*, не принимает глагольное отрицание *ма-мә*; отрицательная форма ее образуется аналитически, путем синтаксической связи со словом *түгел*. Например: Минем сезгә беренче генә *килеш түгел*. (Я к вам прихожу не первый раз.)

В-третьих, имя действия на *ыш-еш* говора, как и всякое имя, совершенно нейтрально в отношении категории времени, наклонения и спряжения. В то же время оно свободно присоединяет различные морфологические категории, присущие именам. Например, фразу литературного языка *минем китеүем* (букв. мой уход или мой отъезд) в данном говоре передают двумя способами: 1) аналитически (*минем китеш* — мой уход) и 2) синтетически (*китеш+ем* — мой уход).

Следует отметить, что из этих двух форм в говоре наибольшее употребление имеет аналитическая форма (*минем китеш*, *синең китеш*, *аның китеш*).

Из падежных окончаний имя действия на *ыш-еш* принимает только форму дательного падежа, употребление его в других падежах не известно. Приведем примеры на употребление в дательном падеже:

— Балалар *кайтышка* аш хәзерлисе бар. (Вместо литературного: Балалар кайтуга аш хәзерлисе бар. — К приходу детей надо готовить обед.)

— Син *килешкә*, мин ул китапны хәзерләп куярмын. (Вместо: Мин ул китапны син килүгә хәзерләп куярмын. — К твоему приходу я приготовлю эту книгу.) и т. д.

Из формы на *ыш-еш* путем присоединения к ней аффикса *лы-ли* образуется также особый тип деепричастия (*барышлы* — когда будешь идти, идя), которое соответствует в литературном языке причастию на *ган-гән* в местном падеже. Примеры:

— Курортка *барышлы* Казанга кердем. (Вместо: Курортка барганда Казанга кердем. — Когда ехал на курорт, остановился в Казани.)

— Клубтан *кайтышлы* безгә кер. (Вместо: Клубтан кайтканда безгә кер. — Когда будешь возвращаться из клуба, заходи к нам.) и т. д.

Материалы по говору показывают, что данную форму деепричастия образуют только следующие шесть глаголов, обозначающих движение: *бару* (*барышлы* — идя; по пути; букв.: когда пойдешь), *кайту* (*кайтышлы* — возвращаясь); *китү* (*китешли* — уходя); *төшү* (*төшешли* — спускаясь); *мену* (*менешли* — когда будешь взбираться, взбираясь).

В области синтаксиса говор параньгинских татар мало чем отличается от литературного языка. Отклонения от установленных в татарском литературном языке норм обнаруживают лишь некоторые формы синтаксической связи слов. К ним относятся:

I. Определительно-притяжательные сочетания слов типа *шомырт чачэге* (цветок черемухи). Подобные изафетные конструкции литературного языка выражаются в говоре двояко: 1) сочетанием двух имен без морфологического показателя, т. е. без аффикса принадлежности при определяемом, например: *кунак кыз* (вместо литературного *кунак кызы* — гостя, букв. дочь гостя), *шомырт чачэк* (вместо *шомырт чачэге* — цветок черемухи) и т. д.; 2) сочетанием двух имен, из которых второе — определяемое — дополнительно принимает аффикс принадлежности 3-го лица *сы-се*. Примеры: *бодай онысы* (вместо литературного *бодай оны* — пшеничная мука), *нарат эжилэгесе* (вместо *нарат эжилэге* — брусника, букв. сосновая ягода) и т. д.

Судя по нашим материалам, в говоре преобладающим является сочетание без аффикса принадлежности, т. е. конструкция типа *шомырт чачэк*. В этом морфолого-синтаксическом явлении говор параньгинских татар обнаруживает сходство с другими говорами татарского языка, а именно говорами каринских (Кировская область) и глазовских (Удм. АССР) татар, а также крещеных татар Подберезинского района, ТАССР.

II. Смещение функций падежных форм. В следующих сочетаниях, выражающих приглашение, уважение и угощение, вместо дательного падежа употребляется исходный падеж: *утырыгыз урыннан* (< утырыгыз урынга — садитесь на место), *узыгыз түрдән* (< узыгыз түргә — приходите в переднюю часть комнаты), *житешегез чәйдән* (< житешегез чәйгә — пейте чай). Известно, что глаголы *утыру* (сидеть), *узу* (проходить), *житешу* (доставать, успевать) в татарском языке обычно управляют дательным падежом.

В следующих выражениях вместо винительного падежа употребляется неопределенный падеж: *авыл чыккачыннан* вместо *авылны чыккач* (когда вышли из села), *эйбәт йокламасан баш аңгырайта* вместо... *башны аңгырайта* || *баш аңгырый* (если не выпнешься, то голова не соображает).

Таковы данные о говоре параньгинских татар, которые собраны нами во время экспедиции летом 1953 года. Значение этого материала заключается прежде всего в том, что он впервые дает полные сведения о говоре параньгинских татар.

Изучение говора в сравнении с литературным языком, а также сопоставление его с другими говорами и диалектами татарского языка позволили определить место говора параньгинских татар среди других говоров и уточнить его границы. До наших исследований говор параньгинских татар рассматривался как самостоятельный говор татарского языка, не связанный с другими его говорами, и не выходящий за пределы границы Марийской АССР. Однако наши материалы по параньгинскому говору, сравнение их с материалами по другим говорам и диалектам татарского языка показывают, что границы распространения параньгинского говора гораздо шире.

Многие особенности, отличающие этот говор от литературного языка, обнаруживаются также в заказанском говоре среднего диалекта. В особенности к параньгинскому говору близки говоры Атнинского, Кзыл-Юлского, частично Дубьязского и Арского районов Татарской АССР. Поэтому данный говор было бы правильнее именовать атнинско-параньгинским говором среднего диалекта.

Н. Ф. КАЛИНИН,

РАСКОПКИ В КАЗАНСКОМ КРЕМЛЕ В 1953 ГОДУ

Организованные Казанским филиалом Академии Наук СССР в 1953 году раскопки¹ поставили задачей начало систематического изучения археологических остатков на территории кремля, выявля-

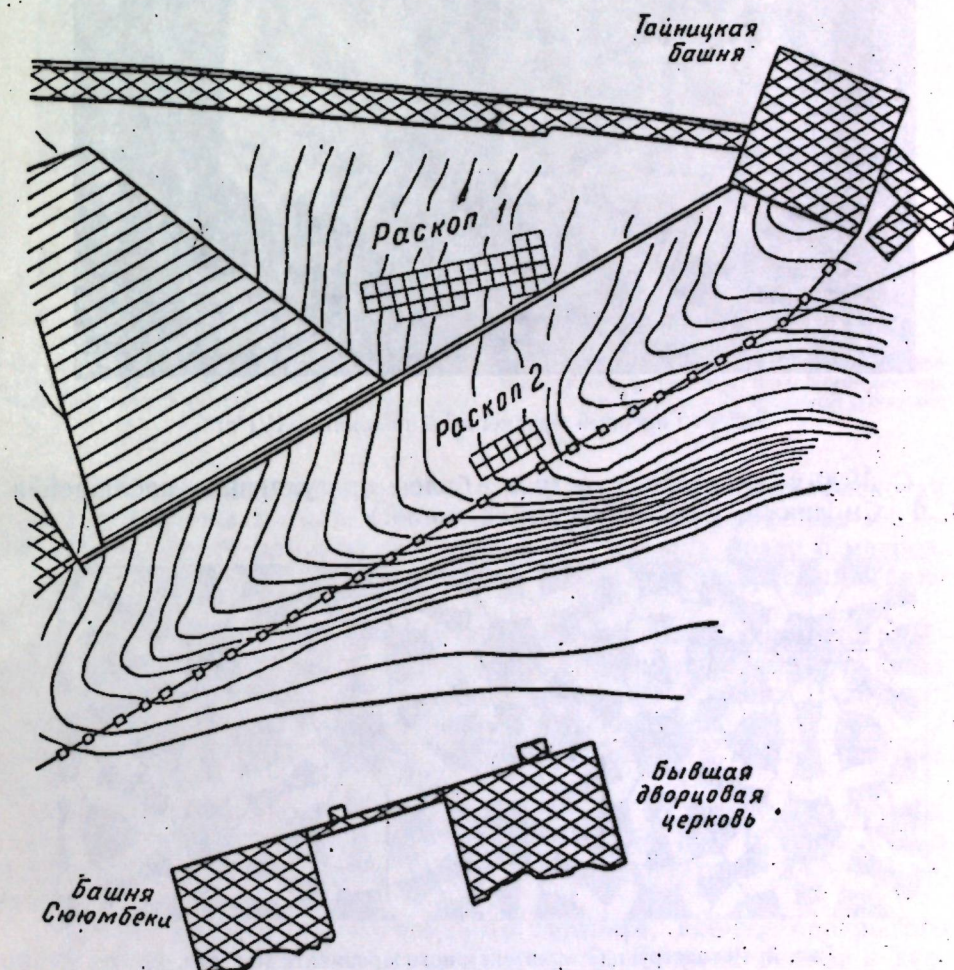

Рис. 1. План расположения раскопов в кремле (1953 г.).

¹ Под руководством автора, при участии м. н. сотр. КФАН СССР А. Х. Халикова и группы студентов Казанского университета.

ние особенностей исторической топографии, решение вопроса о начале заселения кремлевского холма, определение характера хозяйства и быта населения. Было заложено два раскопа в северо-западной части кремля (рис. 1).

Археологические работы и наблюдения прошлых лет были отрывочны. В 1860—1870-х гг. в кремле были найдены клады русских монет XV—начала XVI вв., гипсовые архитектурные орнаменты от татарских зданий XV—XVI вв. (рис. 2), имеющие форму восточных герихов (рис. 3), сфероконысы болгарского типа и другие вещи.

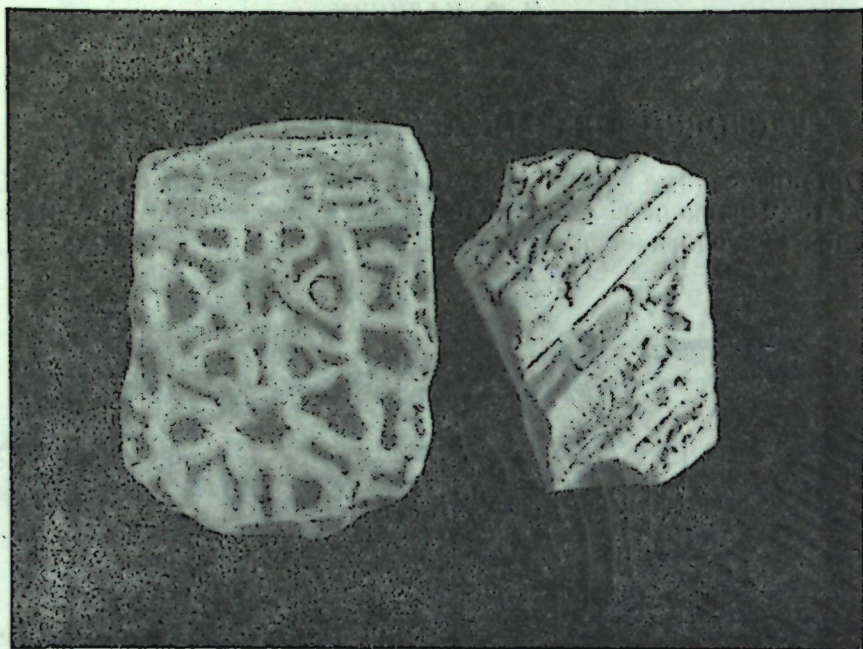

Рис. 2. Гипсовый орнамент I-й половины XVI в.

С 1920-х г. стали вестись более регулярные наблюдения В. Ф. Смолиным, В. В. Егеровым и мною.

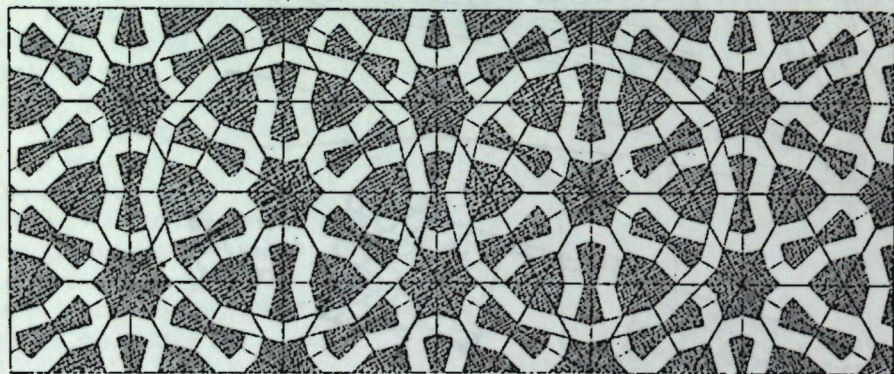

Рис. 3. Реконструкция архитектурного орнамента (см. рис. 2).

В 1928—1929 гг. производились раскопки под руководством И. Н. Бороздина в северо-восточной части кремля. Была выявлена следующая стратиграфия: I слой XX—XIX вв. со средней мощностью 80 см; слои II, III—XVIII, XVII и второй половины XVI в.—120 см;

слой IV, татарский, XVI—XV вв.—80 см. В русском слое, помимо разнообразного вещного материала, был обнаружен фундамент каменной крепостной стены, шедшей по венцу холма, а также вскрыта русская деревянная постройка XVI века. В татарском слое обнаружены были тоже части деревянных построек. Керамика этого слоя аналогична поздне-булгарской. Под русским фундаментом Дворцовой церкви на глубине 110 см обнаружен второй фундамент, резко отличающийся от русского и близкий к болгарским известняковым кладкам (рис. 4).

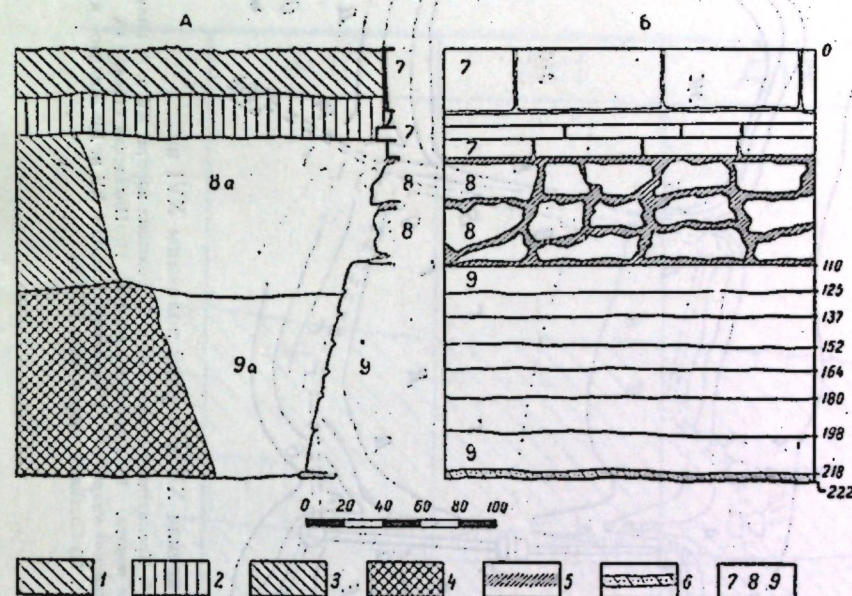

Рис. 4. Фундамент бывшей Дворцовой Церкви.

А) Профиль раскопа. Б) Лицевой вид. 1. Слой XIX—XX вв. 2. Слой XVIII в. 3. Слой XVII и второй половины XVI вв. 4. Слой первой пол. XVI и XV вв. 5. Глиняный раствор кладки. 6. Известковый раствор. 7. Известняковая кладка XVII в. 8. Фундамент XVII в. 8 а. Котлован XVII в. 9. Фундамент татарской постройки первой пол. XVI в. 9 а. Котлован татарской постройки.

В 1935 году под моим руководством прошли небольшие раскопки у северной стены кремля. Слои здесь те же, что и в раскопах 1928—1929 гг., но более мощные и доходят до глубины более 5 метров.

В 1947 году и в следующие годы сделан ряд интересных наблюдений в разных частях кремля.

В целом за длинный ряд лет накопилось немало данных по археологии кремля. Это дало возможность построить реконструкцию плана древнего кремля XV—первой половины XVI вв. План этот дает общее представление о топографии кремля (рис. 5).

При раскопках 1953 г. была вскрыта площадь в 176 м² с кубатурой в 660 м³.

Мощность культурного слоя достигает в I раскопе 6 метров. I слой XX—XIX вв.—до 2 м, II слой XVIII в.—до 1 м, III слой XVII и второй половины XVI в.—до 2 м и IV татарский слой XVI—XV вв. достигает толщины 1,8 м.

Материк состоит из лёссовидного суглинка, кое-где прикрытого тонкой прослойкой лесного подзола (рис. 6). Древний рельеф в данной части холма был гораздо круче современного, спланированного в XVIII—XX вв. Форма древнего рельефа показана на чертеже (рис. 7).

Рассмотрим III слой, относящийся к XVI—XVII вв.

В этом, русском, слое обнаружены части трех деревянных построек (рис. 7).

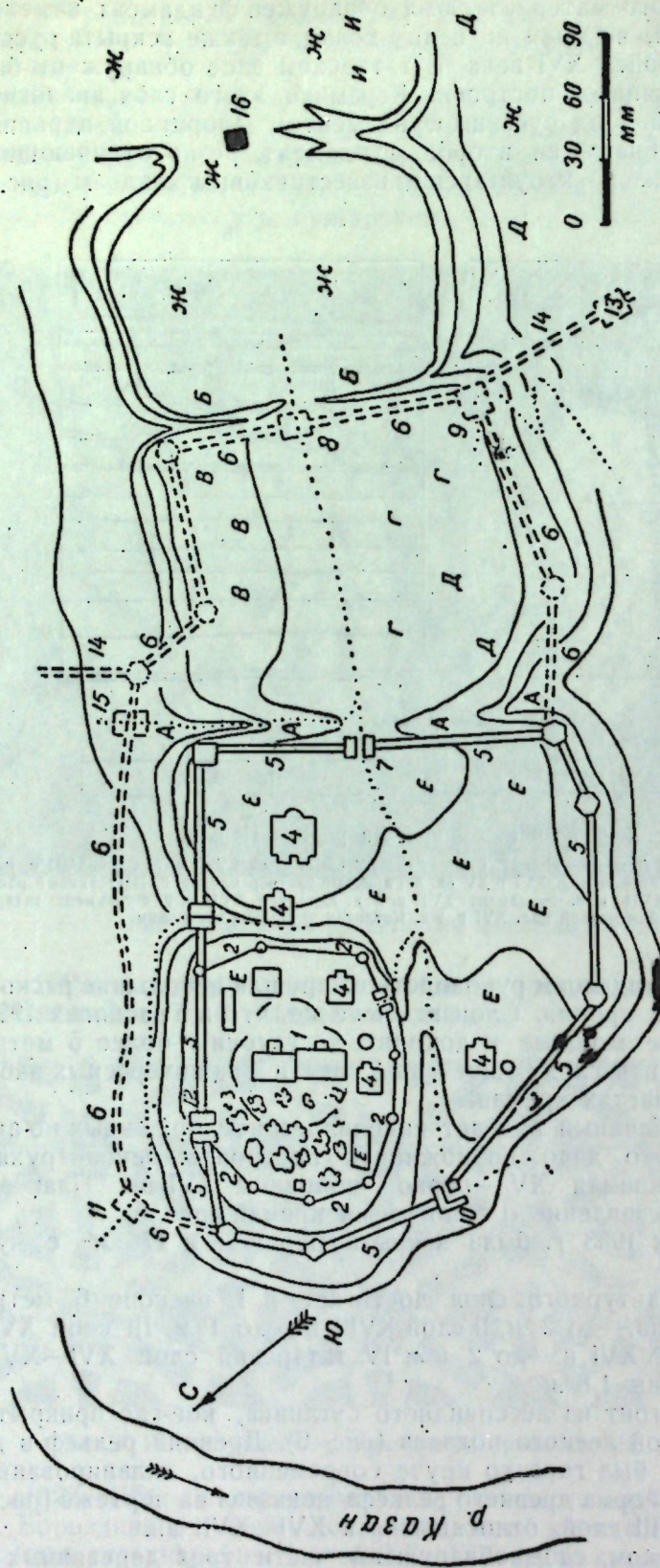
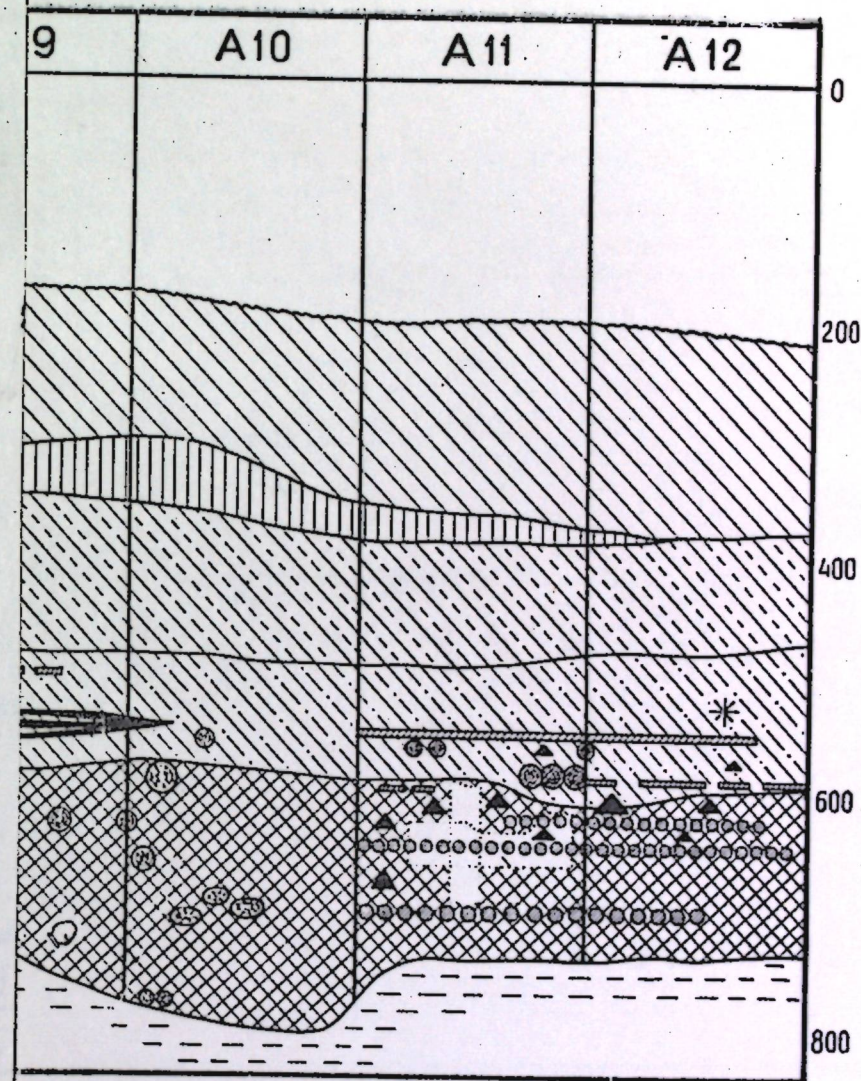

Рис. 5. Реконструкция плана казанского кремля XV и первой половины XVI вв.

1. Ханский дворец. 2. Ограда ханского двора. 4. Мечети. 5. Крепостные стены XV в. 6. Крепостные стены XVI в. 7. Большие ворота XV в. 8. Большие ворота XVI в. 9. Тюменские ворота. 10. Ворота Алабуга. 11. Ворота Алабуга. 12. Дворцовые ворота. 13. Атамыские ворота. 14. Посадская стена. 15. Сбойливые ворота. 16. Современная Спасская башня. А) Театальный ров. Б) Ров XVI в. В) Магметанское кладбище. Г) Торговый квартал XV в. Д) Жилища купцов. Е) Жилища феодалов. Ж) Ремесленные кварталы. И) Гостиный двор II пол. XVI в.

голь. 10. Монеты XVI в. 11. Кожевные изделия. 12. Сосуд XVI в.

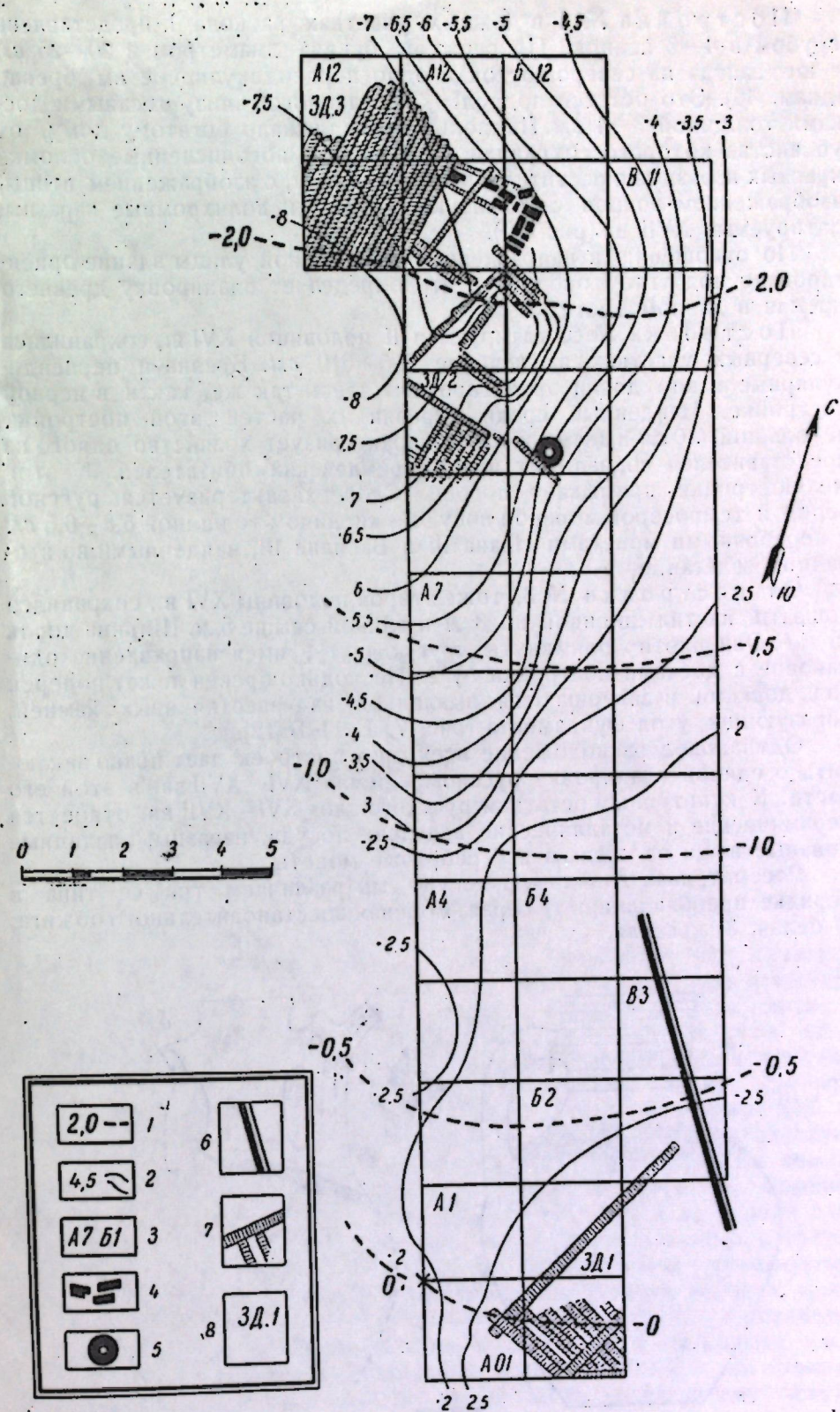

Рис. 7. План раскопа I 1953 года.

1. Горизонтали наружного рельефа. 2. Горизонтали подземного рельефа. 3. Нумерация квадратов. 4. Известняковые камни. 5. Ручной жернов. 6. Направление современной улицы. 7. Части деревянных построек. 8. Нумерация построек.

Постройка № 1 в южных участках раскопа I представлена срубом в 4—5 венцов. Прослежены бревна диаметром в 20—25 см с юго-запада на северо-восток и одно перпендикулярное им бревно (диам. 40). Это остатки подполья, застланного внизу тесаными досками толщиной 3—4 см. Подполье принадлежало богатому дому, от убранства которого сохранились довольно многочисленные обломки красных изразцов с растительным орнаментом, с изображением птицы, изображением воинов с надписью „армия“ и полихромные изразцы, датируемые XVII в. (рис. 15).

По отношению к направлению современной улицы здание ориентировано под углом около 60°, что определяет планировку древнего кремля в данном месте.

Постройка № 2, датируемая II половиной XVI в., сохранилась в северных участках на глубине 305—610 см. Бревна и перпендикулярные к ним доски ориентированы здесь так же, как и в первой постройке. Найденный среди деревянных частей этой постройки небольшой (40 см в диам.) жернов характеризует хозяйство одного из представителей социальных низов кремлевских обитателей. К этой же постройке примыкает погреб. Слой характеризуется русской белой и темносерой мореной посудой, кирпичом толщиной 5,8—6,5 см и серебряными монетами Ивана III и Василия III, найденными во вторичном залегании.

От постройки № 3, тоже второй половины XVI в., сохранился дощатый настил шириной до 3 м и длиной свыше 5 м. Ширина досок 25 см. Они плотно примкнуты друг к другу, имея направление одинаковое с досками постройки № 2. Несколько бревен лежат поперек под досками и завершаются выкладкой из известняковых камней, образующих угол фундамента (рис. 7, Б 11 Б 12).

Одинаковое расположение всех трех построек дает право заключить о единой планировке русского кремля XVI—XVII вв. в этой его части. К культурным остаткам русского слоя XVI—XVII вв. относятся керамические и металлические изделия: посуда, изразцы, различные кованые вещи из железа и серебряные монеты.

Рассматривая гончарную посуду, мы различаем три ее типа в порядке преобладания: 1) серая, мореная восстановительного обжига; 2) белая; 3) красная.

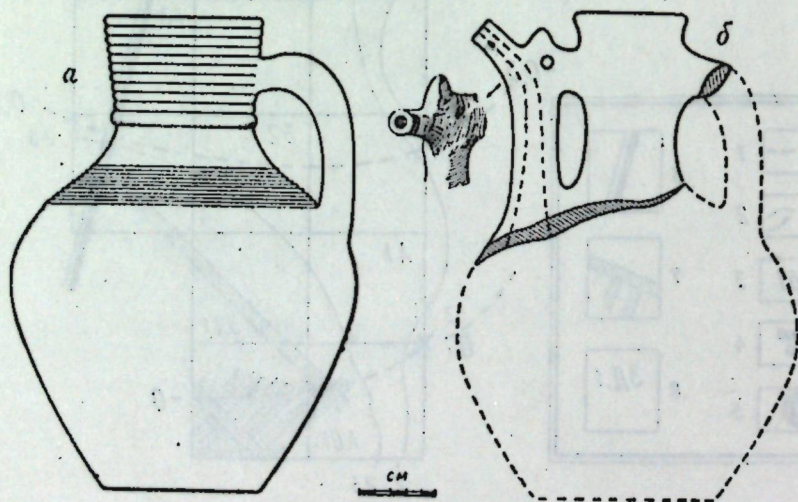

Рис. 8. Русские глиняные сосуды XVI—XVII вв.:

а) кувшин; б) кумган.

Серая посуда представлена двумя разновидностями. Серая щедроховатая и темносерая лощеная. К первому виду относятся низкие широкие чашки, кувшины, кумганы (рис. 8, 9).

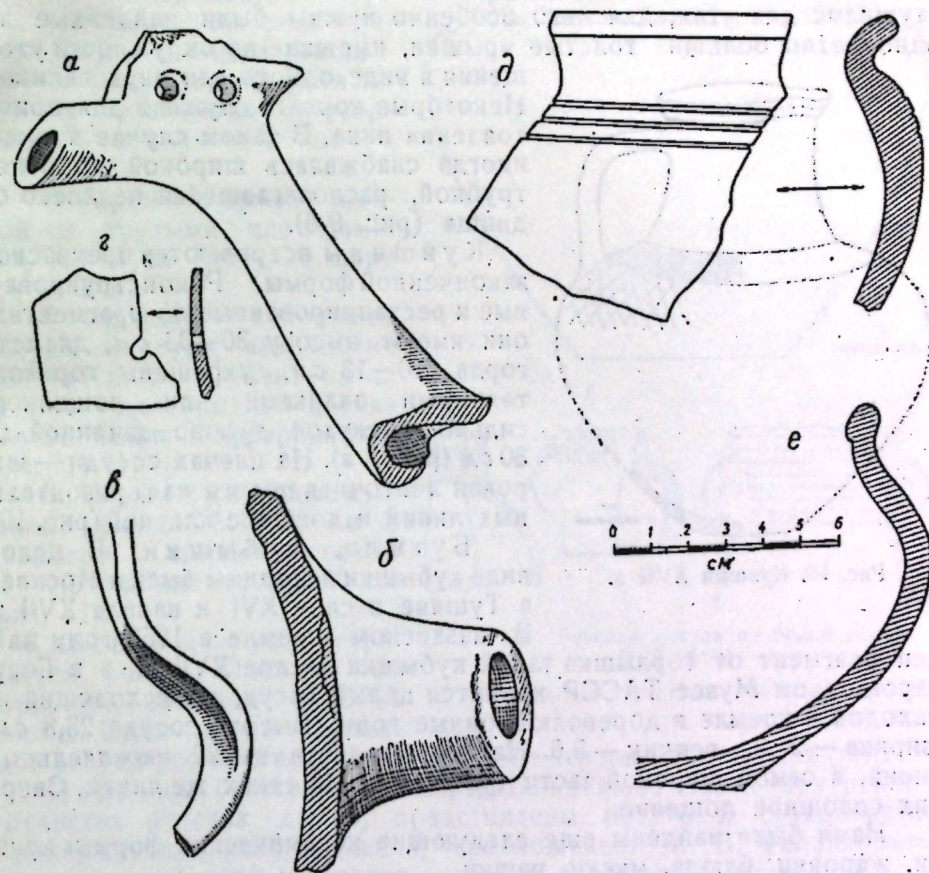

Рис. 9. Фрагменты русской глиняной посуды XVI—XVII вв.

а) носик кумгана; б) трубка корчаги; в) носик жбана; г) стенка тонкого сосуда со склоном отпертием; д, е) профиль горшков.

Особый интерес представляют кумганы рукомон, или кувшины с узким носиком. Форма эта, как и название „кумган“, как известно, восточные. Кумганы бытовали в русских городах, в том числе в Москве, где они представляли предметы местного русского изготовления, хотя и созданные под влиянием Востока. Для русской Казани этим „востоком“ является, конечно, сама Казань, так что в русских казанских кумганах XVII в. и второй половины XVI в. естественнее всего видеть проявление культурного воздействия казанско-татарских гончаров на русских. Особенно обращает внимание форма сливных носиков в виде птичьей головки на длинной шее и с гребешком, видимо, петушиным (рис. 8 б, 9 а). Среди гончарных изделий, найденных в Москве, такие формы, видимо, встречаются, но не опубликованы. В статьях М. Г. Рабиновича¹ указываются носики в форме бараньей и лошадиной головы. Птичья головка, даже точнее петушинная, вероятно, является преимущественно и специально казанской, древней формой. Она встречается в татарском слое XV—XVI вв., а также в болгарских слоях XIII—XIV вв. Зилант на казанском гербе, как известно, тоже часто имеет форму петуха со змеиным хвостом.

¹ М. Г. Рабинович, Гончарная слобода в Москве, МИА — 7, стр. 61. Его же, Раскопки 1946—47 гг. в Москве на устье р. Яузы, МИА — 12, стр. 76—77.

Кроме кумганов, к лощеной посуде относятся горшки, корчаги — диаметром до 50 см. Корчаги служили для хранения продуктов (крупы, муки и т. п.), для изготовления теста. Использовались они и в качестве глушилок для угля, для чего особенно нужны были найденные неоднократно большие толстые крышки, имевшие по окружности утолщения в виде одного или двух валиков. Некоторые корчаги служили для приготовления пива. В таком случае корчага иногда снабжалась широкой короткой трубкой, располагавшейся недалеко от дна (рис. 9 б).

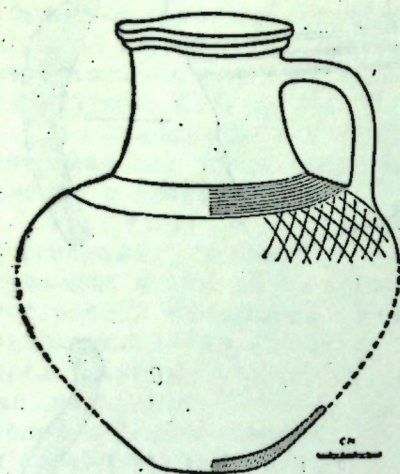

Рис. 10. Кувшин XVII в.

Кувшины встречаются прекрасной законченной формы. Реконструированные и реставрированные по фрагментам, они имеют высоту 30—33 см, диаметр горла 10—13 см, украшены горизонтальными валиками или лощением; сильно выгнутое тулово шириной до 30 см (рис. 8 а). На плечах сосуда — широкая ленточная полоса из горизонтальных линий и лощение клеткой (рис. 10).

Бутыли, кубышки. В целом виде кубышки находимы были в Москве¹, в Тушине в слое XVI и начала XVII в. В казанском кремле в 1953 году най-

ден фрагмент от горлышка такой кубышки в слое XVII в., а в Государственном Музее ТАССР хранится целый сосуд, происходящий из находок в кремле в дореволюционные годы. Высота сосуда 23,8 см, ширина — 21,9, венчик — 5,6. На плечах лента из 22 параллельных линий, в самой широкой части тулова еще 13 таких же линий. Сверху сплошное лощение.

Нами были найдены еще следующие керамические формы: кринки, жаровни, блюда, миски, чашки.

Чернильницы. Чернильницы являются самыми миниатюрными сосудиками. Высота нашего сосуда 5 см, ширина 6,5, диам. венчика 2,2 см. На венчике имеется маленькое отверстие для прикрепления металлической крышки. Форма этой чернильницы аналогична болгарским и среднеазиатским чернильницам XIV века.

Про приемы лощения на серой посуде следует сказать, что они обычны и одинаковы с русской посудой, находимой в других местностях. Преобладает сплошное горизонтальное лощение, затем идет лощение сетчатое — полосами, образующими при перекрещивании ромбы. Правильное ромбическое лощение относится преимущественно к XVII в. Небольшая часть сосудов имеет лощение вертикальное — нерегулярными полосами. Этот прием лощения очень близок к болгарскому, татарскому. Мы считаем его местным.

Белая посуда изготовлена из белой, не местной, глины и является привозной из центральных русских областей. Стенки сосудов тонкие (4—5 мм), шероховатые, по венчику украшены волнистой линией или тонкими горизонтальными линиями, глубоко прочерченными не гребнем, а иглой — для каждой линии отдельно.

Сосуды прекрасно обожжены, при ударе звенят. К ним относятся:

1. Горшки с крутыми плечами, с короткой сильно изогнутой шейкой (рис. 11 а).

2. Горшки с покатыми плечами более грубой выделки, сероватого цвета.

3. Горшки с высокой прямой шейкой и покатыми плечиками. Шейка вся покрыта линейным орнаментом, прочерченным иглой или шилом (рис. 11 б).

4. Горшки с прямой шейкой и крутыми плечиками. Форма сосуда близка к шару (рис. 11 в).

5. Кринки — небольшие сосуды с двумя маленькими ручками и со ступенькой на венчике для крышки. Шейка горизонтально гофрированная (рис. 11 г).

6. Корчаги и крупные кувшины, дна 8—10 см в диаметре, ширина сосуда 35—40 см, высота до 40 см (рис. 12).

Красная посуда встречается редко. Обломки от горшков — обычной русской формы. Один целый небольшой сосуд буро-красного цвета близок по форме болгарским (рис. 13).

Изразцы, составлявшие выразительнейшие части внутреннего убранства русских домов, представлены богато и разнообразно. Придерживаясь классификации, предложенной А. В. Филипповым¹, мы отмечаем среди казанских изразцов следующие типы:

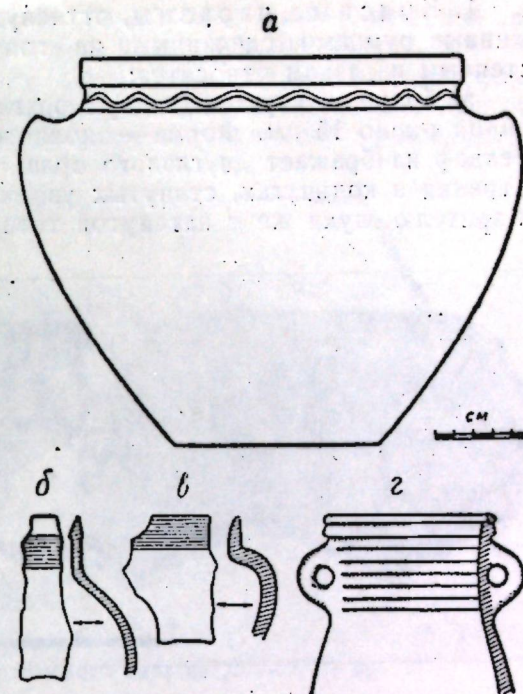

Рис. 11. Русская посуда из белой глины XVI—XVII вв.:

а) горшок; б, в) части горшочков; г) часть кринки.

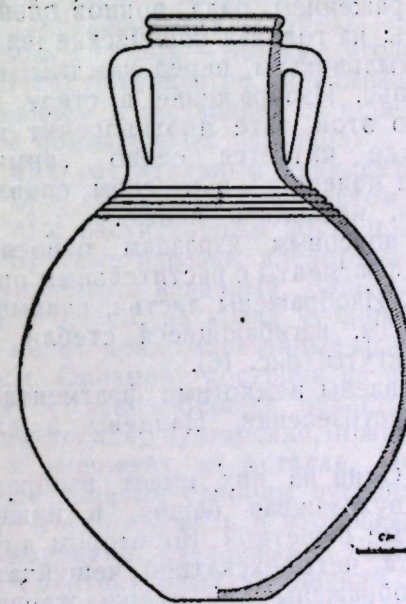

Рис. 12. Русская корчага из белой глины XVII в.

Рис. 13. Русский сосудик из красной глины XVI в.

¹ М. Г. Рабинович, Раскопки 1946—1947 гг. в Москве на устье р. Яузы, МИА — 12, стр. 13; рис. 17 б; стр. 75, рис. 8—12.

¹ А. В. Филиппов, Древнерусские изразцы, т. I, М., 1938 г.

1. Красные изразцы, оттиснутые в деревянных формах, снабженные румпами, сделанными на гончарном круге. К коробчатым стенным изразцам относятся:

а) большой изразец (в двух фрагментах) длиной около 41, шириной около 15 см. Форма — оконного наличника с двумя арочками. Рельеф изображает двуглавого орла; по краям — стрелки из лука. Стрелки в кольчугах, стянутых узорчатым поясом. Лица повернуты к зрителю, луки же с натянутой тетивой — в профиль (рис. 14);

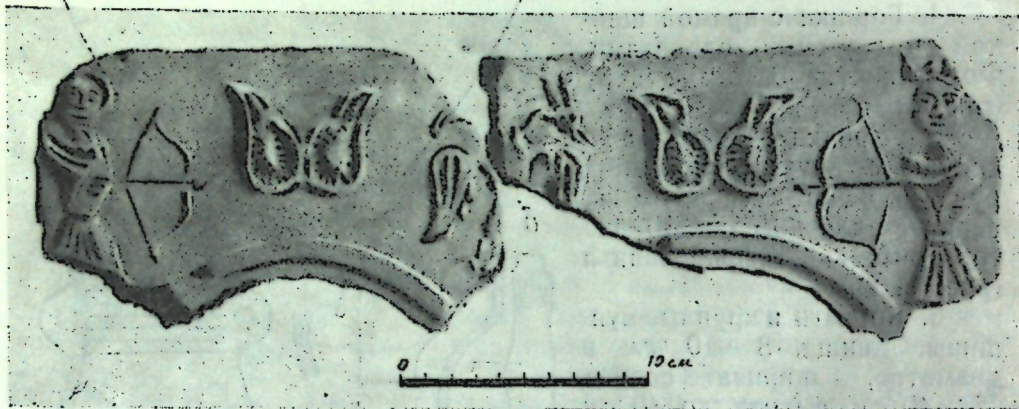

Рис. 14. Русский красный изразец XVI в.

б) три фрагмента от изразца размером 18×18; изображен всадник нерусского типа, с очень длинными усами, в шляпе, с острой узкой тульей и загнутыми полями. Подобные изображения, найденные и в Москве, считаются карикатурами на польских панов начала XVII в;

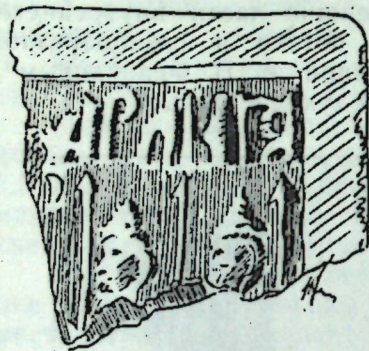

Рис. 15. Часть русского красного изразца с надписью „армия“, XVII в.

в) фрагмент (правый верхний угол) с изображением ряда воинов влево в профиль; на головах конические шлемы с назатыльниками, перед каждым воином копьё. Изображение в стиле XVI века, но этой дате противоречит надпись, где читается слово „армия“, которое появилось в русском словаре, кажется, несколько позже.

К поясовым изразцам относятся многие фрагменты с растительным орнаментом. Изображены листья, пальметки, плоды, изгибающиеся стебли, завитки, жгуты (рис. 16).

2. Зеленые изразцы представлены немногими фрагментами. Орнамент растительный. Полива — густозеленая. Найдены в слое XVII в.

3. Полихромные изразцы. Один из них имеет изображение части городского укрепления: двухэтажная башня, в нижнем этаже которой видны ворота, закрытые решеткой. Во втором ярусе два окна — бойницы. Башня перекрыта четырехскатной чешуйчатой крышей. По бокам второго яруса изображены две пушки жерлами на зрителя. За башней и рядом с ней изображены другие здания города. Фрагменты таких изразцов были найдены и в Москве, но наш фрагмент полнее, при этом сохранилась часть надписи в две

строки. В первой строке я читаю „адъ“, во второй — одна буква „р“. В целом предлагаю чтение: „(гр)адъ Ер (усалим)“. Возможно, что этот поливной изразец является продукцией мастеров патриаршей резиденции в подмосковном монастыре Новом Иерусалиме, где во времена Никона было широко поставлено „ценнинное“ производство.

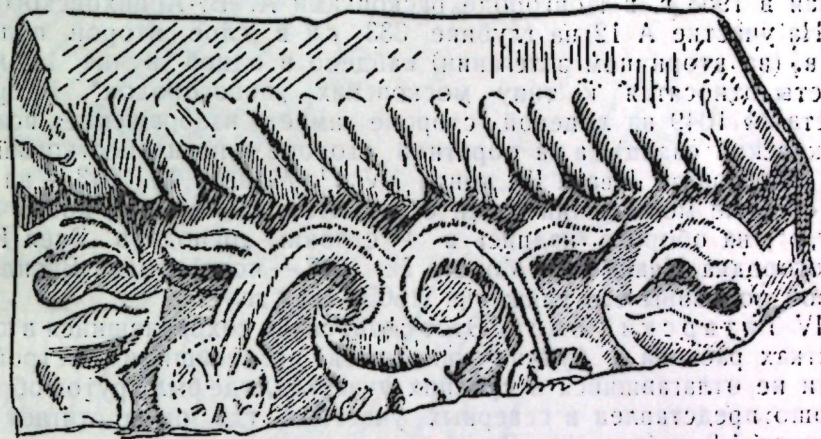

Рис. 16. Часть красного поясного изразца XVI—XVII вв.

Мнение М. Г. Рабиновича о полихромных изразцах XVII века сводится к тому, что орнамент у них „всегда растительный, окрашенный в яркие цвета“, тогда как сюжетные изразцы в середине и во второй половине XVII в. могли встречаться лишь в провинции, как реакция против новшеств патриарха Никона. Казань, конечно, провинция, но в ней наряду с полихромными растительными изразцами (кстати сказать, не ярких, а блеклых тонов) мы видим сюжетные ценнинные изразцы, вышедшие из мастерских того же патриарха Никона, державшегося новшеств. В данном случае вполне пристало вспомнить глубоко правильную поговорку, по которой „Казань городок — Москвы уголок“.

Наш материал не укладывается в схему, предложенную М. Г. Рабиновичем и заставляет ее пересмотреть. Мы различаем следующие виды полихромных изразцов:

- а) с растительным орнаментом — четырехугольные;
- б) с сюжетным орнаментом — тоже четырехугольные;
- в) с растительным восточным орнаментом — круглые.

Круглые изразцы представляют особый тип изразцов, до сих пор никем не изданный. Наш фрагмент — от круглой пластинки толщиной 0,8 см, на краях утолщается до 2,3 см. Пластика без румпы, имеет прямо обрезанные края с затеками поливы. Диаметр круга — 18 см. Орнамент построен на восьмичастном делении круга и состоит из извивающихся перистых листьев и стеблей. Напоминает он татарский, болгарский, иранский, встречающийся на резном камне, в вышивках, на металле. Подобную орнаментацию и размеры имеют лицевые стороны русских глиняных фляг. Подобные стенки фляг могли служить и изразцами. Круглые изразцы, судя по другим наблюдениям, сделанным в Казани, употреблялись в качестве наружных архитектурных украшений, вмазываясь в стены. На восьмигранной колокольне Ивановского монастыря, датируемой 1649 г., вма-

заны 8 таких изразцов, открытых под слоем побелок в 1952 г. Они неполированные. Один из них, диаметром 14 см, имеет орнамент в форме восьмилепестковой розетки, окруженной бордюром с елочным узором. Другой изразец (диам. 15 см) имеет рельефное изображение грифона.

Из железных предметов III слоя отметим ножи, дверные петли, стремя, часть подковы совершенно того же типа, что и найденная в 1953 г. в Новгороде раскопками А. В. Арциховского.

На участке А 12 на глубине 333 см в слое второй половины XVI в. (во вторичном залегании) найдено в одной кучке 11 монет. Монеты относятся к типу московских „новгородок“. Например, монета № 1049 на лицевой стороне имеет изображение всадника (московский ездец), а на обратной стороне — пятилепестковый цветок. Это монета Ивана III, конца XV в.¹ Монета № 1043 — на лицевой стороне московский ездец с поднятым мечом, под конем двойное „о“, на обороте надпись в 4 строки: „осподарь Всея Руси“. Новгородка Ивана III². Монета № 1047 — новгородка Василия III первой половины его княжения (1505—1519 гг.)³

IV Татарский слой. Этот слой, слабо сохранившийся в южных участках раскопа I, будучи уничтожен позднейшими постройками, почти не отлагавшийся в средних участках, где был крутой обрыв, — хорошо представлен в северных участках, где он достигает мощности до 1,8 м (рис. 6). Здесь, на среднем уступе кремлевского холма, сохранились массивные деревянные сооружения XV — начала

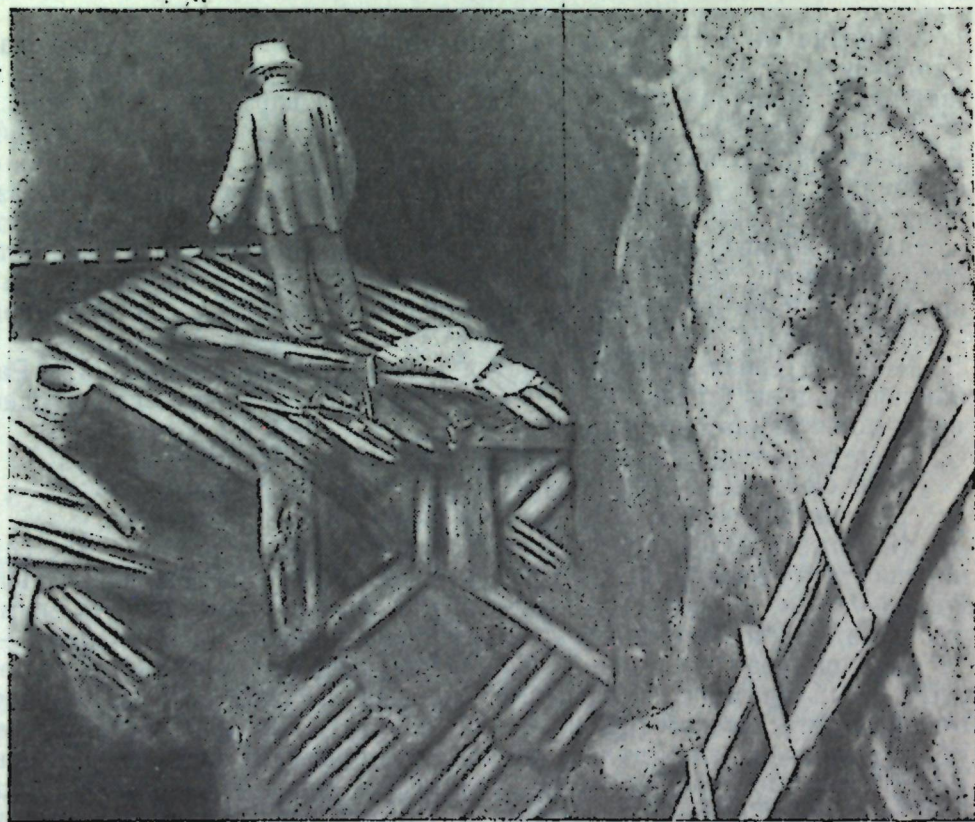

Рис. 17. Деревянные настилы татарской постройки первой пол. XVI в.

¹ Шодуар, Обзорение русских монет, ч. 1., табл. II, № 6.

² Федоров, Московские деньги. К. С. ИИМК. В. XXX, стр. 71, серия 8.

³ Федоров, Там же, стр. 76, серия 1.

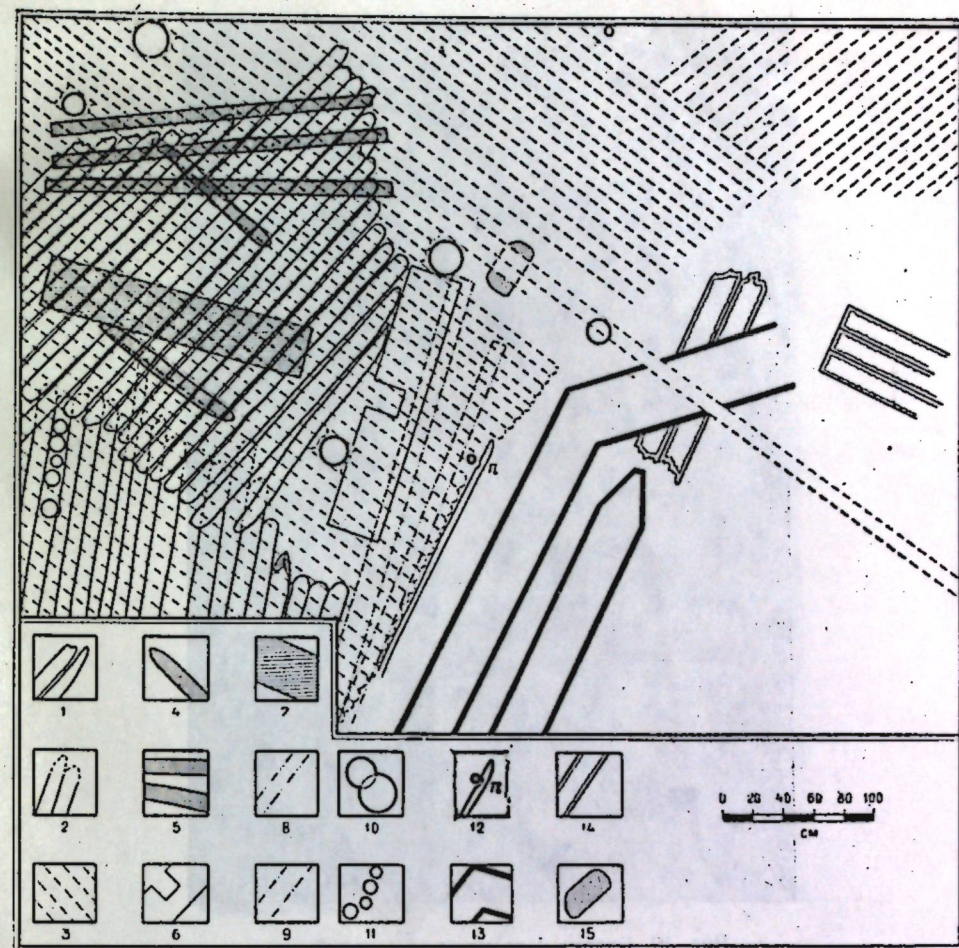

Рис. 18. План расположения деревянных настилов I пол. XVI в.

1. 1-й настил. 2. 2-й настил. 3. 3-й настил. 4. Поперечные бревна под 1 настилом. 5. Бревна на 3 настиле. 6. Бревно с поперечным пазом на 3 настиле. 7. Доска на 3 настиле. 8 и 9. Бревна с продольными пазами на 3 настиле. 10. Вертикальные столбы. 11. Ряд кольев. 12. Перила. 13. Бревна под 3 настилом. 14. Бревна и доски под бревнами (13). 15. Известняковый камень.

XVI вв. Сооружения эти пока открыты частично. Они представляют интересную систему деревянных настилов, то плотно прилегающих друг к другу, то переложенных слоями земли с разными культурными остатками (рис. 17 и 18).

I ярус (глубина 430—445 см) состоит из неотесанных еловых и сосновых бревен толщиной 12—13 см, лежащих с северо-востока на юго-запад. На бревнах сохранилась кора. На нижней поверхности бревен сделаны зарубки (рис. 19), которыми они налегают на поперечные бревна (рис. 18—4). Концы бревен налегают также на концы бревен II яруса (рис. 20). Противоположные концы (северные) лежат еще на трех длинных тонких жердях (рис. 18—5). II ярус состоит из таких же бревен, как и I, образующих с ними тупой угол в 175°. Бревна этого яруса находятся на глубине 445—460 см. III ярус на глубине 460—500 см состоит из подобных же бревен, достигающих длины в 4 м (рис. 18—3). Они лежат с юго-востока на северо-запад также под тупым углом к предыдущим настилам. Следуя рельефу холма, бревна этого настила имеют довольно значительную покатость к северо-западу. Вскрыто 60 бревен этого настила в ширину около 5 м.

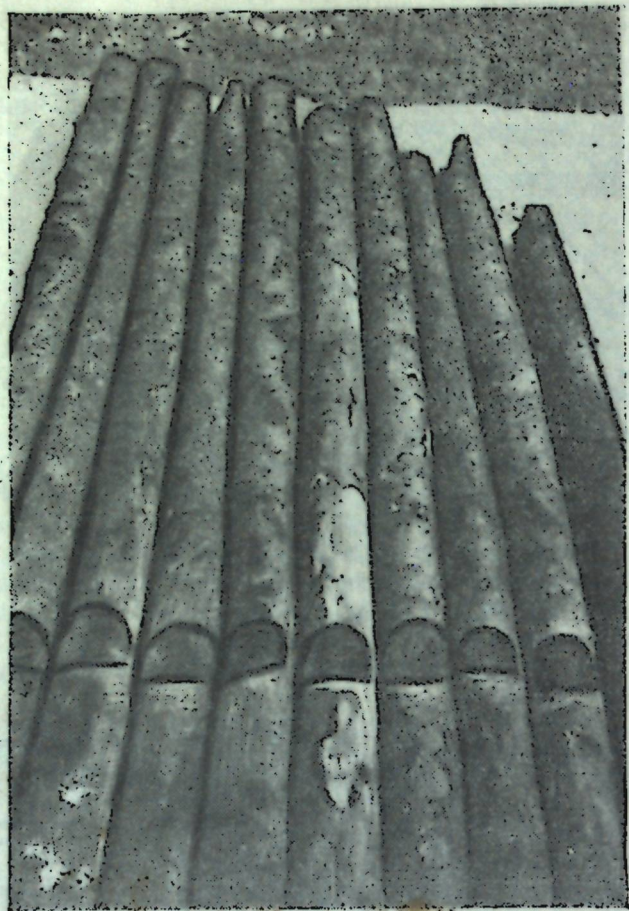

Рис. 19. Бревна 1-го настила с зарубками.

Все три бревенчатые настила вместе с земляными прослойками, имеющими значительное уплотнение, образуют массивное сооружение, имеющее техническую задачу образовать на наклонной плоскости горизонтальную строительную площадку, несущую большую тяжелую постройку.

От этой постройки сохранились некоторые конструктивные части, расположенные на III ярусе. Сюда относится бревно толщиной до 40 см, длиной 75 см, имеющее стесанную нижнюю поверхность и большой паз для столба. Оно лежит на восточном краю III настила (рис. 18—6). На этом же настиле возвышается несколько столбов, концы которых плотно зажаты горизонтальными бревнами (рис. 18—10). К востоку от описанных настилов обнаружено несколько больших бревен на глубине 500—550 см. Два из этих бревен особенно интересны. Они смыкаются между собой под углом 138°, образуя перегиб какой-то стены (рис. 18—13).

В виде гипотезы высказываем мнение, что все эти деревянные сооружения представляют части ограды ханского двора, стоявшего внутри кремля, и части высокой дозорной башни, стоявшей у северо-западного угла этого двора, аналогично северо-восточной башне, описанной Курбским. Ограда ханского двора рисуется, таким образом, крепостью в крепости, с прочными деревянными стенами и двумя высокими башнями. Кстати, мнения историков о каменной ограде

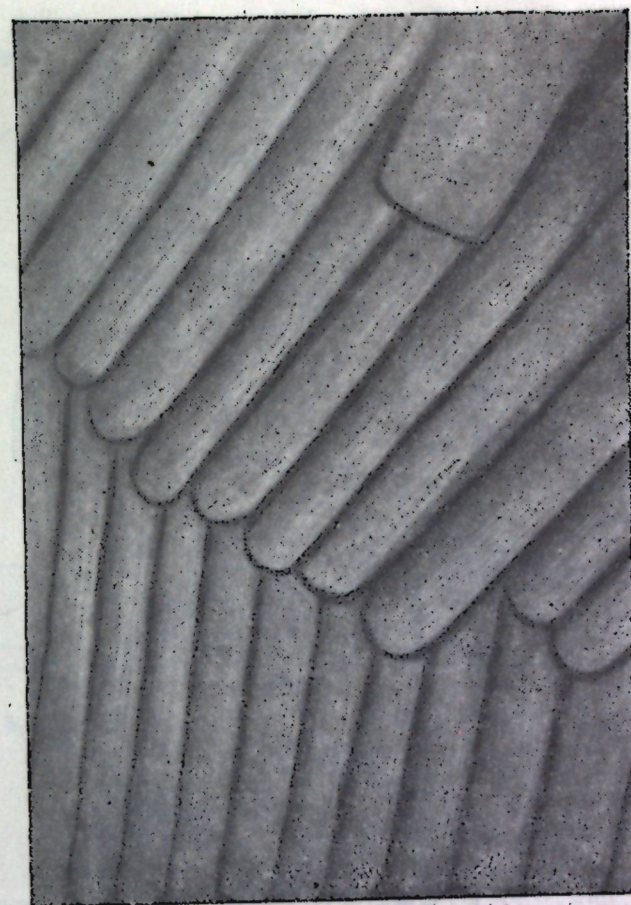

Рис. 20. Бревна 1 и 2-го настилов.

ханского двора не подтверждаются археологическими работами. Она была, видимо, деревянная.

Керамический материал. Богато представленный керамический материал дает образцы казанско-татарской посуды, аналогичной позднебулгарской. Техническая преемственность тут совершенно несомненна. К посуде кирпично-красного или желто-красного обжига относятся следующие формы:

1. Хумы — амфоровидные толстостенные сосуды, крупного размера, с днищами до 20 см в диаметре, высотой до 1 метра, с двумя широкими вертикальными ручками (рис. 21—1, 2, 3).

2. Курчага (по-русски корчага) — большие горшковидные сосуды высотой 50—60 см, с короткой шейкой, диаметр венчика 20—30 см, две вертикальные ручки (рис. 21—4).

3. Жбан — широкогорлые кувшины с одной ручкой. Диаметры венчиков 10—12 см. Сливной носок, или рыльце, — ложкообразное, полукруглое, шириной до 5—6 см (рис. 21—5).

4. Кукшин (по-русски кувшин) — более узкогорлые сосуды. Диаметр венчика 4—8 см (рис. 21—6).

5. Кумган — кувшины высотой 20—30 см, с длинными узкими носиками в виде трубки. Интересны такие трубочки, имеющие зоморфную форму (рис. 22—2). Они могут считаться древнебулгарской формой, сохранившейся в быту казанско-татарского населения,

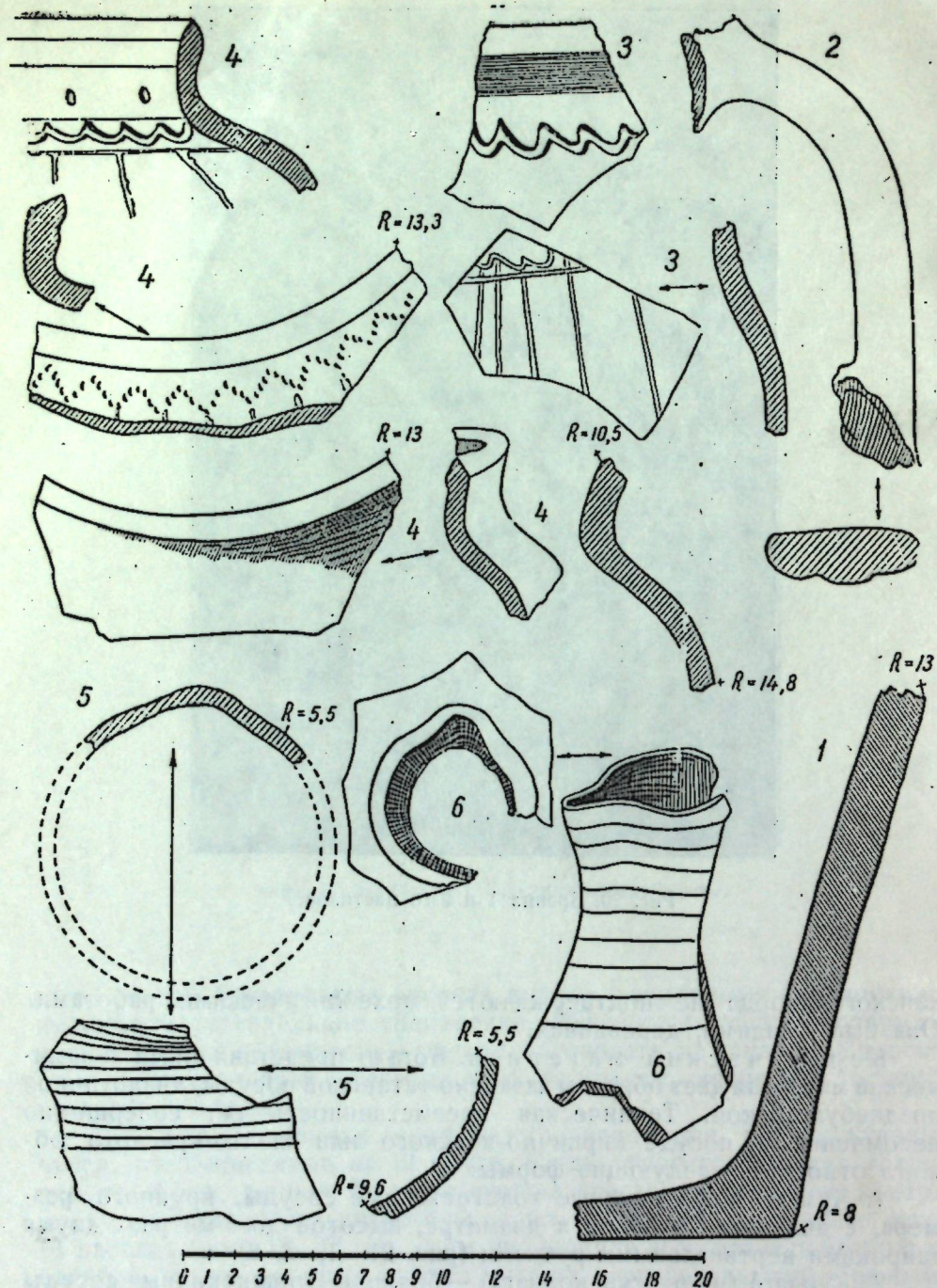

Рис. 21. Керамика татарского слоя.

1. Профиль крупного сосуда (хума). 2. Ручка. 3. Орнамент. 4. Венчики курчаг. 5. Части жбана. 6. Части кукшина.

несмотря на мусульманские запреты изображать живые существа. Конечно, форма этих живых существ — сильно стилизована. Один из носиков кумгана, представленный на рис. 22—2, имеет форму птичьей головы: над носиком возвышается узкий высокий гребень в виде глиняной пластинки со сквозными отверстиями. (Носик покрыт раскраской.) Повидимому, это голова петуха; форма, бытова-

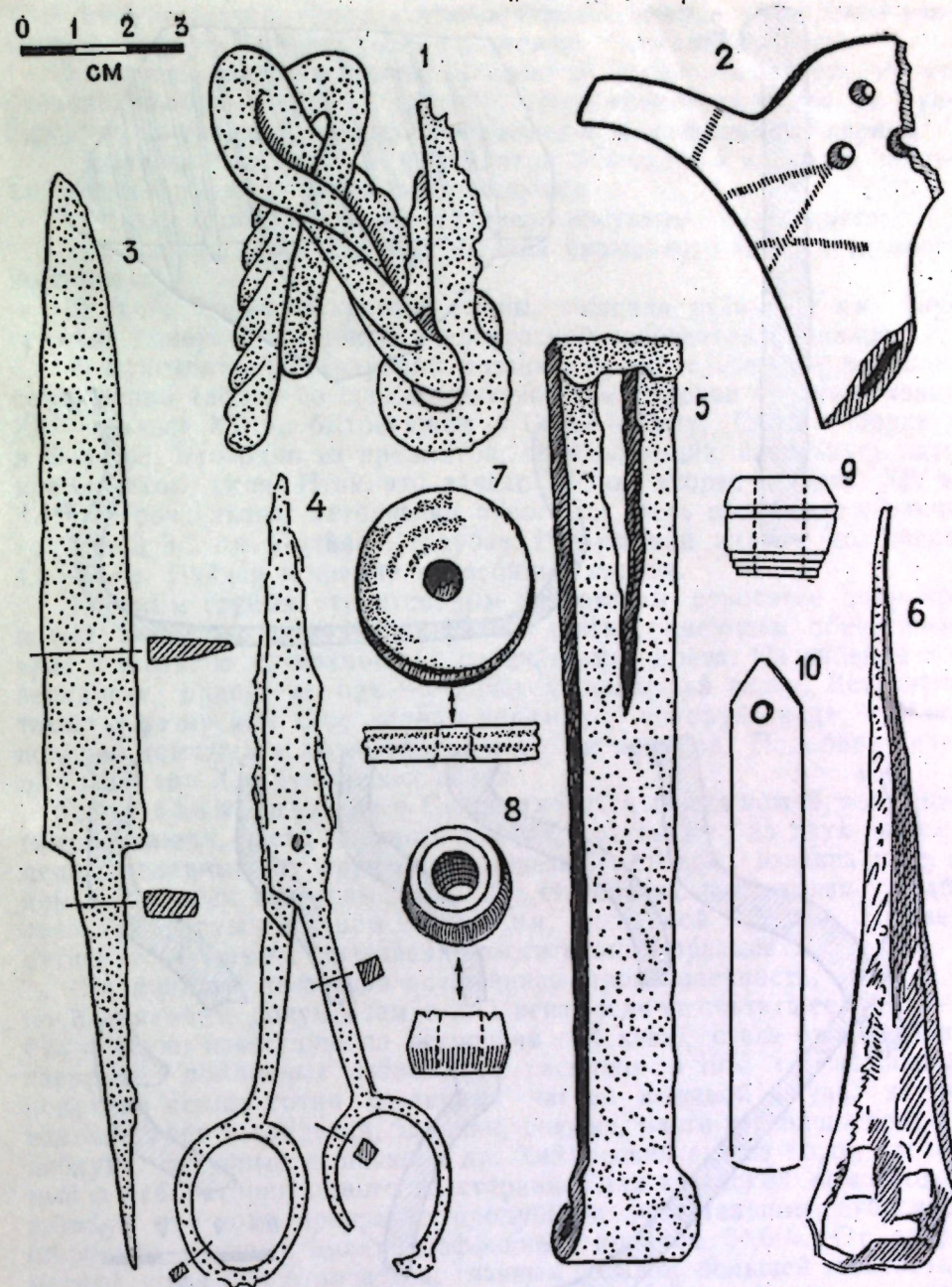

Рис. 22. Материалы татарского слоя.

1. Часть железного кольца. 2. Носик глиняного кумгана. 3. Железный нож. 4. Железные ножницы. 5. Железный ключ. 6. Костяная проколка. 7. Напрасло из глиняного черепка. 8. Напрасло каменное. 9. Костяной набалдашник. 10. Каменная точилка.

шая в Казани и позже у русского населения, как это мы отметили выше.

К прочим формам глиняной посуды относятся: балакыр (кринки), чияк (горшки), мелкие чашечки (рис. 23).

Орнаментация керамики очень похожа на болгарскую. Это — лощение полосами, наносимыми сверху вниз, реже наклонно, еще реже в сетку. Особую форму лощения представляет орнамент скорписный, впервые устанавливаемый нашими наблюдениями. Мастер

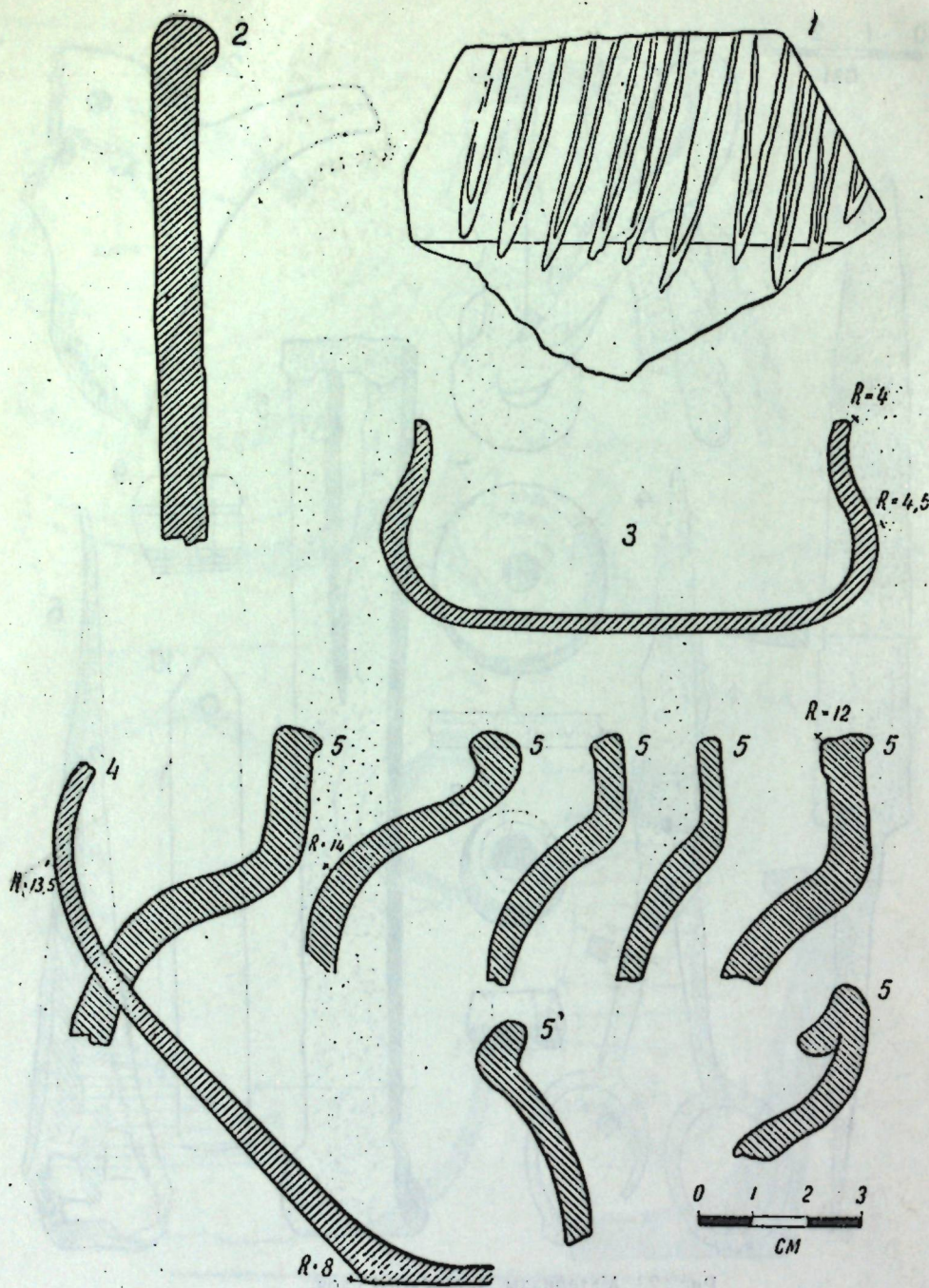

Рис. 23. Керамика татарского слоя.

1. Стенка сосуда со скорописным орнаментом. 2. Профиль балакира. 3. Профиль чашечки. 4 и 5. Профили горшков (чильяков).

наносил на глину непрерывно чередующиеся линии — волосные, поднимающиеся вверх, и нажимные, опускающиеся вниз. Получаются строчки подобные тому, когда мы пишем букву „ш“ или „т“. Мы пишем такие линии слева направо, но казанско-татарской же посуде видно, что мастер „писал“ такой орнамент *справа налево* (рис. 23—1) и, следовательно, имел навык в письме на основе араб-

ской письменности. Отсюда немаловажный вывод: *татарские гончары XV—XVI вв. были люди, знакомые с письменностью.*

К прочим видам керамики относятся: серая — во всем, кроме степени обжига, сходная с красной; коричневая — похожая на болгарскую, бытовавшую преимущественно в домонгольский период.

Небольшое количество фрагментов относится к керамике поливной. Здесь имеются такие разновидности:

1) белая с подглазурным кистевым рисунком синего цвета;

2) красная тонкостенная с поливой бирюзового или светлозеленого цвета;

3) часть блюда из красной глины, толщина стенки 9 мм; внутренняя поверхность покрыта прекрасной яркозеленой поливой;

4) фрагмент архитектурной мозаики, белый с голубой поливой, совершенно сходен со среднеазиатской тимуридской мозаикой конца XIV — начала XV в., бытовавшей в Сарае — Бату, Сарае — Берке и в Булгаре. Это один из предметов, определяющих начальную дату кремлевского слоя. Итак, это начало XV или вторая половина XIV в.

К строительным материалам относится часть поливного кирпича толщиной 3,5 см. Полива — голубая. Неполивной кирпич толщиной 4,5—5 см. Найден в кремле и фасонный кирпич.

К самым грубым строительным материалам относятся полусырцовые *глиняные обмазки*, вернее, плитки, имеющие обрезанные края и нижнюю поверхность с отпечатками дерева. На лицевой поверхности одной из них — отпечаток кошачьей лапки. Встречена также в татарском слое *лепная керамика*, которую надо считать посудой домашнего изготовления того же времени. Подобное явление известно и в болгарских слоях.

Железные изделия. Сюда относятся лезвия ножей, пожницы, гвозди, ключи, часть дверного пробоя, состоящего из двух звеньев цепи, сделанных из крученого железа — методом, издавна известном болгарским кузнецам (рис. 22). Интересна мастиковая плomba овальной формы размером 25×27 мм, толщиной 1,5 мм. На ней оттиснут сложный стилизованно-растительный орнамент.

Знаменитая казанская кожаная промышленность, известная по письменным документам с XVI века (если не считать ее предка — болгарскую, известную по летописям с X века), стала нам реально известна в *подлинных изделиях* с раскопок в 1953 г. Раскопками получено свыше сотни различных частей кожаной обуви, как-то: головки ичег и сандалий, задники, союзки, части голенищ и подошв, каблуки, фигурные нашивки и др. Химический анализ кожи, сделанный в лаборатории одного из стариннейших казанских кожзаводов, показал, что кожа прекрасно продублена растительным дублением (вероятно, корьем), имеет коэффициент продуба 34,6%. От современной кожи она отличается, главным образом, большей зольностью и малым количеством вымываемых веществ, что объясняется длительным воздействием воды, так как кожа лежала во влажной почве не менее четырех веков.

Дошедшие до нас части обуви знакомят нас с покроем обуви, с приемами ее шитья и формами.

Головки имеют треугольную форму со слегка дугообразными боковыми сторонами, с дугообразной выемкой в основании для пришивания союзки. Носок раздвоен и при сшивании с подошвой загibaется кверху. Тому же подтягиванию вверх служит внутренний шов, проходящий по середине головки, сжимающий кожу, гофрированную параллельными углубленными линиями, нанесенными горячим инструментом (рис. 24 и 25).

Задники выкроены фигурно, верхний край имеет форму язычка в виде тупого угла или значительно поднимающейся вверх дуги. К подошве они пришивались толстой нитью или железными гвоздями, а к головкам и голенищам — тонкими нитями частым швом. Часто задники украшены фигурным валиком, образованным стянутой нитями кожей.

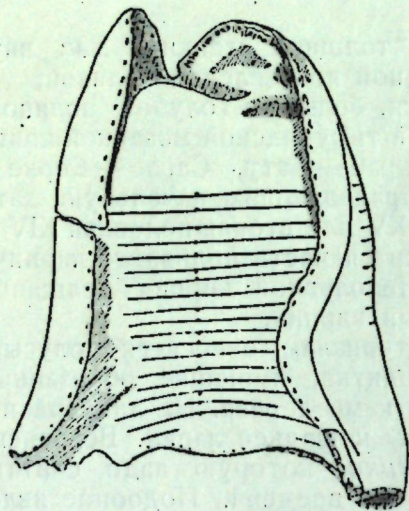

Рис. 24. Головка татарского ичига XV—XVI вв.

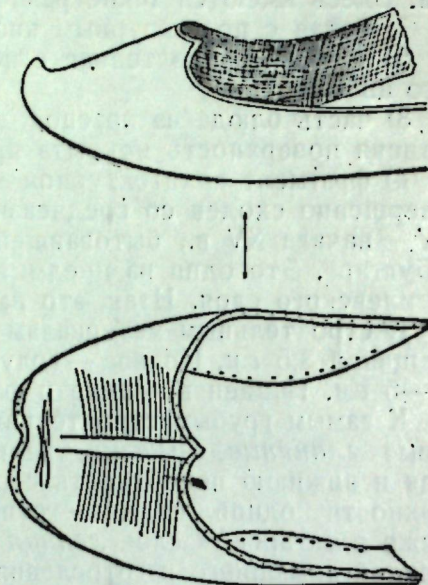

Рис. 25. Головка татарского сандалия XV—XVI вв.

Голенища мягкие. Передние их части сверху вырезаны входящим или выходящим тупым углом. К ним часто пришивалась сверху еще кожаная нашивка с дугообразным валиком и вертикальным разрезом для отворотов. В одном случае такой отрез украшен блестящими гвоздиками (рис. 26).

Подошвы обычно мягкие, свойственные татарским ичегам. Носок подошвы остроносый, загнутый (рис. 27). Один из таких носков украшен 28 миннаторными, гвоздиками с полусферическими головками. Гвоздики размещены узором и напоминают зерновой орнамент в форме треугольника.

Почти все образцы кожаных изделий представляют отдельные куски обуви, не соединенные между собой, сваленные как отбросы старой обуви, часто вторично использованной. Они связаны с сапожной мастерской крупного размера, относившейся, видимо, к мастерской, обслуживающей обитателей ханского двора, в том числе его гарнизон и прислугу. Поэтому тут немало плохой обуви, с грубой починкой.

Аналоги казанской обуви XV—XVI вв. нам известны в небольшом количестве из Булгарского городища, из Новгорода Великого XII—XIV в.¹ и из Москвы. Сходство между русской и казанско-татарской обувью отмечается в гофрировке головок, загнутости носков и др. Черт отличий также много: отсутствие высоких каблуков, преобладание мягких подошв и др.

¹ Якунина, Новгородская обувь XII—XIV вв., К. С. ИИМК, XVII, 1947, стр. 38—48.

Главнейшие выводы, которые можно сделать на основании материалов раскопок 1953 года с учетом других данных прошлых лет, сводятся вкратце к следующему:

1. Казанский кремль является территорией древнего города XIV—XVI вв. Здесь был расположен не только административный центр, но и целый город, в буквальном значении этого слова. Тут, рядом с ханским двором, жило и трудовое население — кузнецы, сапожники и другие. От низов общества феодальная верхушка — хан, вельможи с родней и обслуживающим персоналом — отгораживалась особой крепостной стеной с башнями, стоявшими внутри общегородских (кремлевских) укреплений.

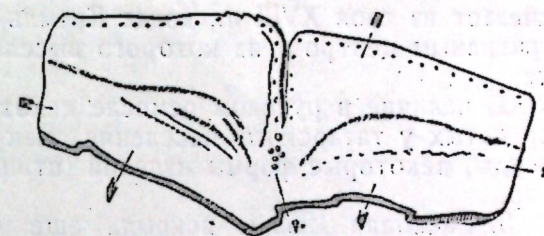

Рис. 26. Передняя верхняя часть голенища XV—XVI вв.

2. Кремль, как и вся Казань в целом с ее посадами и слободами, был в XIV — начале XVI вв. местом жительства татарского народа, сформировавшегося из булгар и родственных им племен. Над ним стояли чуждые ему ханы — выходцы из Золотой Орды и из Крыма. Надо резко отличать народ, его труд и его своеобразную культуру от ханов, от политической верхушки, которая вела антинародную политику.

Рис. 27. Подошва татарской обуви XV—XVI вв.

1. Подошва в расправленном виде. 2. Загнутый носок.

3. После присоединения Казани к Русскому государству в кремле, на месте ханского двора, были хранилища военного имущества русского государя, а позже, в XVII в. — Государев Рыбный двор. Но в ближайшем окружении стояли, наряду с боярскими домами, и избы трудового люда, ремесленников, среди которых можно назвать кузнецов, керамистов (в частности мастеров по изготовлению изразцов).

4. Татарское и русское трудовое население находилось в кремле периода Казанского ханства в культурном взаимодействии, проявлением чего служит:

а) наличие русской керамики в татарском слое, особенно — посуды из белой глины;

б) наличие русских монет XV—XVI вв., неоднократно находимых на территории кремля в татарском культурном слое;

в) наличие некоторых элементов сходства в кожевенно-обувных изделиях;

г) татарская керамика встречается в русском слое XVI—XVII вв. Ее становится меньше в верхних пластах этого слоя, и она совсем исчезает из слоя XVIII в., когда Кремль становится только административным центром, из которого выселяется все остальное население;

д) наличие в русском ремесле некоторых технических приемов, перенятых у татарского населения, как-то: вертикальное лощение посуды, некоторые формы изделий (птицеобразные носки кумганов) и др.

5. Раскопки 1953 г. вскрыли еще очень малую территорию. Необходимо расширить и углубить изучение кремля, его подземных коммуникаций, что, в частности, подсказывается и необходимостью принять меры к сохранению надземных архитектурных сооружений, которые подвергнутся воздействию Куйбышевского водохранилища.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Х. Г. Гимади. Об историческом значении присоединения Татарии к Русскому государству	3
Х. Х. Хасанов. Культурное строительство в Татарии в 1921—1925 гг.	15
М. К. Мухарямов. Коммунистические субботники в Татарии в 1919—1920 годах	25
Е. И. Чернышов. К вопросу о связи Камско-Волжского края с российским рынком в XVII веке.	37
М. Х. Гайнуллин. Гафур Кулахметов.	53
Э. М. Ахунзянов. Морфологическое освоение русских слов, заимствованных в татарский язык (имена существительные и прилагательные).	67
Л. Т. Махмутова. Описание грамматических особенностей касимовского говора татарского языка.	77
В. Ф. Павлова. Русское народно-поэтическое творчество в ТАССР. Песни Великой Отечественной войны и послевоенного периода:	85

ОТЧЕТЫ ЭКСПЕДИЦИЙ

М. Х. Гайнуллин. Н. Г. Чернышевский и его рукописи на татарском языке.	93
Н. Б. Бурганова. Говор параньгинских татар.	103
Н. Ф. Калинин. Раскопки в Казанском кремле в 1953 г.	117

Редактор *Р. Х. Хабибрахманов*
Техн. редактор *М. З. Шарафутдинова*
Корректоры *Г. В. Аквильянова, Л. П. Рябикова*

Сдано в набор 24/II-1955 г. Подписано к печати 12/VIII-1955 г. ПФ 02583 Формат бумаги 72X108¹/₁₆.
Печати. листов 8,75+0,25 вкл. (11,99+0,34 вкл.) Уч.-изд. л. 10,94+0,18 вкл. Кол. знаков в 1 листе 76000.
Заказ № 086 Тираж 500. Цена 5 руб. 55 коп.

Типография Татполиграфического Министерства культуры ТАССР.
Казань, ул. Миславского, д. № 9.